

Г. И. Иконникова

„ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ“
ФАЛЬСИФИКАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННОГО
ПРОЦЕССА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Г. И. Иконникова

„ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ“
ФАЛЬСИФИКАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННОГО
ПРОЦЕССА

Москва "Мысль" 1986

ББК 60.5
И42

РЕДАКЦИИ
ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор *Ю. Г. Кудрявцев*
кандидат философских наук, доцент *М. Л. Полищук*

Автор предисловия – доктор философских наук,
профессор *Э. А. Араб-Озлы*

И $\frac{0302030900-023}{004(01)-86}$ 5-86

©. Издательство "Мысль", 1986

**ЛОЖНЫЕ ПОСТУЛАТЫ
"ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА"**

Огромную роль в ускорении общественного развития и формировании будущего в нашу эпоху играет научно-техническая революция, ее непосредственные и более отдаленные социальные последствия. Социальная революция и научно-техническая революция — это не изолированные друг от друга процессы, просто совпавшие во времени, но взаимно обусловленные, взаимно дополняющие стороны исторического перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе. Как отмечается в документах КПСС и международного коммунистического и рабочего движения, научно-техническая революция стала одним из главных поприщ исторического соревнования двух систем. Окончательный исход этого соревнования, безусловно, предreshен в пользу социалистической системы. Однако конкретные сроки победы социализма во всем мире и перехода человечества к коммунизму, успехи идеологического противоборства двух систем на мировой арене во многом зависят от того, в какой мере социализму удастся наиболее эффективно соединить свои преимущества с достижениями науки и техники. Соревнование двух систем в области научно-технической революции неизбежно отражается и преломляется в идеологической борьбе нашей эпохи. "В теоретической, всей идеологической деятельности необходимо учитывать те особенности общественного развития, которые связаны с воздействием научно-технической революции"¹.

Диалектика социальной и научно-технической революций в нашу эпоху включает в себя исключительно сложные социальные, экономические, политические и идеологические процессы, требующие дальнейшего теоретического осмысления и исследования целого ряда проблем на стыке философии со специальными отраслями знания.

В будущем следует ожидать дальнейшего возрастания роли научно-технического потенциала не только в экономическом соревновании двух систем и в решении настоятельных глобаль-

¹ КПСС в резолюциях..., т. 13. М., 1981, с. 358.

ных проблем человечества, но и в идеологическом противоборстве социализма и капитализма. В связи с этим важное теоретическое и практическое значение приобретает марксистско-ленинская критика различных буржуазных и мелкобуржуазных концепций научно-технической революции, которые, как правило, одновременно являются и прогностическими концепциями.

Научно-техническая революция сопровождается быстрым развитием новых средств социального познания, прогнозирования и научного управления, в том числе моделирования сложных систем на компьютерах (в частности, глобального моделирования). Это предполагает как совершенствование критики буржуазной идеологии, спекулирующей на этих научных направлениях, так и позитивную разработку многих связанных с ними общетеоретических и прикладных областей философского знания, на что обращалось внимание советских философов в материалах XXVI съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС.

В своей интерпретации социальных проблем, последствий и перспектив научно-технической революции буржуазные идеологи, как правило, придерживаются "технологического детерминизма", обстоятельной критике которого и посвящена предлагаемая вниманию читателей книга Г.И. Иконниковой. "Технологический детерминизм" исходит из абсолютизации роли науки и техники в общественном развитии, особенно в современную эпоху, и сопровождается противопоставлением научно-технического прогресса социальной революции. Поборники "технологического детерминизма" (Д. Белл, Г. Кан, З. Бжезинский, О. Тоффлер, Дж. Нейсбитт и др.) не скрывают своего убеждения в том, будто он представляет собой наиболее эффективную теоретическую альтернативу марксистскому материалистическому пониманию истории и научному коммунизму.

Возникнув первоначально как социально-философская парадигма, "технологический детерминизм" в настоящее время превратился в одно из направлений современной буржуазной социологии, представляющее симбиоз социально-философских, философско-исторических, формально-социологических знаний. Вместе с тем представители "технологического детерминизма" в современной буржуазной общественной мысли усматривают в нем новую "тотальную идеологию" (в маннгеймовском смысле этого термина), призванную придать государственно-монополистическому капитализму в условиях научно-технической революции дополнительную "легитимизацию", или теоретическое обоснование его права на будущее и моральное оправдание и привлекательность в глазах общественного мнения.

Вот почему рассмотрение и опровержение "технологического детерминизма" как одного из направлений в буржуазной социологии и как социально-философской парадигмы имеет веские основания. Но вместе с тем такой сравнительно новый подход к критике буржуазных концепций "технологического детерми-

низма" предполагает некоторое разъяснение. Хотя само понятие "парадигма" ведет свое происхождение из античной философии, где им обозначалась общая типология для решения философских проблем и логических задач, в современном его употреблении пока не существует однозначной и строго научной определенности. Так, американский социолог Р. Мертон рассматривает парадигму как набор связанных между собой исходных теоретических положений (аксиоматических или покоящихся на эмпирическом опыте), которые могут служить предварительным эскизом теории среднего уровня и методологии научных исследований. Несравненно более аморфным является приобретенное на Западе определение парадигмы американским социологом науки Г. Куном, который подразумевает под ней какую-либо научную идею, воспринятую учеными в качестве теоретического и методологического руководства в своих исследованиях.

При любом определении парадигмы следует иметь в виду, что она заведомо не является обстоятельно разработанной, внутренне согласованной и логически последовательной научной теорией. Обладая определенным сходством с так называемыми полуэмпирическими теориями, или моделями, в естествознании, социологические парадигмы представляют собой более или менее произвольные умозрительные конструкции, сочетающие в себе отдельные теоретические постулаты и разрозненные эмпирические обобщения. Иначе говоря, они могут выглядеть правдоподобными, но лишены достоверности.

Не отрицая определенного познавательного значения парадигмы в науке как средства приближения к объективной истине, уместно напомнить о предостережении Мертона, что все ее достоинства легко могут перерасти в недостатки: "Вооружившись своей парадигмой, социолог может закрыть глаза на принципиально важные данные, если она специально не выделяет их. И, таким образом, сама парадигма из полевого бинокля может превратиться в социологические шторы. Подобное злоупотребление парадигмой вытекает из ее абсолютизации вместо использования ее лишь в качестве предварительной точки зрения"². И это полностью распространяется на парадигму "технологического детерминизма".

Стремясь изложить свои взгляды как социально-философскую парадигму, представители "технологического детерминизма" прежде всего молчаливо признают свою неспособность сформулировать их в виде последовательной и строго научной теории общественного развития. Даже в лучшем случае парадигма "технологического детерминизма" в ее наиболее разработанном варианте (например, в книге Д. Белла "Грядущее постиндустриальное общество") представляет собой весьма фрагмен-

² Merton R. Social Theory and Social Structure. New York, 1968, p. 72.

тарную социально-философскую концепцию, включающую в себя весьма разнообразные компоненты.

В подавляющем же большинстве своих вариантов подобная парадигма оказывается не столько предварительным эскизом, сколько суррогатом общесоциологической теории. Это особенно бросается в глаза в футурологических сочинениях Г. Кана, где парадигма "технологического детерминизма" превращается буквально в калейдоскоп произвольных постулатов, исторических аналогий, статистических экстраполяций, гротескных сценариев будущего и литературных метафор. Нередко они совмещаются для придания им "научности" в изобретенные Каном "картограммы", призванные впечатлить читателей обилием информации, уместающейся на квадратном сантиметре бумаги³.

Такой парадигмальный подход к познанию социальных процессов, как убедительно показано в книге Г. И. Иконниковой, свидетельствует о теоретической и методологической несостоятельности "технологического детерминизма". Но вместе с тем он позволяет его поборникам, не смущаясь эклектичностью своих аргументов и рассуждений, одновременно апеллировать как к фаталистическому "технологическому императиву", действующему в обществе якобы вопреки воле людей, так и к волюнтаристскому принципу "самооправдывающегося пророчества", согласно которому будущее человечества зависит от убеждения людей в его неизбежности. Абсолютизация роли науки и техники в общественном развитии воплощается ими в целом ряде исходных теоретических постулатов, важнейшим из которых является утверждение о наличии самостоятельного "технологического измерения" общественных процессов.

Это новое "измерение", которое, по их мнению, выявила научно-техническая революция, якобы предполагает коренной пересмотр традиционных критериев в оценке не только теоретических представлений, но и политических убеждений. Оно настаивает "технологические детерминисты", если и не упреждает полностью, то во всяком случае резко умалляет социальные оценки прогрессивности и реакционности, а также деление на "левых" и "правых" по политическому признаку. В свое время американский социолог Г. Саймон, лауреат Нобелевской премии по экономике, следующим образом сформулировал этот подход, имея в виду отношение различных ученых к социальным последствиям автоматизации: "Различия во взглядах между экспертами, однако, не укладываются вдоль единственной линии от "левых" к "правым". Ибо наряду с экономическим измерением существует также технологическое, и взгляды, присущие одному из них, почти независимы от взглядов, присущих другому..."⁴. Согласно Саймону, можно вполне быть технологическим

³ The Futurist, 1983, October, p. 62.

⁴ Simon H. The Age of Automation. New York, 1966, p. 15.

радикалом, оставаясь социальным консерватором (каким он сам себя считает), и, наоборот, быть одновременно социальным радикалом и технологическим ретроградом. Впоследствии Д. Белл распространил этот подход на общественное развитие в целом.

С точки зрения марксистско-ленинского классового анализа идейных течений и политической борьбы подобное противопоставление технологических взглядов социальным является сугубо формальным и не выдерживает критики по существу: в конечном счете отношение к науке и технике является вторичным и производным от социальных позиций, хотя и не обязательно совпадающим в каждом индивидуальном случае. Важно поэтому подчеркнуть, что за рассуждениями буржуазных идеологов о приоритете "технологического измерения" в сущности скрывается изощренная апология современного государственно-монополистического капитализма, а также их стремление оправдать свои консервативные социальные убеждения мнимой прогрессивностью во взглядах на науку и технику.

В своем подавляющем большинстве представители "технологического детерминизма" (Д. Белл, Г. Кан, З. Бжезинский, П. Дракер, С. М. Липсет, Дж. Нейсбитт, Р. Арон, Ж. Фурастье, М. Понятовский и др.) как раз и являются такими убежденными социальными консерваторами, выступающими под знаменем "технологического радикализма". При этом "технологический радикализм" в их концепциях обычно прямо пропорционален их социальному консерватизму. Они же, как правило, выступают в настоящее время и как наиболее видные идеологи неоконсервативного течения на политической арене, пользуются значительным влиянием в официальных кругах и особым расположением монополистической буржуазии.

В парадигме "технологического детерминизма" важное место отводится также теоретическому постулату о "технологическом императиве", якобы являющемся определяющей движущей силой поступательного развития общества. Этот повелительный императив, который выводится из спонтанной внутренней логики развития науки и техники, занимает краеугольное положение в концепции "постиндустриального общества", особенно в книгах О. Тоффлера "Третья волна" (1980 г.), Дж. Нейсбитта "Мегатренды" (1982 г.) и др. Признание "технологического императива" в качестве изначального фактора, предопределяющего социальный облик общества, неизбежно сопровождается перерастанием "технологического детерминизма" в своеобразный фетишизм.

В свое время К. Маркс в "Капитале" всесторонне раскрыл классовую природу товарного фетишизма в буржуазном обществе⁵. Этот марксистский анализ проливает свет также и на про-

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 80–93.

исхождение, сущность и социальное назначение современного технологического фетишизма. Как известно, техника — не только по своему определению, но и по своей социальной природе — является орудием, средством для достижения вполне практических целей, которые ставят перед собой люди и общество. Одни и те же технические средства могут быть эффективно использованы для достижения различных, нередко прямо противоположных социальных и политических целей в зависимости от общественных условий ее применения.

Подлинные отношения между техническими средствами и социальными целями переворачиваются буржуазными идеологами с ног на голову. Абсолютизируя относительную самостоятельность в развитии техники, они изображают его как спонтанный процесс, независимый ни от намерений людей, ни от общественных условий применения этой техники. Как и в товарном фетишизме, это сопровождается неоправданным перенесением на технику общественных отношений, отождествлением социальных функций техники с якобы извечно присущими ей природными (вещественными) свойствами, а также персонификацией техники как безличной силы, повелевающей людьми.

Научно-техническая революция в изображении буржуазных социологов как бы трансформирует современное общество в "технологическое общество", а современного человека — в "технологического человека". В таком обществе сознание и поведение якобы всецело подчинены категорическому "технологическому императиву", смысл которого сводится к тому, что человек якобы вынужден делать все, что технически осуществимо, даже во вред себе.

В современной буржуазной социальной философии довольно четко прослеживаются (с точки зрения их функциональной роли в общественном сознании) три основных уровня технологического фетишизма: прагматический, утопический и мифологический.

На первом, прагматическом уровне в ходе повседневной практической деятельности политиков, управляющих корпорациями, многих ученых, а также в обыденном сознании и поведении людей технологические аспекты научно-технической революции заслоняют ее социальные проблемы, последствия и перспективы. При этом классовый характер политики и идеологии подменяется "социальной технологией" и "интеллектуальной технологией", т. е. административными аспектами управления и манипулированием сознанием и поведением масс. Эта тенденция весьма четко проявляется в различных вариантах концепции "постиндустриального общества".

На втором, утопическом уровне непосредственно либо исподволь внушается мысль, будто все экономические противоречия и социальные конфликты в современном капиталистическом обществе порождены не объективными пороками самой антаго-

нистической системы, а лишь недостатком наших знаний (уровня науки и техники, образования и т. п.). Отсюда логически вытекает утопическая по своему характеру иллюзия, будто любая социальная проблема, как бы сложна она ни была, может быть в конечном счете преодолена и снята в ходе научно-технического прогресса. При этом буржуазные идеологи, в равной мере ссылаясь на "технологический императив", проецируют в будущее весьма разнообразные утопии в соответствии со своими социальными убеждениями: у П. Б. Беквитта это жестко регламентированное технической целесообразностью общество; у Г. Кана и З. Бжезинского — общество праздных джентльменов, благоденствующих на попечении интеллектуальной элиты; у О. Тоффлера — буржуазно-индивидуалистическое сообщество, скроенное в соответствии с социальным идеалом современных представителей свободных профессий на Западе.

Наконец, на мифологическом, т. е. иррациональном по своему характеру, уровне технологический фетишизм выливается в представление, будто все общество в целом является лишь грандиозным механизмом, гигантским компьютером, которым управляет безличный "технологический императив", стоящий над людьми и фатально повелевающий их сознанием и поведением. Этот миф объективно носит апологетический характер по отношению к государственно-монополистическому капитализму, ибо снимает с него ответственность за отрицательные социальные последствия научно-технической революции.

У технологического фетишизма имеются свои как гносеологические, так и социальные корни, обстоятельное выявление которых является несомненным достоинством работы Г. И. Иконниковой. Этот фетишизм, как подчеркивается в книге, представляет собой не просто субъективное заблуждение отдельных философов и социологов, а такое заблуждение, которое объективно выгодно монополистической буржуазии. И благодаря этому он намеренно насаждается средствами массовой информации в общественном сознании, особенно среди интеллигенции, в качестве панацеи от марксизма и научного коммунизма.

Технологический фетишизм является теоретическим обоснованием современной технократической идеологии, которая призвана придавать историческую правомерность и морально оправдать использование достижений научно-технической революции в интересах государственно-монополистического капитала. Демагогические ссылки на "технологический императив" позволяют монополистической буржуазии в своей практической деятельности выступать не от своего лица, а под флагом преданных и бескорыстных служителей безличного научно-технического прогресса. При этом капиталистическая рационализация производства и управления преподносится общественному мнению как некая объективная "технологическая рациональность",

продиктованная якобы беспристрастными научными и техническими соображениями в интересах эффективности и для общей пользы. Всякий же, кто выступает против злоупотреблений достижениями науки и техники в интересах монопольной буржуазии, объявляется противником прогресса, ретроградом, луддитом и т. п. Вместе с тем это позволяет ей снять с себя ответственность за отрицательные, нередко катастрофические последствия научно-технической революции, относя их на счет опять-таки безличного "технологического императива", жертвами которого якобы в равной мере становятся как трудящиеся, так и капиталисты.

Реакционное социальное назначение "технологического детерминизма", его апологетическая функция с наибольшей очевидностью дают о себе знать в буржуазной концепции социальной технологии. Противопоставление научно-технического прогресса социальной революции в этой концепции зиждется на теоретическом постулате, согласно которому для каждой проблемы в обществе в конечном счете может быть найдено упраздняющее ее эффективное технологическое решение. Программные цели социальной технологии были в свое время весьма откровенно сформулированы американским физиком О. Вайнбергом в виде ряда риторических вопросов: "Не можем ли мы изобрести остроумные технологические устройства для глубоких и бесконечно сложных социальных проблем, устройства, которые были бы в пределах достижимости для современной технологии и позволили бы либо вообще устранить первоначальную социальную проблему, не требуя изменения в поведении людей, либо так преобразовать эту проблему, что ее решение стало бы более реальным?.. В какой мере могут быть использованы технологические средства избавления от социальных проблем без того, чтобы устранить сами причины этих проблем?" Сам Вайнберг давал на эти вопросы утвердительный ответ и уповал на то, что "социальная технология" позволит капиталистическому обществу избежать радикальных социальных преобразований⁶.

С тех пор на протяжении почти двух десятилетий усилия многих буржуазных ученых и идеологов, поборников "технологического детерминизма", были направлены на то, чтобы теоретически и эмпирически обосновать концепцию социальной технологии, а также найти практические технические решения для возможно более широкого круга социальных противоречий и конфликтов современного капиталистического общества. Социологическая и в особенности футурологическая литература на Западе изобилует не столько остроумными, сколько софистическими рассуждениями на тему о том, какие предполагаемые научные открытия и технические изобретения могли бы в будущем решить проклятые для капитализма социальные проблемы.

⁶ Bulletin of Atomic Scientists, 1966, December, p. 5.

В 70-е годы многие буржуазные демографы на Западе рассчитывали, что изобретение дешевых и эффективных противозачаточных средств позволит быстро положить конец "демографическому взрыву" в развивающихся странах, независимо от достигнутого ими уровня экономического, социального и культурного развития. На изготовление и рекламу этих средств были израсходованы сотни миллионов долларов. Результат, однако, был обескураживающим. Как вынужден был признать французский демограф П. Шоню, попытка решить эту социальную проблему техническими средствами (по аналогии с проектами "Манхеттен" или "Аполлон") привела к падению рождаемости не в развивающихся странах, а на Западе: "...произошло как раз обратное тому, что от них ожидалось; они не оказали заметного влияния на "третий мир", но повлекли катастрофические последствия для мира, создавшего эти средства... Мы как бы плюнули против ветра"⁷.

В настоящее время на Западе растет разочарование в эффективности "социальной технологии". Ее призывают дополнить "интеллектуальной технологией", "технологией поведения", под которыми в основном подразумевается изощренная манипуляция сознанием и поведением масс.

Тем не менее даже усовершенствованные варианты буржуазной концепции социальной технологии открыто или молчаливо руководствуются антигуманистическим убеждением в том, что человек является наименее надежным компонентом в любых производственных, управленческих, распределительных и прочих социальных системах. Поскольку поведение людей в значительной мере непредсказуемо, постольку человеческий компонент в таких системах должен по возможности быть заменен вещественным. Там же, где это пока невозможно или нерентабельно, человек должен быть поставлен в такое положение, чтобы в силу технической необходимости он мог функционировать только однозначным и полностью предсказуемым образом. Буржуазная социальная технология стремится довести до логического конца присущий капитализму принцип общественных отношений, в которых не люди управляют вещами, а, напротив, вещи повелевают людьми. Экономическое принуждение при этом дополняется всеобъемлющим технологическим принуждением.

Последовательное и органическое сочетание передовых взглядов как на социальный, так и на научно-технический прогресс возможно лишь с позиций революционного рабочего класса, в марксистско-ленинской теории поступательного развития общества к коммунизму. Именно эта идея была лаконично сформулирована В. И. Лениным: "Перед союзом представителей науки, пролетариата и техники не устоит никакая темная сила"⁸.

⁷ Le défi démographique. Paris, 1978, p. 24.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 189.

Материалистическое понимание истории опровергает противопоставление социального и научно-технического прогресса. К. Маркс и Ф. Энгельс, как известно, всегда связывали практическое воплощение в жизнь социальных идеалов коммунизма не только с глубокими революционными преобразованиями в обществе, но и с ростом производительности труда благодаря техническому прогрессу, с процессом превращения науки в непосредственную производительную силу. Социалистическая революция не только освобождает трудящихся от эксплуатации, но и раскрепощает науку из-под власти капитала. Как подчеркивал В. И. Ленин, "социализм немислим без... техники, построенной по последнему слову новейшей науки..."⁹. Эта революционная марксистско-ленинская традиция, требующая соединения самой передовой науки и техники с самым прогрессивным, общественным строем, в нашу эпоху получила свое воплощение в сформулированной Коммунистической партией Советского Союза исторической задаче органически соединить новейшие достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы.

Международное коммунистическое и рабочее движение отвергает как буржуазно-апологетические концепции, согласно которым научно-техническая революция якобы упраздняет историческую необходимость социалистической революции, так и различные мелкобуржуазные радикальные утопические представления о том, будто социальная справедливость в обществе может быть осуществлена помимо и даже вопреки научно-технической революции. Как те, так и другие идеологические концепции объективно направлены против освободительного движения трудящихся, препятствуют социалистической революции и строительству коммунизма.

Научно-техническая революция — необходимое условие для создания производительных сил, адекватных коммунистическим производственным отношениям, для окончательной ликвидации различий между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, для практического претворения идеалов материального благосостояния трудящихся, подлинного равенства и справедливости, всестороннего развития личности. В исторической перспективе она является материально-технической предпосылкой для скачка из царства необходимости в царство свободы, о котором писали К. Маркс и Ф. Энгельс. В этом смысле она представляет собой необходимую составную часть революционного перехода человечества от антагонистического общества к коммунизму, подтверждая тем самым краеугольное положение материалистического понимания истории о диалектическом единстве технологических переворотов в развитии производи-

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 300.

тельных сил и социальных революций в смене производственных отношений. Коммунисты исходят из того, что только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление. В свою очередь, только на основе ускоренного развития науки и техники могут быть решены конечные задачи революции социальной — построено коммунистическое общество.

Материалистическое понимание истории, как известно, не имеет ничего общего с вульгарным экономизмом, с механистическими схемами развития общества. Современная научно-техническая революция, как и прежние технологические перевороты во всемирной истории, несомненно, обладает определенной внутренней логикой и относительной самостоятельностью в своем развитии. Между технологическими переворотами в развитии производительных сил и социальными революциями в производственных отношениях и в прошлом никогда не было автоматической непосредственной связи и последовательности во времени.

Промышленная революция конца XVIII — начала XIX века, заложившая адекватный технологический базис для капиталистического способа производства, как известно, в одних странах произошла много времени спустя после буржуазно-демократических революций (Англия, Нидерланды), в других — примерно совпала с ними во времени (Франция, США), наконец, в третьих она началась задолго до буржуазных революций (Германия, Австро-Венгрия, Россия). Аналогично этому современная научно-техническая революция в силу определенного стечения конкретно-исторических обстоятельств (победы пролетарской революции первоначально в экономически менее развитой стране) стремительно развивается как в социалистических, так и в капиталистических странах.

Диалектическая связь технологических переворотов и социальных революций проявляется не в том, что они приурочены к одному времени и совершаются в строго однозначной последовательности, а в том, что, с одной стороны, ни одна новая социальная система не может окончательно утвердиться без соответствующей ей материально-технической базы, а с другой — новый технологический переворот, даже начавшись в недрах старой системы, не может уместиться в ее рамках. Подобно тому как промышленная революция в конечном счете оказалась несовместимой с феодальными отношениями, научно-техническая революция нашей эпохи в исторической перспективе не может вписаться в пределы капиталистической системы. Социальные последствия научно-технической революции при социализме и капитализме принципиально различны, ибо в одном случае она укрепляет новый общественный строй, тогда как в другом — подтачивает его устои.

Научно-техническая революция обладает колоссальным гума-

нистическим потенциалом, способным облегчить труд людей, значительно увеличить их свободное время и материальное благосостояние, сделать достижения науки и культуры достоянием широких масс, устранить голод и нищету на земном шаре, ликвидировать массовые заболевания и значительно продлить человеческую жизнь. Однако этот гуманистический потенциал науки и техники реализуется в капиталистическом обществе лишь в крайне ограниченных масштабах и весьма противоречивых формах, главным образом благодаря борьбе рабочего класса за экономические интересы и социальные права трудящихся.

В области использования достижений науки и техники капиталистическое общество является ареной двух противоборствующих тенденций. С одной стороны, это стремление монополистической буржуазии воспользоваться наукой и техникой для укрепления своего экономического могущества и политической власти в борьбе против освободительного движения. С другой стороны, это борьба рабочего класса и всех трудящихся слоев населения, включая интеллигенцию, за то, чтобы обратить эти достижения на благо народа, на улучшение своего материального положения и расширение своих демократических завоеваний.

Наряду с социально-экономическим детерминизмом общественных отношений материалистическое понимание истории признает и технологический аспект детерминации многих процессов в обществе. С этим признанием связано огромное значение, которое придается марксистами созданию материально-технических предпосылок для решения назревших социальных проблем. Вместе с тем для марксистов органически неприемлема сама технократическая идея непосредственно либо исподволь манипулировать сознанием и поведением людей, ставя их в непосредственную зависимость от технологических процессов. Коммунистический социальный идеал прямо противоположен этому технократическому идеалу: не человек должен быть приспособлен к технике, а, напротив, именно техника должна быть приспособлена к человеку, чтобы облегчить его труд, возвысить его потребности, максимально удовлетворить их и обеспечить всестороннее развитие личности. Как подчеркивает Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, "научно-технический прогресс — это жизненно важное дело, оно отвечает интересам всех, позволяет каждому широко раскрыть свои способности и талант"¹⁰.

В коммунистическом обществе вообще отпадает необходимость в любой форме принуждения людей, будь то в виде прямого господства над ними, как это преобладало в докапиталистических антагонистических формациях, либо преимущественно

¹⁰ Горбачев М. С. Коренной вопрос экономической политики партии. Доклад на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса 11 июня 1985 года. М., 1985, с. 31.

в виде экономического принуждения посредством вещественных отношений, как при капитализме. "На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами"¹¹, – отмечал Ф. Энгельс. Технике, технологии марксисты-ленинцы, как известно, отводят исключительно важную, но по своей природе вспомогательную роль материально-технического обеспечения научного управления обществом во всех сферах деятельности людей, благодаря которому вместо господства вещей над человеком восторжествует подлинное господство человека над вещами.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 292.

Э. А. Араб-Оглы

В условиях современного обострения идеологической борьбы двух социально-экономических систем настоятельной необходимостью является научно обоснованный критический анализ буржуазных социологических теорий и концепций. У социологов, государственных деятелей, менеджеров, научных работников университетов и исследовательских институтов, инженеров, некоторой части рабочего класса капиталистических стран в последние десятилетия особой популярностью стал пользоваться "технологический детерминизм". Это название принадлежит самим буржуазным социологам, оно отражает явление, которое коренным образом связано с такими теориями, как теория "индустриального общества", "постиндустриального общества", "программируемого общества", "информационного общества", "технотронной революции", "микрорэлектронной революции", "новых отношений в промышленности" и т. п.

Критический анализ "технологического детерминизма" как одного из ведущих направлений современной буржуазной социологии — настоятельная необходимость. Социология "технологического детерминизма" пытается представить свои идеалистические концепции в качестве альтернативы историческому материализму, научному коммунизму, активно выступает против реального социализма, мирового рабочего и коммунистического движения. Включенная в механизм государственно-монополистического регулирования, социология "технологического детерминизма" нацелена на формирование конформистского сознания у трудящихся масс, на стабилизацию социально-экономических и политических процессов современного капиталистического общества.

Диалектико-материалистический анализ социологии "технологического детерминизма" показывает, что с развитием научно-технической революции и реального социализма эта социология модернизируется применительно к капиталистическому использованию достижений НТР, к изменяющейся общественно-политической практике человека.

Разоблачение буржуазной апологетической сущности "техно-

логического детерминизма”, его научной несостоятельности, социально-политической опасности — это не только историко-философская задача, но и настоятельная потребность социально-экономической, политической и идеологической практики сегодняшнего дня. В условиях развития НТР в капиталистических странах, ее воздействия на все стороны жизни общества у определенной части людей формируется техницистско-сциентистское сознание. Эта ориентация обыденного сознания проявляется на теоретическом уровне в виде некоей модели решения теоретических и практических задач, абсолютизирующей и фетишизирующей технологические факторы общественного развития (парадигма “технологического детерминизма”). На этой основе строятся не только социологические, но и политэкономические, правоведческие, политические, культурологические и другие буржуазные теории и концепции.

В буржуазной социологии такого рода теоретико-методологическая модель способствовала возникновению направления “технологического детерминизма”, которое исследуется в настоящей работе.

Критический разбор социологии и парадигмы “технологического детерминизма” автор строит на анализе работ буржуазных социологов Р. Арона, Й. Барбора, Д. Белла, Дж. Гэлбрейта, Г. Кана, С. М. Липсета, Э. Месфина, О. Тоффлера, А. Турена, Й. Хубера, В. Феркисса, Ж. Фурастье и др., материалов международных и национальных конференций и симпозиумов по проблемам технологических изменений, повышению производительности труда, формированию “новых отношений в промышленности”, развитию средств массовых коммуникаций.

В своей работе автор опирался на теоретические и методологические положения марксизма-ленинизма, материалы и документы КПСС, международного рабочего и коммунистического движения, монографические исследования философов, экономистов СССР и других социалистических стран.

Особо важно выделить исследования, в которых впервые была высказана мысль о формировании в 50—70-х годах “технологического детерминизма” как самостоятельного направления развития буржуазной социологии наряду с эмпирическим, структурно-функциональным и другими направлениями. В настоящей книге эти идеи получили свое развитие и конкретизацию.

Данное исследование не исчерпывает всех проблем критического анализа социологии “технологического детерминизма”; здесь осталось большое поле деятельности для ученых-марксистов.

Автор пользуется случаем, чтобы принести глубокую благодарность профессорам С. Ф. Одуеву, Н. В. Пилипенко за ценные советы и замечания, которые были сделаны ими в процессе подготовки работы к изданию.

ФОРМИРОВАНИЕ "ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА"

Современная эпоха — эпоха величайших по своей глубине и невиданных по стремительности революционных изменений, охватывающих все сферы жизни общества. В этих условиях особое значение приобретает осмысление явлений общественной жизни, тенденций ее развития, научного предвидения хода человеческой истории. НТР охватила как социалистические, так и капиталистические страны. И те сдвиги, которые произошли и происходят под ее воздействием в различных сферах общественной жизни, требуют своего теоретического осмысления. Вместе с тем они способствуют формированию технико-сциентистского сознания в буржуазном обществе, что в значительной степени и определило становление "технологического детерминизма". Монополистическая буржуазия нуждалась в такой теории и методологии, которая бы дала "убедительные" ответы на все поставленные самой действительностью вопросы.

История развития современной буржуазной социологии свидетельствует о том, что она находится в постоянном поиске методологии, которая выполняла бы целый ряд функций: определяла бы теоретический уровень исследований; помогала бы решать мировоззренческие задачи, угодные монополистической буржуазии; умела бы противостоять марксистско-ленинской методологии и "опровергать" ее. Такие задачи буржуазная идеология ставит постоянно и постоянно не в состоянии их решить. Основная причина в том, что ее классовые, субъективные интересы не совпадают с объективными потребностями общественного развития. Лишь с позиций марксистско-ленинской теории решаются подлинно научные мировоззренческие и методологические задачи.

К первой половине 70-х годов относится окончательное становление "технологического детерминизма", который складывался на базе господствовавших в 60-х годах в развитых капиталистических странах многочисленных "технологических" концепций. Однако это уже были годы становления "технологического детерминизма" как одного из направлений развития современной буржуазной социологии. А вся первая половина XX в. фактически предшествовала этому процессу, так как "техноло-

гический детерминизм” довольно интенсивно начал развиваться во всем буржуазном обществознании. Наибольшее развитие эти идеи получили у экономистов во всякого рода менеджеристских концепциях 40—50-х годов.

В марксистской литературе принято рассматривать “технологический детерминизм” как определенную совокупность различных теорий и концепций¹.

В настоящее время уже имеет место сформировавшееся теоретическое направление буржуазной социологии со своей собственной теоретической и методологической основой, содержанием, структурой, идеологической и социальной направленностью, ведущими теоретиками. У рассматриваемого направления есть свои особенности, связанные с постоянным пересмотром концепций. Существуют объективные причины этого явления: обращение к рассмотрению актуальных проблем современного общественного развития настоятельно требует от буржуазных социологов поисков необходимой аргументации, обращения к новым проблемам, выдвигаемым общественно-исторической практикой.

Значительные изменения, происходящие во всем мире, и прежде всего их темпы, не позволяют проследить органическую преемственность социологических взглядов одного теоретика. К тому же за исторически короткий срок позиции многих буржуазных социологов претерпевают существенные изменения, что отражается на содержании их социологических концепций.

Интересно заметить, что сами буржуазные социологи пишут о распространении “технологического детерминизма” как об очень влиятельном направлении развития социологической мысли. Так, бывший президент Международной социологической ассоциации шведский профессор У. Химмельстрэнд причисляет “технологическо-детерминистские” концепции к “академической ветви социологии”².

В развитии “технологического детерминизма” наблюдаются периоды усиления и ослабления его влияния на уровне общественного сознания, а в самих концепциях нарастание то пессимистического, то оптимистического настроения. Известно, что в 70-х го-

¹ См.: *Капырин В. С.* Процесс общественного развития и “теория стадий” Уолта Ростоу. М., 1967; *Мухеев В. И.* Капитализм или “индустриальное общество”? Проблемы современного капитализма и буржуазная социология. М., 1968; *Араб Оглы Э. А.* В лабиринте пророчеств. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М., 1973; *Майснер Г.* Теория конвергенции и реальность. М., 1973; *Иванов Г. И.* Социальная сущность теории конвергенции. М., 1975; *Иконникова Г. И.* Теория “постиндустриального общества”. Будущее человечества и его буржуазные толкователи (Критический анализ). М., 1975; *Титаренко Л. Г.* “Технологический детерминизм”: концепции, идеологические функции. Минск, 1981, и др.

² *Himmelstrand U.* Ideology, Science and Policy impact: thought on the task and challenges of the Social Science. — International Social Science Journal, 1983, N 3, p. 511.

дах в связи с развивающимся социально-экономическим и духовно-политическим кризисом в капиталистических странах произошло ослабление популярности технократических, особенно "постиндустриалистских", теорий, обращение к открытой "реидеологизации" социально-политической мысли.

Надежды и новый оптимизм (после 50–60-х годов) принесли 80-е годы. Начавшаяся технологическая перестройка производства в развитых капиталистических странах активизировала теории "постиндустриального общества", "технотронного общества", "программируемого общества" и т. п., появились их новейшие модификации.

Социальные и гносеологические корни "технологического детерминизма"

Формирование социологии "технологического детерминизма" обусловлено социально-классовыми и гносеологическими причинами, анализ которых способствует более углубленному пониманию этого процесса. К числу социальных причин, способствовавших появлению "технологическо-детерминистского" направления буржуазной социологии, относятся НТР, реальный социализм (его возникновение и совершенствование), государственно-монополистический капитализм. Классовые корни "технологического детерминизма" обусловлены интересами монополистической буржуазии, запросами классов и социальных групп, с ней связанных. Его гносеологические корни – результат искаженной трактовки всех современных общественных явлений и процессов, обусловленной фетишизацией науки и техники, абсолютизацией технологической стороны социальных явлений.

НТР и ее социальные последствия, связанные прежде всего с качественным преобразованием всех элементов производительных сил, заставили буржуазных идеологов дать их объяснение, исходя из технологических факторов.

Не без влияния марксистской теории буржуазные социологи обратились в своих исследованиях к материальным основам производства, технологическо-производственным организационным структурам и т. д. Актуализация материальных сторон жизни общества еще не означает материалистического понимания истории. Идеино-политическая позиция социолога обнаруживается сразу же, как только выясняется характер его методологии и исходных философско-теоретических оснований построения концепции. И сразу обращает на себя внимание то, что "технологический подход" в исследовании общества искажает сущность общественных явлений. Этот подход с необходимостью ведет к "технологическому детерминизму", поскольку в качестве детерминант общественного процесса выступают социальные явления, у которых абсолютизируется их технологическо-производственная сторона.

Формирование социологии "технологического детерминизма" было обусловлено и спецификой переворота в технологической сфере, который в отличие от промышленной революции XVIII—XIX вв. идет не от техники, не от изобретения и распространения различных рабочих машин, а от науки. Известно, что открытия в математике и физике явились основой для расщепления ядра атома и создания атомной промышленности, сделали возможным появление ЭВМ; открытия в химии стали базисом коренных изменений в технологии ряда производственных процессов и привели к созданию многих новых промышленных отраслей; открытия в биологии послужили фактором глубоких сдвигов в сельском хозяйстве, медицине и т. д.

Эта особенность всепроникающей и качественно новой, детерминационной роли науки обратила на себя внимание буржуазных социологов, которые возвели ее в принцип, заключающий в себе и цель и средства достижения. Не понимая природы науки, ее действительного места в системе общественных детерминационных связей, они абсолютизировали ее роль во всех общественных изменениях, что в значительной мере предопределило исходные теоретико-методологические основания интерпретации общественного процесса в социологии "технологического детерминизма".

Возрастание всякого рода информации, математизации многих отраслей науки, появление новых наук, усиленная их дифференциация и интеграция — все это наложило "отпечаток" на рационализм ее методологии. "Технологическому" видению общественных проблем также способствует появление принципиально новых машин, способных не только заменить физический труд человека, но и выполнять определенные функции умственного труда (качественное отличие от промышленной революции XVIII—XIX вв.). Распространение получают станки с программным управлением и автоматические системы, роботы и микроэлектроника. Коренной сдвиг в таком элементе производительных сил, как рабочая сила человека, также используется как важнейший фактор социального процесса. Процессы сближения труда умственного и физического, расширение сферы деятельности, связанной с развитием науки, с проектно-конструкторскими работами, экспериментальным производством, выдаются буржуазной социологией за "депролетаризацию" современного общества, за превращение его в "постиндустриальное", "информационное" и т. п.

Марксистско-ленинская теория опровергает нереальные построения буржуазных социологов. "Не только численный рост, но и глубокие качественные сдвиги способствуют возрастанию роли рабочего класса как главной производительной силы общества... Возникновение множества новых рабочих профессий, связанных с выполнением преимущественно умственного труда, имело своим результатом не только количественный рост, но и интеллек-

туальное возвышение рабочего класса... Это, однако, не привело... к "распаду" рабочего класса, о котором мечтают его противники"¹. Интеллектуализация рабочего класса не затрагивает его действительной сущности — как особого рода товара на капиталистическом рынке.

"Технологические детерминисты" пытаются обосновать определяющую роль технологических факторов в развитии личности, настаивают на появлении так называемого технологического человека. Одновременно развивается государственно-монополистический капитализм, расширяется сфера государственного вмешательства в экономическую и социальную жизнь общества. В этих условиях буржуазные идеологи стремятся теоретически обосновать такие явления, как расширение экономических функций государства; концентрация в его руках определенной части капиталистической собственности; создание большого количества институтов и особых государственных органов, специально занимающихся вопросами планирования и управления; изменение механизма управления, структуры государственного аппарата в соответствии с целевыми задачами, возникающими в общественном развитии.

Социология "технологического детерминизма" находится под всевозрастающим влиянием управления как необходимого элемента повышения эффективности государственного воздействия на экономические и социальные процессы. Государственно-монополистический капитализм дал образцы новой стадии развития управленческих процессов, качественно модернизировал практику менеджизма по сравнению с первой половиной XX в. В настоящее время происходит совершенствование информационной технологии на основе ЭВМ и использование ее в производстве: в системе снабжения и сбыта; в научной организации труда и всего производственного процесса, в поисках оптимального сочетания принципов централизации и децентрализации управления крупными корпорациями и т. д.

Все эти процессы рассматриваются буржуазными социологами как доказательство реальности появления "программируемого", "информационного", "постиндустриального" и т. п. общества. При этом они всячески подчеркивают реальность своих прогнозов. Одним словом, "технологические детерминисты" предлагают социальный идеал, пытаясь сделать его как можно более привлекательным и жизненным.

Социальный идеал — это своеобразная форма отражения назревших потребностей общественной жизни, ее развития, воплощающая интересы и цели различных классов и социальных групп. Идеал есть выражение общественных материальных и духовных интересов того или иного класса.

¹ Пономарев Б. Н. Об исторических судьбах рабочего класса. — Коммунист, 1985, № 1, с. 22 — 23.

В гносеологическом аспекте социальный идеал — это своеобразная связь настоящего и будущего. И эта вот связь настоящего с прошлым и будущим тревожит монополистическую буржуазию. А поэтому ей необходимы такие социальные идеалы, которые уводили бы народные массы от проблемы коренного, революционного преобразования общества, от классовой борьбы и социалистической революции.

Утопические идеалы могут иметь разное происхождение. Идеалы утопического социализма, который явился одним из теоретических источников марксизма, имели реальную основу своего возникновения. Но есть идеалы, за которыми нет никакой реальности, не говоря уже об их практическом осуществлении. Утопизм второго рода стремится к невозможному. К такого рода утопизму можно отнести следующие слова К. Маркса и Ф. Энгельса: "Подобно тому как чудотворные исцелители и чудотворные целительные средства в медицине имеют своей основой незнание законов природы, точно так же знахари и панacea в социальной области имеют своей основой незнание законов социального мира..."²

Одной из особенностей социологии "технологического детерминизма" является разработка ею утопических социальных идеалов. Можно с полным правом сказать, что ее становление связано с развитием прогностической, футурологической функции, которой отводится ведущее место во всех "технологическо-детерминистских" концепциях. В них идеализируются технологические процессы, происходящие в развитых капиталистических странах, завуалированно или откровенно ведется апология капиталистических производственных отношений. Идеал, предлагаемый буржуазными идеологами, дезорганизует революционное сознание людей, уводит их от решения назревших конкретно-исторических задач.

Появление разного рода "технологических" идеалов да и в целом социологии "технологического детерминизма" обусловлено социально-классовыми и гносеологическими причинами.

Познание таких явлений, как научно-техническая революция, техника, наука, производственные и другие общественные отношения людей, развитие исторического процесса, осуществляется буржуазными идеологами с классовых позиций. Результаты такого познания выступают как апология монополистического капитала, обоснование вечности его существования, как антимарксизм и антикоммунизм. Гносеологические корни "технологического детерминизма" обусловлены поэтому не только сложностью познания общественных явлений и детерминационных связей. Определяющее значение имеет классовое видение буржуазных социологов, их принципиальная позиция, что-де не революция социалистическая приведет к будущему "новому"

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 537.

обществу, а революция научно-техническая. Для этого вывода у "технологических детерминистов" есть причины двух родов. Во-первых, боязнь социалистической революции, уничтожающей основу капиталистического общества — частную собственность на средства производства, капиталистические корпорации. Во-вторых, расчет на живучесть иллюзий, связанных с НТР как панацеей от всех социальных бед и жизненных трудностей. В результате и происходит абсолютизация технологического уровня общественной детерминации.

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин, исследуя в своих работах детерминационные связи и отношения в развитии общественных систем, а также человеческой истории в целом, показали важность учета различных типов этих связей (закономерных, необходимых и случайных, возможных и действительных, причинных и функциональных и т. д.), выделения уровней общественной детерминации (социально-экономического, социально-классового, идеологического, политического) их взаимодействия. Исследуя многоуровневый характер общественного процесса, они отмечали важность и его технологического аспекта. Как известно, марксистско-ленинское учение убедительно показывает, что в конечном счете определяющей в общественном развитии является социально-экономическая обусловленность.

Важно, анализируя науку, технику, организацию производства, производительность труда, степень и уровень развития организационно-технологических отношений, обязательно учитывать их связь с экономическими отношениями и государством. Одновременно следует учитывать и существенную роль техники в общественной детерминации, ее относительную самостоятельность в рамках определенных социально-экономических явлений. Так, в работе "Развитие капитализма в России" Ленин подчеркивает необходимость учета роли техники при исследовании общественного процесса: "Пореформенная эпоха резко отличается... от предыдущих эпох русской истории. Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка"³. При этом Ленин показывает как социально-экономическую обусловленность этого процесса, так и наличие его технологических возможностей.

Основоположники марксизма-ленинизма, таким образом, доказали, что для понимания сущности общественного процесса, его изменений важно учитывать не только сложность общественных связей, но и углубленное знание какого-либо одного уровня общественной детерминации. А это с необходимостью предполагает учет и других детерминационных связей и отношений исследуемого явления. Так, развитие микроэлектроники, робототех-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 597 — 598.

ники, биотехнологии есть не только следствие преобразования технологического способа производства, но и результат воздействия прежде всего социально-экономических и политических факторов.

Дело в том, что результаты этих изменений в капиталистических и социалистических странах разные. В условиях социализма они способствуют совершенствованию всех общественных отношений во имя расцвета человеческой личности и на ее благо. При капитализме же они сопровождаются ростом безработицы и нищеты. Причем следует подчеркнуть, что эти явления не просто следствие роботизации производства, а прежде всего социально-экономический продукт капиталистической действительности. Однако, как правило, безработицу и другие негативные явления капитализма "технологические детерминисты" считают легко устранимыми. Для этого, по их мнению, достаточно "пересмотреть традиционные подходы к ее пониманию", а также "систему распределения материальных благ и моральных ресурсов". Главное, как утверждают буржуазные идеологи, в "переходный период", т.е. когда "внедрение технологии ведет к резкому сокращению занятости", обратить внимание на "морально-психологическую перестройку общества"⁴.

Действительно, в условиях НТР идет активная перестройка многих технологических процессов, начиная с использования материалов и энергетических источников и кончая системой машин и управления, формами организации, местом и ролью человека в процессе производства. Технологические изменения происходят во всех важнейших сферах жизнедеятельности человека, превращая их как бы в единый сплав науки, техники, самого производства, управления.

Если проанализировать все составляющие процесса производства, можно отметить не только их социально-экономическую обусловленность, но и собственные имманентные закономерности. Так, в науке ведущую роль начинают играть процессы взаимодействия ее отраслей, интегрирующей основой которых выступают, например, кибернетика, математическая логика. Эта имманентная закономерность науки была абсолютизирована в буржуазных концепциях социальной технологии (Д. Белл, Дж. К. Гэлбрейт, Й. Барбор и др.). Для них наука — это своего рода универсум в решении всех задач современного капиталистического общества. В то же время, отмечая изменения функций человека в производственном процессе, в сфере управления и услуг, они игнорируют социально-классовые основы этого процесса, не понимают коренных различий между ними в условиях капитализма и в условиях социализма.

⁴ Cherns A. B. Speculation on the social effects of new microelectronic technology.— *International labor review*. Geneva, 1980, vol. 119, N 6, p. 707 — 709.

В современных условиях изменения общего порядка происходят в материально-технической базе капиталистических и в материально-технической базе социалистических стран: внедряются и получают широкое распространение автоматизированные системы производства и управления, выполняющие не только механические, но и логические операции, существенно меняющие функции человека в производственном процессе. Социальные же последствия этих изменений, связанные с главной производительной силой — человеком, в условиях капитализма и в условиях социализма приобретают прямо противоположный характер. Только социализм создает новые производственно-экономические, социальные и политические условия для обеспечения гармонического развития личности. В современную эпоху все большую актуальность приобретает вопрос усиления внимания к человеку. Рассматривая проблемы совершенствования реального социализма, М. С. Горбачев подчеркнул: "Идея основоположников марксизма о возрастающей роли человеческого фактора в общественном прогрессе особенно актуальна сегодня. Совершенствование развитого социализма — это в конечном счете вопрос о расширении возможностей для развития личности, инициативы советского человека как хозяина страны, труженика и гражданина"⁵.

К. Маркс отмечал: "Если процесс производства становится применением науки, то наука, наоборот, становится фактором, так сказать, функцией процесса производства"⁶. Она также превращается в одну из ведущих сфер социального управления и организации человеческой деятельности⁷. В самой общей форме эту ее роль можно охарактеризовать как растущую технологизацию знаний и интеллектуализацию общественного труда. Производство и применение постоянно обновляющихся знаний становятся важнейшим фактором ускоренного развития всех сфер общественной жизни.

Вместе с тем имманентные закономерности развития технологических явлений и процессов имеют определенные границы своего развития. Этими границами выступает конкретно-исторический способ производства материальных благ.

⁵ Горбачев М. С. Живое творчество народа. Доклад на Всесоюзной научно-практической конференции "Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС" 10 декабря 1984 года. М., 1985, с. 8.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 47, с. 553.

⁷ См. об этом: Волков Г. Н. Социология науки. Социологические очерки научно-технической деятельности. М., 1968; Ученые о науке и ее развитии. Сборник статей. М., 1971; Философия и наука. Л., 1975; Гайденоко П. П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. М., 1980; Социализм и наука. М., 1981; Фомина Л. П. Научно-техническая революция и изменение ценностных ориентаций. — Научно-техническая революция и личность. Л., 1982, с. 41–50; Федосеев П. Н. Философия и научное познание. М., 1983, и др.

Для более углубленного понимания процессов технологической детерминации общественного развития необходимо учитывать диалектику качественной и количественной сторон развития технологических отношений, явлений, процессов. Однако именно она и игнорируется "технологическим детерминизмом", рассматривающим лишь количественные показатели развития. Качественную характеристику технологических явлений буржуазные теоретики связывают лишь с рассуждениями о новых типах машин, технологий, об интеллектуализации труда безотносительно к их включенности в систему производительных сил и производственных отношений. Анализ показывает, что берутся собственно технические характеристики новых машин и рабочей силы, также взятые вне системы социально-классовых отношений.

Конечно, техника сама по себе нейтральна по отношению к классам. Но, включенная в систему производительных сил, она обретает такое общественное бытие, которое вместе с людьми, приводящими ее в действие, становится показателем тех общественных отношений, при которых совершается труд. Следовательно, технику, науку, научно-техническую революцию можно понять лишь в системе общественных отношений. "Противоречий и антагонизмов,— писал К. Маркс,— которые неотделимы от капиталистического применения машин, не существует, потому что они происходят не от самих машин, а от их капиталистического применения!"⁸

"Технологические детерминисты" не выделяют и не анализируют общественные отношения во всей их структурной и детерминационной сложности. Это же можно сказать и об их подходе к технологическим отношениям. В концепциях "технологического детерминизма" просматриваются два уровня этих отношений: материально-технологический и уровень духовного производства. Причем материально-технологический уровень детерминирован духовным: теоретической деятельностью ученых, вырабатывающих социальную технологию; деятельностью политических лидеров, принимающих на ее основе решения, связанные с управлением обществом⁹.

Такие интерпретации общественного процесса оказываются возможными в результате игнорирования социально-классовой сущности последствий НТР, непонимания места инженерно-технических работников в системе капиталистических производственных отношений, возрастающей их эксплуатации. В то же время "на фоне "маргиналов" и малоквалифицированных отрядов пролетариата, занятых в кризисных отраслях, положение квалифицированных рабочих современных профессий, отдель-

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 451.

⁹ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. New York, 1973, p. 337; Business week, 1980, Special Issue; Business week, 1981, May 11.

ных категорий служащих, низших и средних администраторов, инженерно-технического персонала, тех, кто трудится в военной промышленности и других "процветающих" отраслях, а также в национализированном секторе экономики, кажется благополучным"¹⁰. А это и создает иллюзии об их якобы прочном месте в социальной системе, об их решающей-де роли в общественном процессе.

Вместе с тем острые социальные конфликты, растущая безработица и нищета заставляют "технологических детерминистов" обращаться не только к технологическим отношениям. Из всей совокупности экономических форм производственных отношений они, однако, берут отношения распределения, которые рассматриваются ими абстрактно, вне капиталистической системы производственных отношений, выдаются за некие "справедливые" распределительные отношения, а социально-классовые отношения интерпретируются как профессиональные. Политические, правовые, религиозные, культурологические и другие отношения рассматриваются ими либо как самодетерминирующиеся, либо как обусловленные технологическими отношениями, а последние в конечном счете или сводятся к человеческому сознанию, или приобретают характер самодовлеющих, независимых от человека сил.

Технологические детерминисты обращаются к реально существующим технологическим явлениям и процессам, но, выявляя детерминационную роль этих процессов, они абсолютизируют, искажают ее. В конечном счете буржуазные социологи оказываются на позициях идеалистического понимания общественного процесса.

Идейно-теоретические источники "технологического детерминизма"

Выяснение идейно-теоретических источников "технологического детерминизма" помогает не только глубже уяснить теоретическое содержание его концепций, но и провести ту грань, которая свидетельствует о качественном различии между домарксистскими социально-философскими учениями и "технологическим детерминизмом" как теоретико-методологической формой апологии государственно-монополистического капитализма и антикоммунизма. Многие социально-философские учения прошлого обращались к некоторым технологическим факторам (технике, науке) в общем контексте общественного развития. Причем они не абсолютизировали их так, как это делают "технологические детерминисты".

¹⁰ Кувалдин В. Структурный кризис и социально-политическая поляризация в мире капитала.— Коммунист, 1984, № 14, с. 81.

В начале XX в. появляются работы, в которых на одно из первых мест выдвигаются идеи об определяющей роли техники в развитии всей социальной системы. В этом отношении показательны взгляды американского экономиста и социолога Т. Веблена, который в книге "Теория делового предпринимательства" обратился к анализу значения науки и места машинной техники в системе общественных связей и отношений. Он дает ряд исходных посылок для технологической интерпретации исторического процесса и делает попытку определить характерные черты индустриальной культуры. В этой работе наглядно проявляется фетишизация науки и техники¹. В другой книге, "Инженеры и система цен", он развивает ту же тему, пытается вскрыть социальные причины конфликтов, исходя из анализа функционирования техники. Веблен полагает, что лишь "совет техников" способен мирно вытеснить собственников из сферы производства в сферу общественной деятельности. Вместо классовых противоречий, основанных на отношении к форме собственности на средства производства, он выдвигает противоречие между технической интеллигенцией и бизнесменами².

Веблен дал мелкобуржуазный вариант утопического преобразования капиталистического общества, которое критиковал с буржуазно-либеральных позиций. Такого рода утопизм разрабатывался им на основе идей "технологического детерминизма" и прошел два этапа (варианта): этап фетишизации техники и этап фетишизации роли инженеров и техников в общественном развитии³. В настоящее время оба этих варианта "технологического детерминизма" широко разрабатываются буржуазными идеологами.

Веблен сформулировал исходные идеи техницистского мировоззрения и "технологической" методологии, которые в его социально-экономических трудах сформировались в особую систему идей. Именно на этой основе он выявлял и определял место техники, научно-технического знания, роль организаторских способностей инженеров — знатоков промышленного производства. Вместе с тем ему так и не удалось последовательно, с научных позиций раскрыть сущность классовой структуры современного ему общества, понять место инженерно-технической интеллигенции в системе капиталистических производственных отношений.

Известно, что интеллигенция неоднородна по своему составу; часть ее представителей в капиталистических странах примыкает к буржуазии. Преобладающая же ее часть в капиталистических странах занята работой по найму, происходит пролетаризация ее основной массы. Инженерно-техническая интелли-

¹ *Veblen T.* The theory of business enterprise. New York, 1904.

² *Veblen T.* The engineers and the price system. New York, 1921, p. 39.

³ *Veblen T.* The theory of business enterprise; *Veblen T.* The engineers and the price system.

генция только тогда становится действительно "капитаном индустрии", когда ликвидируется частная собственность на средства производства.

Основные идеи Веблена легли в основу теории "управленческой революции" американского профессора Д. Бернхэма. Хозяева предприятия, считает он, не инженеры и техники, а менеджеры-управляющие. С этой идеей Бернхэм выступил в начале 40-х годов. "Мы,— отметил он,— переживаем период социального перехода... Это переход от типа общества, который мы называли капиталистическим или буржуазным, к типу общества, который мы называем менеджериальным"⁴. Он усматривает в менеджерах "особый класс", "оттесняющий капиталистов" и завоевывающий особое место не только на предприятии, но и в обществе. "На место частных собственников... приходят те, кого я,— подчеркивает Бернхэм,— называю менеджерами"⁵.

В своей теории "управленческой революции" Бернхэм исходит из идеалистических методологических основ "технологического детерминизма". Искажая действительность, он фетишизирует роль управляющих промышленным производством, выдает их за особый класс, революционизирующий будто бы все общественные отношения. Он смешивает отделение труда от собственности с отделением контроля от собственности: действительный контроль над акционерными компаниями есть атрибут крупной собственности на акционерный капитал; игнорирует переплетение крупного капитала с верхушкой менеджеров.

Неверно и недопустимо огульное противопоставление менеджеров и капиталистов. Передача менеджерам функции по управлению предприятиями отнюдь не означает, что тем самым капиталисты лишаются собственности и верховного контроля над этими предприятиями. Да и состав менеджеров далеко не однороден. Среди менеджеров следует различать по крайней мере две группы: верхушку; являющуюся составной частью класса капиталистов, и низшую группу менеджеров, представляющую особый слой служащих, эксплуатируемый капиталом. Чтобы управляющие "очутились в положении правящего класса", Бернхэм полагал достаточным "привлечь их к государственному регулированию и управлению экономикой", сделать "государство и его институты собственностью управляющих"⁶.

Своеобразно преподнесены идеи "технологического детерминизма" у американского экономиста и социолога П. Дракера. В своей работе "Новое общество. Анатомия индустриального строя" он констатирует следующее: "Индустриальная система, очевидно, несовместима со структурой, статусом и классовой

⁴ *Burnham J.* The Managerial Revolution. New York, 1941, p. 71.

⁵ *Burnham J.* The Machiavelians Defenders of Freedom. New York, 1943, p. 232.

⁶ *Burnham J.* The Managerial Revolution, p. 71.

системой преиндустриального общества". Далее он поясняет свою мысль: "В индустриальной системе происходит отделение самого рабочего от продукта труда и средств производства". По его мнению, отделение рабочего от продукта и средств производства — явление, типичное для "индустриальной" системы⁷. Дракер, таким образом, улавливает процесс отчуждения продуктов труда в условиях капиталистического производства, не ведая о том, что еще К. Маркс задолго до него не только показал наличие этого явления, но и вскрыл его социально-экономическую сущность, научно обосновал задачу устранения отчуждения путем коммунистического преобразования общества.

Отделение рабочего от средств производства заключается вовсе не в том, что он выполняет лишь какую-то частичную технологическую, производственную операцию в совокупном производственном процессе, а в том, что средства производства, к которым он прилагает свою рабочую силу на капиталистическом предприятии, принадлежат капиталисту. Именно в условиях частной капиталистической собственности происходит отчуждение практической деятельности человека по отношению к условиям труда, продукту труда, самому процессу общественного труда.

Свою концепцию "индустриальной системы", общественного развития в целом Дракер строит на основе подмены общественно-экономических отношений производственно-технологическими, рассматривая совокупность производственного процесса через его специализацию и интеграцию в технологическом аспекте.

Единственное рациональное зерно в технологических идеях Дракера — анализ процесса обобществления труда на крупных капиталистических предприятиях. Но и эта проблема давно выяснена основоположниками марксизма. К. Маркс писал: "Машины... функционируют только в руках непосредственно обобществленного или совместного труда. Следовательно, кооперативный характер процесса труда становится здесь технической необходимостью, диктуемой природой самого средства труда"⁸. Подчеркивая коллективный характер труда наемных рабочих на капиталистических предприятиях, Ф. Энгельс указывал: "Никто в отдельности не может сказать о них (продуктах коллективного труда.— Г. И.): "Это сделал я, это мой продукт"⁹.

Дракер не понимает социально-экономической природы обобществления труда, его действительных причин. Согласно его концепции, не социальная система определяет характер предприятия, а, наоборот, тип предприятия обуславливает социальную

⁷ *Drucker P.* The New Society. The Anatomy of Industrial Order. New York, 1950, p. 1, 7, 5–6.

⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 397.

⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 280.

систему. "Во всякой индустриальной стране предприятие,— констатирует он,— возникло как решающий, репрезентативный и конструирующий инструмент. Это тот самый инструмент, принимает ли он форму находящейся в частной собственности и самостоятельно управляемой корпорации в Соединенных Штатах, правительственной корпорации, национализированных отраслей промышленности в Англии или советского "треста" в полностью принадлежащей правительству и контролируемой правительством экономике. Будет ли индустриальное общество организовано при капитализме, социализме, фашизме или коммунизме, предприятие остается его центральным институтом, поступает одинаковым образом и стоит перед лицом сходных решений и трудностей"¹⁰. И капитализм, и социализм в интерпретации буржуазного социолога лишь разновидности "индустриальной системы" с некоторыми политическими и историческими различиями.

Идеи об определяющей роли техники, технических изобретений в общественном процессе выдвигает в своих работах другой американский социолог, У. Огберн. Он утверждает, что большинство социальных изменений надо искать в материальной культуре, к которой он относит прежде всего технику, всевозможные изобретения. По его мнению, она более динамична, чем духовная ("адаптивная") культура, которая отстает от нее. Возникающие противоречия между культурой материальной и культурой духовной являются источником социального напряжения. Огберн объясняет это рядом причин: "малое количество изобретений" в духовной культуре, опосредствованный контакт между этими двумя культурами; препятствия изменениям адаптивной культуры со стороны законодательных органов; связь между различными видами адаптивной культуры; сопротивление развитию духовной культуры со стороны групп, тяготеющих к прошлому¹¹. Все это складывается у Огберна в так называемую теорию "отставания культур".

Однако, по Огберну, происходящее накопление технологических изменений — определяющий фактор всех других общественных изменений. Теория "отставания культур" Огберна сводится к тому, что техника, технология, материальная культура в конечном счете ведут ко всякого рода негативным социальным последствиям. У Огберна именно развитие "технологической культуры" детерминирует возникающие противоречия, выход же из них он видит на путях расширения научного знания, образования.

Как видим, Огберн игнорирует общественные отношения, их детерминационную роль в развитии человека и в развитии цело-

¹⁰ *Drucker P.* The New Society. The Anatomy of Industrial Order. New York, 1950, p. 27.

¹¹ *Ogburn W. F.* Social Change. New York, 1950, p. 200 – 201.

веческого общества. Для него осталась совершенно непонятной проблема человека как социального существа, то, что не техника сама по себе (в его терминологии — "материальная культура"), а труд в системе общественных отношений как наиболее глубокое проявление специфики человеческой деятельности — источник всех материальных и духовных ценностей. Сущность человека в своей действительной основе есть совокупность всех общественных отношений, в системе которых он живет и которые реализуются в его деятельности. Именно человек создает, развивает, совершенствует орудия производства, технику, материальные и духовные условия своей жизни.

При капитализме общественные отношения людей, их деятельность, ее результаты выступают как господствующая над ними, подавляющая их и не контролируемая ими сила. Возникает отчуждение труда, которое принимает разнообразные формы: денежного, товарного, технологического фетишизма¹².

Американский социолог Л. Уайт все понятия связывает либо со специальным толкованием техники и науки, либо с оценкой их при рассмотрении широких процессов социального изменения. С его точки зрения, необходимо сосредоточить внимание на исследовании причин всевозможных "социальных отклонений", которые появляются в процессе разного рода "нововведений". Уайт рассматривает технологическую основу любого "нововведения" в качестве существенного компонента социальной системы. Он, как и Огбёрн, много внимания уделяет "нововведениям", анализируя в них различия между "материальным" и "нематериальным". Под первым Уайт подразумевает прежде всего технические новинки, а под вторым — новые системы идей. Исследуя связи этих "нововведений", он утверждает, что "материальные новинки принимаются в обществе с большей готовностью, чем новые системы идей, а поэтому они выступают определяющими в любых социальных изменениях"¹³.

В работе "Наука культуры" Л. Уайт "углубляет" идеи "технологического детерминизма". Социальные идеи по своей действительной сущности, считает он, явление второго порядка, и зависят они от технологической системы. Согласно Уайту, "технология — независимая величина", а "социальная система — величина зависимая". Отсюда он делает вывод, что "социальная система определяется системой технологической"¹⁴. Иначе говоря, источником социальных бед объявляется не капитализм с его частнособственническими капиталистическими отношениями, а техника, определяющая якобы характер социальных систем.

¹² См.: *Нарский И. С.* Отчуждение и труд. По страницам произведений К. Маркса. М., 1983.

¹³ *White L. A.* Energy and the Evolution of Culture. *American Anthropologist*, 1943, July — September, p. 225 — 336.

¹⁴ *White L. A.* The science of culture. New York, 1949, p. 365.

Уайт явно фетишизирует роль техники в общественном развитии: техника, технология отделяются от своего творца и создателя, мистифицируются, превращаются в некую самостоятельную субстанцию, в особый мир (правда, не идеальный, а машинный).

Концепция Уайта отнюдь не анализ одного из уровней социальной детерминации и не исследование диалектического взаимодействия технологической детерминации с социально-экономической детерминацией как определяющей в конечном счете. В этой концепции отчетливо проявилась абсолютизация технологического уровня социальной детерминации. Уайт возвел ее в некий основополагающий и всеопределяющий принцип "технологического детерминизма".

Этот принцип мешает ему подняться до рассмотрения сложного взаимодействия системы производительных сил и производственных отношений. Без этого, как известно, научно невозможно объяснить логику исторического процесса, сущность его изменений, "отклонений" и т. д. Воззрения, основанные на абсолютизации технологических детерминант, сводятся к плоскому эволюционизму, к понятию о том, что новаторство и рациональность технологической системы и есть тот путь, который ведет цивилизацию к изменению социальных и политических систем.

Таким образом, Т. Веблен, Дж. Бернхэм, П. Дракер, У. Огбёрн, Л. Уайт в своих работах фетишизируют не только технику, но и роль в общественном процессе инженерно-технических работников.

В ходе "технологических" интерпретаций общественного процесса американские экономисты А. Берли, Г. Минз, К. Уэйр, Ф. Стерн и другие рассматривают проблемы техники и науки — в отличие от Т. Веблена, П. Дракера, Дж. Бернхэма, Л. Уайта — опосредствованно, через обращение к разработке проблем собственности и крупных промышленных объединений — корпораций.

А. Берли и Г. Минз в книге "Современная корпорация и частная собственность" утверждают необходимость перехода общества от фабричной системы к "корпоративной системе", "организованной деятельности обширных групп людей, рабочих, потребителей, представляющих собой капитал, под руководством директоров промышленности, "контроля"¹⁵.

Эти идеи Г. Минз развил впоследствии в книге "Современная экономика в действии", которую он написал совместно со своей женой К. Уэйр. Давая критику монополистического господства, они вместе с тем пытались доказать, что "обуздание использования корпоративной власти не означает атаки частной собственности как таковой, поскольку сама корпорация уже уничтожила

¹⁵ *Berle A. A., Means G. C. The Modern Corporation and Private Property. New York, 1934, p. 349.*

черты частной собственности путем разделения собственности и контроля”¹⁶.

Согласно Минзу, в экономической истории общества решающую роль сыграли три процесса: отделение потребителя от контроля над средствами производства в результате перехода от натурального хозяйства к рыночной экономике; отделение рабочего от контроля над средствами производства в результате перехода от рыночной экономики к “частному капиталу” и отделение контроля, перешедшего в руки менеджеров, от собственности на капитал, остающегося в руках акционеров. Как видим, Минз общественные отношения подчиняет организационно-технологическим отношениям. К тому же он смешивает частный капитал с индивидуальным, а отсюда акционерное капиталистическое предприятие он уже рассматривает не как частнокапиталистическое, а как находящееся в общественной собственности. Отсюда Минз делает вывод, что “новое” общество — это общество “коллективного капитализма”, а теория, посвященная этому обществу, есть-де теория “коллективного капитализма”¹⁷. Минз полагал, что его теория “фундаментально подорвет марксистскую теорию”¹⁸. На самом же деле она явилась свидетельством того, что на основе “технологического детерминизма” невозможно дать научное объяснение развития общественных явлений.

Совместно с Минзом в начале 30-х годов выступил американский экономист и социолог А. Берли. Говоря об “индустриальной системе” (работа “Власть без собственности”), он отмечал, что эту систему можно называть по-разному: “господствующим сектором экономической системы”, “системой власти” или “негосударственной политической системой”, “коллективизмом” или “негосударственным социализмом”, “народным капитализмом” в зависимости от того, “какая характеристика вас больше интересует”¹⁹. Сам Берли в работе “Американская экономическая республика” пропагандирует “экономическую республику”. По его мнению, собственность отходит на задний план и носителем экономической власти выступает менеджер, а государство осуществляет развитие экономики в интересах всего общества. Капиталистов Берли выдает за неких альтруистов, менеджеров — за носителей технического прогресса, озабоченных нуждами производства, а не погоней за прибылью, государство же он рассматривает как некую надклассовую организацию, которая заботится об общем благе.

Свои выводы Берли делает на основе заведомо ложной по-

¹⁶ Ware C. F., Means G. C. *The Modern Economy in Action*. New York, 1936, p. 142.

¹⁷ Means G. C. *The Corporate Revolution in America*. New York, 1962, p. 50 — 51.

¹⁸ Means G. C. *The Corporate Revolution in America*, p. 7.

¹⁹ Berle A. A. *Power without Property*. New York, 1959, p. 22.

сылки: для него нет строгой системы социальных категорий, отражающих специфическую природу общественных явлений. Он смещает понятия политики и экономики, общества и власти и т. п. Но вместе с тем все эти явления интегрируются у него "индустриальной системой", что характерно для "технологического детерминизма". Такая позиция не только искажает содержание общественного процесса, но и препятствует классовой борьбе и коренным революционным преобразованиям.

Эти идеи "технологического детерминизма" широко используются ныне при разработке концепций "бесклассового капитализма". Согласно этим концепциям, главным фактором стирания классовых противоположностей является технический прогресс. В силу этого капиталистам уже не нужно эксплуатировать рабочих, поскольку они могут-де во всевозрастающей степени эксплуатировать природу и роботов.

Рассмотренные выше источники "технологического детерминизма" — это источники, связанные с фетишизацией роли техники и инженерно-технической элиты, а также с идеями, вытекающими из исследований собственности и капиталистических корпораций. Далее важно показать и такие источники, которые оказали воздействие на формирование "технологического детерминизма" как теоретического направления развития буржуазной социологической мысли. К ним относятся труды О. Конта, Э. Дюркгейма, М. Вебера, П. Сорокина и некоторых других буржуазных социологов.

Известно, что буржуазные социологи считают О. Конта основоположником социологии как науки. Контовский так называемый "закон интеллектуальной эволюции человечества, или закон трех стадий" в модернизированном виде был воспроизведен в философско-исторических концепциях Д. Белла, А. Турена, О. Тоффлера и др. Кроме того, их привлекла и контовская интерпретация прогресса как "беспереывного поступательного хода к одной определенной цели"²⁰. Наряду с разработкой общесоциологических проблем Конт интересен "технологическим детерминистам" и как сторонник идеи о влиянии промышленной эволюции на характер социальных отношений²¹, особенно своими исследованиями по проблемам развития промышленности и науки, их воздействия на человеческое общество.

На буржуазную социологию, в том числе на "технологический детерминизм", большое влияние оказали идеи Э. Дюркгейма. "...Его привлек реальный исторический факт перехода общества от одного типа, характеризующегося господством традиционных социальных институтов... к обществу, ориентированному индивидуалистически, в котором главными ценностями являлись...

²⁰ См.: *Конт О.* Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении). СПб., 1910, с. 10–21, 45.

²¹ Социология Конта в изложении Ригголажа. СПб., 1898, с. 251.

ценности науки и промышленности, свободы и демократии, частнособственнического интереса, договора и денег. В трудах почти всех крупных буржуазных социологов XIX в. (Теннис, Токвиль, Мэн, Спенсер, Конт, Вебер) мы найдем типологии, в которых выражен этот переход"²². Важно добавить, что такая типология была положена в основу и "технологическо-детерминистских" построений философии истории.

Привлекает "технологических детерминистов" также и идея Дюркгейма обосновать зависимость личности от общества, которое он толкует в характерном для буржуазного идеолога духе — метафизически и идеалистически. Его интерпретация роли в обществе традиционных буржуазных ценностей (семья, религия, мораль и др.) интересна "технологическим детерминистам" своей "теоретической" основательностью. Это прежде всего касается социологов реакционно-апологетической и неоконсервативной ориентации²³.

В плане общих методологических подходов разработки социологии "технологического детерминизма" как общетеоретической социологии важную роль сыграл немецкий социолог, философ и историк М. Вебер, особенно его концепция "идеальных типов", предлагающая способы упорядочения эмпирического материала. Эта концепция направлена против идеи объективной закономерности общественного процесса и служит фактически методологическим обоснованием плюрализма как способа исследовательской деятельности. На основе схем, построенных по "идеальному типу", М. Вебер предлагал соизмерять и упорядочивать исследуемый материал. Ученый, считает он, не открывает объективные законы общественного развития, а упорядочивает явления на основе созданной им схемы. Так, античность, феодализм, капитализм, по его мнению, — это не объективно существующие отношения, а лишь способы идеальной типизации²⁴. Учение Вебера об "идеальных типах" общества и "истории хозяйства" позволило буржуазным теоретикам выработать многочисленные "технологическо-детерминистские варианты" философии истории и аргументацию буржуазных интерпретаций происхождения капитализма.

Д. Беллу, например, "идеально-типические" конструкции Вебера пришлись по душе. Он неоднократно подчеркивал, что "постиндустриальное общество — это некая схематическая характеристика веберовского типа, включающая прежде всего интерпретацию научных и технологических процессов"²⁵. Интерпре-

²² См.: *Осинова Е. В.* Социология Эмиля Дюркгейма. Критический анализ теоретико-методологических концепций. М., 1977, с. 37.

²³ См.: *Кристал И.* Основные элементы консервативной коалиции; *Росситер К.* Консерватизм. — США: консервативная волна. М., 1984, с. 64–66; 36–43.

²⁴ См.: *Вебер М.* История хозяйства. Пг., 1923.

²⁵ *Bell D.* The Post-Industrial Society. — Survey, 1971, N 2, p. 160.

тация экономики, социально-классовой структуры и технологии, согласно веберовскому "идеальному типу" общества, обнаруживает у Белла ненаучный характер всех этих рассуждений, их неоконсервативную направленность, антикоммунистическую сущность.

"Технологические детерминисты" идут вслед за М. Вебером, заявляя, что феодализм, капитализм, социализм — это не объективно существующие общественные системы, а способы "идеальной типизации" общества. Концепция "идеальных типов", отстаивающая плюрализм в методологических исследованиях буржуазного обществознания, направлена против марксистского учения об общественно-экономических формациях, против понимания развития общества как естественноисторического процесса.

В числе авторитетных теоретических источников "технологического детерминизма" сами его представители называют работы Ч. Р. Миллса, П. Сорокина, Р. Мертона и др.

Идеи Ч. Р. Миллса о необходимости создания "новой" социологии, отличной от эмпирической, были использованы "технологическими детерминистами", которые, как и Миллс, считают задачей социологии выяснение исторической специфики современной эпохи на основе изучения социальных изменений. Взгляды Ч. Р. Миллса особенно сильно сказались на представителях леворадикальной ориентации социологии "технологического детерминизма". Подобно Миллсу, они видят опасность для цивилизации в возрастающей "рациональности без разума", т. е. в использовании "властвующей элитой" рациональных средств социальной технологии для достижения разного рода целей, в том числе антигуманных²⁶.

Идеалистические идеи Миллса были связаны с технологической рационализацией общественного развития, где проявилось непонимание им ее социальной природы. Отсюда ориентация на гуманизацию общества с помощью технической интеллигенции как единственно обладающей способностью понимать происходящие в обществе процессы.

На формирование концепций "технологического детерминизма" оказали влияние многие идеалистические идеи П. Сорокина, особенно его концепция исторического процесса как циклической флуктуации типов культур, в основе которых лежит несколько наиболее характерных для буржуазной философии представлений о мире и его познании²⁷. Идеалистическая трактовка философских ценностей той или иной культуры или цивилизации были восприняты у П. Сорокина Г. Каном и Э. Винером, Д. Беллом и др.

Из сказанного следует, что существует три вида идейно-теоре-

²⁶ См.: Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.

²⁷ См. об этом подробнее: История буржуазной социологии первой половины XX века. М.; 1979, с. 142–156.

тических источников "технологического детерминизма": во-первых, работы, связанные с фетишизацией роли техники и инженерно-технической элиты (Т. Веблен, Д. Бернхэм, П. Дракер, У. Огбёрн, А. Уайт); во-вторых, идеи об "индустриальной системе", вытекающие из исследований собственности и капиталистических корпораций (А. Берли, Г. Минз, А. Уайер); в-третьих, концепции, посвященные разработке общесоциологической теории (О. Конт, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Ч. Р. Миллс, П. Сорокин и др.).

Сами "технологические детерминисты" называют в качестве своих предшественников имена А. Сен-Симона и Р. Оуэна, которые, как известно, таковыми не были. Белл в книге "Измерение знания и технологии" писал: "Я проследил этот технологический термин ("индустриализм". — Г. И.) у таких писателей, как Сен-Симон, Тейлор и Веблен. Позаимствовал его, чтобы проиллюстрировать постиндустриальный мир..."²⁸

А. Сен-Симон действительно много внимания уделял науке, промышленности, считал, что развитие человеческой цивилизации должно пойти "от феодальной и теологической системы к промышленной и научной". Промышленников он относил к значительным, влиятельным общественным силам²⁹. Отдавая дань промышленности, а тем самым и науке, Сен-Симон вместе с тем высказывал дерзкие для своего времени мысли относительно переустройства общества на социалистических началах. Развитие общества предстает у него как закономерный процесс развития разума и нравственного совершенствования людей. Он стремился найти реальные пути уничтожения классово-эксплуатации. В своем последнем сочинении "Новое христианство" он, по словам К. Маркса, "прямо выступил как выразитель интересов рабочего класса и объявил его эмансипацию конечной целью своих стремлений"³⁰. Учение Сен-Симона явилось одним из теоретических источников научного социализма.

Критическое рассмотрение основных идейно-теоретических источников социологии "технологического детерминизма" свидетельствует, что на их основе сформировались не просто доктрины, выполняющие лишь политологические функции и представляющие некий тип синтетических теорий, а специфические теории и концепции, давшие теоретическое направление развитию современной буржуазной социологической мысли.

"Технологический детерминизм" в социологии имеет свою специфику: анализ злободневных проблем с позиций их "технологического" осмысления; достаточно широкий круг проблем социологического характера; эклектическое соединение на ос-

²⁸ Bell D. The measurement of knowledge and Technology - Indications of change. New York, 1968, p. 245 - 246.

²⁹ См.: Сен-Симон А. Избранные сочинения, т. II. М.-Л., 1948, с. 5, 153.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 154.

нове "технологического детерминизма" философии истории и социологии, социальной философии и социологии структурно-функционального анализа и т. п.

Анализ теоретических источников показывает, что "технологические детерминисты" предприняли попытку на основе абсолютизации технологических детерминант синтезировать макро-социологические модели с философско-историческими интерпретациями.

Взаимодействие "технологического детерминизма" с другими направлениями современной буржуазной социологии

В современной буржуазной социологии существует несколько теоретико-методологических направлений, среди которых наиболее влиятельны "технологический детерминизм", "эмпирическая социология", социология структурно-функционального анализа, социальная философия структурализма, философия истории, феноменологическая социология.

Буржуазная эмпирическая социология зародилась как принципиальное отрицание общесоциологических теорий. Начиная с 20-х годов она заняла прочные позиции в идеологической, социально-политической и экономической сферах буржуазного общества. Правда, эмпирическая социология переживала и периоды своего расцвета, и периоды спада, но и по сей день она широко распространена в развитых капиталистических странах. В ней имеется и узкоутилитарная, и более широкая классово-политическая потребность монополистического капитала, нашедшая свое выражение в практических рекомендациях, опирающихся на эмпирические исследования.

Эмпиризм буржуазной социологии является составным элементом всего комплекса идеологического воздействия, функционирующего в механизме монополистического государства. Типичный пример — доктрина "человеческих отношений", которая разрабатывалась в рамках "индустриальной социологии" (40—50-е годы), а также ее современные модификации. Главная задача этой доктрины — воздействие на сознание, психологию трудящихся в выгодном предпринимателям и буржуазному государству духе.

Иногда встречается в литературе смешение "индустриальной социологии" с "технологическим детерминизмом". "Индустриальная социология" изучает социально-психологические аспекты трудовой деятельности в индустриальном производстве. Она возникла в связи с необходимостью отработки эффективных методов руководства в сфере собственно технологических процессов и в области поведения людей, является одной из школ эмпирической буржуазной социологии. "Технологический детерми-

низм” — это прежде всего теоретическое направление современной буржуазной социологии, задача которой преодолеть эмпиризм и выйти на уровень социально-философских и социологических обобщений.

История возникновения и эволюции “индустриальной социологии” свидетельствует о том, что она сформировалась в качестве прикладного знания. Такое знание необходимо монополистической буржуазии и ее государству для регулирования социальных конфликтов, формирования конформистского сознания широких масс трудящихся, изыскания путей получения максимальных прибылей и повышения производительности труда.

Усложняющаяся структура предприятий с необходимостью выдвигает задачу выработки модели “равновесия” между различными социальными группами работников. Возникнув вначале в США (Э. Мейо, У. Уайт, У. Фромм, Г. Миллер и др.), “индустриальная социология” получила широкое распространение во Франции, а также в Англии, Италии, Японии.

Социология “технологического детерминизма” направлена против марксизма и реального социализма. Она представляет собой идеологическую защиту капитализма на общетеоретическом уровне в отличие от эмпирической “индустриальной социологии”.

Вместе с тем между “индустриальной социологией” и “технологическим детерминизмом” довольно отчетливо обозначается определенная взаимосвязь. “Индустриальная социология” при разработке конкретных мероприятий, осуществляемых социологами-эмпириками и менеджерами, активно использует некоторые идеи “технологического детерминизма”. Так, мероприятия по “демократизации” капиталистического производства были разработаны на основе так называемой технотрактуры (т.е. иерархии специалистов, способных принять решения)¹. Они получили названия: концепция “реиндустриализации” и концепция “формирования новых отношений в промышленности”². Эти мероприятия по “демократизации” отношений в промышленности США используются для разработки футурологических концепций “технологического детерминизма”.

В конце 50-х годов американские социологи Г. Беккер и А. Босков охарактеризовали эмпирическую социологию 20–30-х годов как “ползучий эмпиризм”, который-де необходимо преодолеть в ходе теоретического обобщения. Уже после второй мировой войны появилась рационалистическая традиция в эмпирической социологии (Ф. Знанецкий, Г. Беккер, П. Сорокин, Р. Мерсон и др.). Были обозначены следующие три линии, по которым рационалистический эмпиризм отличается от так

¹ См.: Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969, с. 112–113.

² Business week, 1981, May 11.

называемого ползучего эмпиризма: предпочтение системы факту; предпочтение объяснения факта его описанию; упор на концептуальный аппарат; планирование исследования не в пределах только максимума фактов, а в пределах логики структуры.

Интересно, что многие социологи-эмпирики заметили недостатки "ползучего эмпиризма" и рассматривают их в плане поиска связей между теоретическими моделями исследуемых явлений и фактическим материалом. Они отмечают такой недостаток эмпирической социологии, как отсутствие в ней анализа причинных связей.

В конце 40-х – начале 50-х годов социологи-эмпирики заговорили о необходимости создания социологии "среднего уровня", теоретической социологии, позволяющей интерпретировать изучаемые факты, а не только давать их количественные характеристики. Именно в этот период американские социологи Т. Парсонс, С. М. Липсет, Г. Беккер, английский социолог Т. Боттомер, западногерманский социолог Р. Дарендорф начинают переходить с позиций эмпирической методологии на позиции структурно-функционального анализа.

Основные установки и методологические принципы этой социологии разрабатывались в то время ведущими американскими социологами Т. Парсонсом, Р. Мертоном, М. Леви и др.

Т. Парсонс отмечает, что "социология занимается лишь одним, преимущественно функциональным, аспектом социальных систем..."³. В то же время, считает он, метод структурно-функционального анализа мог бы служить интеграционным инструментом для многочисленных и разрозненных эмпирических исследований. Он, по мысли буржуазного идеолога, и вывел бы американскую социологию из тупика, в который завел ее эмпиризм⁴.

В структурно-функциональном методе заключено специфическое средство социального исследования, способное, по его мнению, вывести теорию на "средний уровень" теоретических обобщений, дать ей новый теоретический статус, статус социологии структурно-функционального анализа. Однако все концепции и теории структурно-функционального анализа следовали позитивистским канонам: требованию логической строгости и рациональности; отказу от ценностного подхода; максимальному использованию при рассмотрении социальных систем естественнонаучных приемов и методов исследования⁵.

Парсонс показал отличие социологии структурно-функционального анализа от общесоциологической теории (свою теорию

³ Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972, с. 364.

⁴ Parsons T. The structure of social action. New York, 1949, p. 44 – 51, 329, 360 – 361, 368 – 369.

⁵ См. подробнее об этом: Нарский И. С. Очерки по истории позитивизма. М., 1960; Кон И. С. Позитивизм в социологии. Л., 1964; История буржуазной социологии первой половины XX века. М., 1979, и др.

он называет академической). "В противоположность многим современным точкам зрения я,— утверждает он,— не рассматриваю социологию как дисциплину, имеющую дело со всей социальной системой, даже в этом аналитически абстрагированном смысле. Ведь это значило бы либо отказать экономической и политической наукам в праве называться социальными науками в самом строгом смысле слова, либо превратить их во вспомогательные отрасли социологии. Обе альтернативы одинаково неприемлемы. Поэтому, согласно моему представлению, социология занимается лишь одним, преимущественно функциональным, аспектом социальных систем, а именно изучает структуры и процессы, имеющие отношение к *интеграции* этих систем, включая, конечно, и случаи неудавшейся интеграции, равно как и силы, благоприятствующие интеграции или же препятствующие ей"⁶. Таким образом, Парсонс не признает за социологией "ранга" общесоциологической теории.

Социология "технологического детерминизма" явилась своеобразной реакцией на эмпирическую и структурно-функциональную социологию. "Социология среднего уровня", как и эмпирическая, оказалась теоретически беспомощной перед лицом сложнейших социально-экономических и политических проблем современного мирового общественного развития.

В век коренных изменений, всевозрастающих темпов общественного развития невозможно не говорить об изменении самого общественного строя, социальной системы в целом, как это делают, например, представители структурно-функционального анализа. Поэтому хотя буржуазные социологи и вышли на уровень теоретических обобщений, но этот уровень (который они сами называли "средним") их не удовлетворял. Они постоянно оказывались перед дилеммой: либо по-прежнему отстаивать неизменность современного общества, либо признать его эволюцию. Эту дилемму пытается решить социология "технологического детерминизма". Она выдвигает концепции философии истории, в которых одной из центральных идей является признание развития общества и социальных изменений. Теории "стадий экономического роста", "индустриального общества", "конвергенции", "постиндустриального общества", "программируемого общества", "информационного общества" и т.п. занимаются проблемами общественного прогресса, будущего человечества, претендуют на анализ всех вопросов, выдвигаемых современной эпохой.

Принципиально то, что ни эмпирическая, ни структурно-функциональная социология не обращаются к категории причинности. Первая вообще исключает выяснение причинно-следственных связей из своих методологических посылок; вторая подменяет

⁶ Американская социология. Перспективы, проблемы, методы, с. 363—364.

причинно-следственные связи связями функциональными. И в этом смысле социология "технологического детерминизма" как бы концентрирует внимание на выявлении причин и факторов, детерминирующих развитие самых различных общественных явлений и общества в целом.

Помимо "технологического детерминизма" в современной буржуазной социологии имеют место и другие детерминистские направления: биологическое, психологическое, географическое. Каждое из них берет в качестве факторов, определяющих общественное развитие, соответственно биологические, психологические, географические явления. В качестве методологической основы они используют и некоторые идеи "технологического детерминизма". Так, биологическое направление обращается к концепции "технофобии" для обоснования некоторых своих выводов о влиянии наследственности на социальные изменения. "Технологический детерминизм" в свою очередь "обогащается" концепциями "технологического человека", идеями биосоциологии.

"Технологические детерминисты" обращаются к решению глобальных проблем современности — экологической, демографической, продовольственной, энергетической, к вопросам войны и мира. При этом их интерпретации зачастую осуществляются не только с позиций технологических факторов, но и факторов биологических, психологических, географических.

В буржуазной социологии наблюдается эклектическое использование самых различных детерминант. Так, "географический детерминизм" "дополняется" "технологическим детерминизмом" во всякого рода социально-экономических концепциях. Широкое распространение получают так называемые социобиологические концепции, пытающиеся наряду с "биологическим детерминизмом" использовать "технологический детерминизм". Известны также концепции "постиндустриального общества", разрабатываемые леворадикальными социологами, широко применяющими биопсихологические детерминанты наряду с технологическими.

Сциентистская ориентация наблюдается и в социальной философии структурализма. Это попытка выработать идеал исходя из анализа двух социальных структур — социальной структуры до появления цивилизованного общества и социальной структуры индустриальной цивилизации (К. Леви-Строс). Вместе с тем структурализм представляет абстрактно-академическую социологию, значительно отличающуюся от "технологического детерминизма": социологов-структуралистов интересуют прежде всего проблемы социального познания и абстрактной "социальной реальности", которая сводится ими к "теоретической реальности", интерпретируемой абстрактно-гуманистически.

В то же время "технологический детерминизм" обращается не к абстрактной социальной реальности, а к актуальным про-

цессам и явлениям общественного развития. Другое дело, что в конечном счете получается идеалистическое объяснение истории. Однако апелляция к актуальным проблемам современной эпохи не делает концепции "технологических детерминистов" менее абстрактными, менее далекими от реальных запросов социально-экономического развития. Такой подход изучения общественных явлений роднит социальную философию структурализма с "технологическим детерминизмом".

С претензией на причинное объяснение развития общественных явлений выступает в последние годы феноменологическая социология, которая представлена такими школами, как "социология повседневной жизни" (Дж. Дуглас), "социология абсурда" (С. Лайман, М. Скотт), "рефлексивная социология" (Э. Голднер), "социология социологии" (Р. Фридрихс), "экзистенциальная социология" (Э. Тиракьян), "гуманистическая социология" (П. Бергер) и т. д.

Социологи-феноменологи анализируют и подвергают резкой критике как эмпирическую социологию, так и социологию структурно-функционального анализа.

Английские социологи Д. Силвермен, Д. Уолш, М. Филипсон, П. Филмер стремятся доказать правомерность и научность феноменологического метода в подходе к изучению общественных явлений. При этом Силвермен заявляет, что "наука лишь тогда получает право называться наукой, когда ее методы удовлетворяют требованиям строгости... и в то же время получают свое обоснование из самой природы исследуемых явлений"⁷. Совершенно очевидно, что феноменологическая социология, как и структурализм, сосредоточивает внимание на проблемах социального познания, и прежде всего человеческой деятельности. Феноменологическая социология на первый взгляд как будто не имеет никаких точек соприкосновения с социологией "технологического детерминизма"— ни в проблематике, ни в методологии (в ее поверхностном сущностном рассмотрении). Однако это не так. Они сходятся в главном — субъективно-идеалистической интерпретации общественных явлений, а также в попытках подняться на общесоциологический уровень исследования общественного процесса.

Заслуживает внимания, на наш взгляд, рассмотрение вопроса о соотношении "технологического детерминизма" с таким направлением в развитии буржуазной социологии, как философия истории. Известно, что современная буржуазная философия истории как направление в развитии социологической мысли возникла в конце XIX — начале XX в. Ее представителями явились немецкие философы Ф. Ницше и О. Шпенглер, английский историк А. Тойнби, а также Г. Риккерт и В. Виндельбанд — представители немецкого неокантианства.

⁷ Цит. по: Новые направления в социологической теории. М., 1978, с. 35.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции вплоть до 50-х годов буржуазная философия истории как направление развития социально-философской мысли фактически сошла со сцены. Как свидетельствуют исторические факты, в конце 20-х – начале 30-х годов, когда в капиталистических странах разразился экономический кризис, буржуазная социология перестала заниматься общими проблемами исторического развития общественного процесса, в ней преобладала эмпирическая социология.

Новая волна буржуазной философии истории как социологического направления возникла в 50-х годах. Это объясняется необходимостью усиления аргументации апологии капитализма и борьбы с марксизмом-ленинизмом, придания ей формы научности и доказательности. Соединение философско-исторических интерпретаций общественного процесса с "технологическо-детерминистским" осмыслением НТР и ее последствий нашло наиболее полное проявление в социологии "технологического детерминизма".

Именно поэтому в последние десятилетия проблемы философии истории и методологии исторического познания приобрели исключительно большое значение в современной буржуазной социологии, философии и историографии. Обобщая результаты научно-технического прогресса, буржуазные теоретики сделали попытку объяснить природу и направленность исторического процесса. В эти годы появляются довольно оптимистические работы по философии истории. Например, работа французского социолога Ж. Фурастье "Основные идеи. За гуманизацию человеческого общества", где он намечает ряд тенденций в экономическом росте высокоразвитых стран. А в сборнике "Какое будущее ожидает человечество?" (Прага, 1964 г.) было опубликовано его оптимистическое выступление "Технический прогресс и капитализм с 1700 по 2100 год".

Фурастье утверждает, что современный капитализм с помощью НТР сумел преодолеть те противоречия и несовершенства, которые разоблачали социалисты XIX в. Однако для устранения зла, полагает буржуазный теоретик, совсем не следует ликвидировать частную собственность. Современное "индустриальное общество" в состоянии де создать изобилие, к тому же капиталисты, считает он, "не только берут у общества, но и дают ему"⁸. Как видим, налицо "технологическо-детерминистский" вариант концепции философии истории.

Новые модификации этой концепции (философско-историческое "обоснование" реальности "информационного", "программируемого", "постсоциалистического" и т. п. общества) принесли 80-е годы.

Современная буржуазная философия истории – это внутренне

⁸ *Fourastie J. Les 40000 Heures. Paris, 1965, p. 147.*

противоречивое, сложное явление. Она выступает не только как истолкование направленности исторического процесса, взятого в целом, но и как интерпретация определенного отношения ученого к историческим фактам, к прошлому. Философия истории разрабатывается философами, социологами, историками. В социологии "технологического детерминизма" ярко выражено онтологическое направление развития философско-исторической мысли, хотя в результате специального анализа можно выявить и ее гносеологический аспект.

Все концепции философии истории, разработанные в рамках социологии "технологического детерминизма", выступают в качестве альтернативы марксистско-ленинскому учению о коммунистической общественно-экономической формации как будущего человечества.

Рассмотрев взаимодействие "технологического детерминизма" с другими направлениями развития современной буржуазной социологии, можно сказать, что он, бесспорно, имеет свою специфическую, только ему присущую теоретико-методологическую основу. Речь идет о разработке теорий и концепций общественного процесса с позиций парадигмы "технологического детерминизма". От других буржуазных концепций "технологический детерминизм" отличается способом интерпретации этого процесса и степенью социологических обобщений. В то же время все направления современной буржуазной социологии органически связаны между собой, так как имеют одни и те же идеологические функции — апологетику капитализма, антимарксизма и антикоммунизма.

ПАРАДИГМА "ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА" И ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

Марксистский анализ многочисленных буржуазных концепций, изучающих связь общественного развития с техникой и наукой, свидетельствует о том, что они строятся на основе парадигмы "технологического детерминизма". Речь идет о модели интерпретации общественных явлений, которая исходит из абсолютизации, фетишизации науки и техники.

Парадигма может представлять знание как истинное, так и ложное. В том случае, когда в качестве теоретической модели решения задачи выступает истинное знание, результат исследования обладает характером объективной истины. Если же за основу теоретической модели берется заведомо ненаучное знание, то и последующее рассмотрение проблем с необходимостью ведет к ложным интерпретациям. В логике под парадигмой понимается свод правил, принципов, выступающих в теории, методологии и практике в качестве модели, образца решения различных проблем.

Понятие парадигмы широко использовалось в античной и средневековой философии для характеристики соотношения духовного и физического мира. К парадигме обращались Г. Ф. В. Гегель и Ф. В. Шеллинг. В буржуазную социологию впервые оно было введено Р. Мертоном, а затем широко использовалось и другими буржуазными социологами¹. Т. Кун предложил свою интерпретацию парадигмы как признанных всеми научных достижений, "которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу"².

История науки свидетельствует о том, что возможна и часто необходима научная теория как модель решения теоретических и практических задач. Но истинность и научность не связаны с общезначимостью, так как имеют своим критерием практику. В. И. Ленин в "Материализме и эмпириокритицизме", критикуя теорию истины А. А. Богданова, убедительно доказал, что об-

¹ Friedrich R. W. *Sociology of Sociology*. New York, 1970, p. V.

² Кун Т. *Структура научных революций*. М., 1975, с. 11.

шезначимость не может быть критерием объективной истины³.

Парадигма "технологического детерминизма" в понимании Т. Куна сориентирована на общезначимость как критерий истинности. Дело в том, что ее появление теснейшим образом связано с формированием техницистско-сциентистского сознания на социально-психологическом уровне общественного сознания буржуазного общества.

Известно, что обыденное сознание отличается аморфностью, отсутствием четких границ и одновременно удивительной подвижностью, обусловленной вплетенностью в практически-преобразовательную деятельность людей. Для обыденного сознания характерна иллюзорность отражения социальной реальности, которая с необходимостью — под воздействием классового видения общественного развития — переносится в буржуазное обществознание. Этот процесс всесторонне проанализирован К. Марксом на примере товарного фетишизма.

Для К. Маркса фетишизм — элемент не только религии, но и целого ряда форм сознания, далеких от религии в собственном смысле этого слова. В религиозном мире "продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом. То же самое происходит в мире товаров с продуктами человеческих рук. Это, — подчеркивал Маркс, — я называю фетишизмом..."⁴. В "Капитале" показана социально-экономическая обусловленность фетишистского сознания буржуазными производственными отношениями, положением индивида в их системе. Непонимание сущности капиталистического производства ведет к овеществлению социальных отношений, наделению вещей сверхъестественными свойствами. Основные теоретико-методологические принципы анализа К. Марксом товарного фетишизма служат основанием научного исследования корней технологического фетишизма. Дело в том, что природа фетишизации общественных отношений в условиях капитализма одна и та же и для товарного, и для технологического фетишизма. Это — подмена сущности капиталистических производственных отношений взаимодействием вещей, разного рода явлений. Так, технологический фетишизм, фиксируя реальные факты (например, воздействие НТР на все стороны общественной жизни), вырывает их из системы социальных отношений, искажает их действительную сущность.

Технологический фетишизм складывается первоначально на уровне обыденного сознания. Массовое сознание активно реагирует на все противоречия общественного развития, поэтому, с точки зрения буржуазных идеологов, необходимо манипули-

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 123–133.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 82.

ровать им, поддерживать технологические иллюзии. В условиях всеобщего кризиса капитализма, когда с очевидностью обнаруживает себя невозможность с помощью "мирных средств" решить все социальные проблемы, у правящего класса появляется потребность в формировании особых средств и методов для поддержания "технологических" иллюзий.

Обоснование технологического фетишизма на теоретическом уровне осуществляется при помощи парадигмы "технологического детерминизма". Однако при всей своей "теоретичности" она не избавляет от рассмотрения общественных явлений на функционально-эмпирическом уровне, причем, как правило, она искажает их действительные связи и отношения.

В буржуазной литературе распространено обращение к парадигмам "индустриальной эпохи" и "постиндустриальной эпохи". Данные парадигмы — своеобразный результат конкретизации парадигмы "технологического детерминизма", отражение ее в совокупности постулатов, сформулированных для характеристики этих "эпох". Так, американские социологи, например У. Хармэн и Й. Барбор, выделяют следующие компоненты парадигмы "индустриальной эпохи": ожидание неограниченного материального процветания и постоянного роста потребления; вера в то, что наука и технология решат все проблемы; обязательный рост производительности труда; право человека быть хозяином природы; конкуренция и индивидуализм⁵. У. Хармэн, кроме того, добавляет, что "индустриальная эпоха" характеризуется разрушением окружающей среды, истощением ресурсов, несправедливым распределением, неэффективностью контроля над технологией⁶. Отмечая негативные явления, сопровождающие капиталистическое общество, он без разбора распространяет их на все индустриально развитые страны, в том числе на социалистические. Подобная позиция присуща многим представителям "технологического детерминизма" и является своего рода идеологическим выпадом против реального социализма.

Парадигма, относящаяся к "постиндустриальной эпохе", характеризуется: достаточностью материальных благ для удовлетворения насущных потребностей; экологической этикой; развитием человеческой личности, ее самовыражением; ростом знания и творчества; "сотрудничеством" и общественной солидарностью вместо конкуренции и индивидуализма⁷. Перед нами своего рода "социальный идеал", предлагаемый буржуазной идеологией широким народным массам, общество внешне

⁵ *Harman W.* An Incomplete guide to the Future. Stanford, 1976, p. 82; *Barbour J. G.* Technology, Environment and Human values. New York, 1980, p. 304 — 311.

⁶ *Harman W.* Changing Society to Cope with Scarcity. — *Technology Review*, 1975, June, p. 22, 35.

⁷ *Barbour J. G.* Technology, Environment and Human values. New York, 1980, p. 311.

с довольно привлекательными чертами, однако пути к его достижению всецело связываются лишь с техникой и наукой, взятыми вне системы общественных отношений. Вполне очевидна идеологическая, социальная опасность этой парадигмы.

Парадигмы "индустриальной" и "постиндустриальной" эпохи предлагают в качестве модели общественного развития абстрактные общественные системы, наделенные идеальными свойствами. Свойства эти выступают всего лишь как постулаты, не больше. Марксистский критический анализ показывает, что концепции, построенные на основе этих парадигм, связаны либо с буржуазным идеалом современного капиталистического общества, либо с его будущим. Кроме того, эти парадигмы выполняют антикоммунистическую функцию: с их помощью буржуазные социологи тщетно пытаются доказать, будто социализм — всего-навсего "индустриальное общество", которое постепенно переходит в "постиндустриальное".

Идеалистическая сущность парадигмы "технологического детерминизма"

Домарксистское понимание детерминизма в целом сводилось лишь к одной непосредственно действующей причинности, в чем и проявилась его ограниченность.

Понимание детерминизма развивалось в русле разработки проблем причинности. Так, Г.В. Лейбниц, употребляя понятие "причина", трактовал ее не только как непосредственно действующую причину. Он учитывал при этом такие факторы, как необходимость, возможность, случайность, конечная причина¹. По свидетельству Гегеля, у Лейбница "существуют тройкого рода соединения субстанций: 1) причинность, влияние, 2) отношение содействия, 3) отношение гармонии"².

Механистический взгляд на причинность был выражен французским астрономом и математиком П. Лапласом. Он утверждал, что если бы были известны законы динамики для всех явлений, то можно было бы объять в одной формуле движения как величайших тел, так и мельчайших атомов³.

Интересен в плане осмысления проблем детерминизма тезис Б. Спинозы о том, что природа сама есть причина самой себя (*causa sui*). Видимо, особенность природы имел в виду Ф. Энгельс, когда писал: "Взаимодействие — вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю в целом с точки зрения теперешнего естествознания... спинозов-

¹ См.: Лейбниц Г. В. Сочинения в четырех томах, т. 1. М., 1982, с. 177, 234, 239; т. 2. М., 1983, с. 177, 178, 217, 229.

² Цит. по: Гегель Сочинения, т. XI. М.— Л., 1935, с. 345.

³ См.: Лаплас П. Опыт философии теории вероятностей. М., 1908.

ское: *субстанция есть causa sui (причина самой себя.— Ред.)* — прекрасно выражает взаимодействие..."⁴

П. Гольбах в работе "Система природы, или о законах мира физического и мира духовного" также вносит свой вклад в разработку детерминизма. Он отмечает, что "необходимость, управляющая движениями физического мира, управляет также всеми движениями мира духовного..."⁵. Рассмотрение Гольбахом детерминации явлений как необходимости способствует пониманию направленности изменений. Это важный шаг в более глубоком осмыслении проблемы.

Марксистская концепция социального детерминизма, основанная на материалистическом понимании истории, включает в себя учение о причинности и закономерности развития общественных отношений, явлений, процессов, находящихся в объективной субординации различных структурных уровней общественной жизни. Исследование социальной детерминации в многообразии ее проявлений показывает, что все они в конечном счете связаны с закономерным характером общественной жизни. Обращение к анализу различных детерминационных процессов и факторов, т.е. детерминант, их обуславливающих, требует корректного отношения к терминам "детерминизм" и "детерминация". Первый означает философское учение об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений действительности; второй — сам процесс объективной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений. Короче говоря, детерминизм — это учение об объективной и субъективной детерминации развития явлений. В основе детерминации лежит само объективное причинно-следственное, функциональное взаимодействие явлений, при котором одно явление с необходимостью порождает другое или оказывает влияние на его изменения.

Парадигма "технологического детерминизма" является своего рода абсолютизацией детерминационных связей и отношений общественного процесса. Она представляет интерпретацию буржуазными идеологами причин общественного развития, которые в конечном счете они сводят к факторам технологического, а затем и духовного порядка.

"Технологический детерминизм" важно рассмотреть не только как одно из направлений современной буржуазной социологии, но и как парадигму. Это помогает понять причины такого явления в буржуазной идеологии, политике и общественном сознании, как широкое распространение всевозможных "технологических" идей. Именно парадигма "технологического детерминизма" обуславливает многообразие "технологическо-детерминистского" мировосприятия многих буржуазных экономистов,

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 546.

⁵ Гольбах П. А. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1963, с. 237.

правоведов, культурологов, политических деятелей, журналистов.

В марксистской философской и социологической литературе всесторонне и глубоко раскрыт социально-экономический аспект парадигмы "технологического детерминизма", антикоммунистическая направленность "технологическо-детерминистских" концепций. Однако недостаточно исследованным остается его философское содержание. Анализ парадигмы "технологического детерминизма" позволяет подойти к решению этой задачи.

Идеализм рассматриваемой парадигмы органически связан с социальной метафизикой, олицетворением которой является ее концепция развития. В "Философских тетрадах" В. И. Ленин подчеркивал: "Условие познания всех процессов мира в их *"самодвижении"*, в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть *"борьба"* противоположностей"⁶.

Буржуазные идеологи, в том числе приверженцы "технологического детерминизма", понимают развитие лишь как эволюцию. Для них источник развития не связан с борьбой противоположностей. Дж. Гэлбрейт, О. Тоффлер, Д. Белл и другие буржуазные социологи пишут об исчезновении противоречий между трудом и капиталом, подменяют основные противоречия капитализма второстепенными. Зачастую они либо вообще не видят никаких противоречий, либо в апологетических целях конструируют их. "Решение" надуманных противоречий делает парадигму "технологического детерминизма" беспомощной при столкновении с реальными социальными проблемами:

Познание природы противоречий, а следовательно, и путей их решения предполагает учет сложной диалектики их развития. Показатели роста образования людей, например, сами по себе не раскрывают специфики совокупной рабочей силы в условиях капитализма — нужна ее сущностная характеристика. Буржуазные же идеологи обращают внимание лишь на процесс интеллектуализации рабочей силы, повышение ее культурного уровня, выдавая эти процессы за исчезновение капиталистической эксплуатации.

Теоретики парадигмы "технологического детерминизма" строят ее на видимости явлений, игнорируя их сущностный анализ. Известно, что видимость (кажимость) — это одностороннее проявление сущности. В. И. Ленин, конспектируя "Науку логики" Гегеля, подчеркнул: "Не только *Wesen* (сущность.— *Ред.*), но и *Schein* объективны". И далее: "Кажущееся есть сущность в *одном* ее определении, в одной из ее сторон, в одном из ее моментов. *Сущность* кажется тем-то. Кажимость есть явление (*Scheinen*) сущности самой в самой себе"⁷. Одним словом, видимость

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

⁷ Там же, с. 89, 119.

(кажимость) и сущность — единство противоположностей. Противоречие между ними — противоречие самой сущности.

В процессе непосредственного созерцания явлений их связи и отношения в основном представляются не так, как они отражаются в других вещах, процессах, отношениях, с которыми взаимодействуют. Видимость — это не порождение сознания как такового, в ней преломляются реальные связи, отношения, явления. Но так как видимость является неполным, односторонним отражением сущности, то выступает одним из источников заблуждений, иллюзий, превращенных форм сознания.

Познание сущности общественных отношений — сложная задача. Она постоянно требует учета диалектики явления и сущности, видимости и сущности. Вопросы их соотношения имеют большое значение для уяснения специфики общественной детерминации, критики различных буржуазных теорий, в которых видимость явлений выдается за сущность. Так, "технологические детерминисты" все изменения в производительных силах, характере труда, потреблении, общении и т. д. объясняют лишь технологическими факторами, полностью игнорируя социально-экономические причины и условия. При этом они исходят из ложной посылки, будто капиталистическая эксплуатация исчезла и возникли отношения партнерства и взаимосогласованных интересов⁸.

Вместе с тем ни о каких отношениях партнерства, "заинтересованном классовом сотрудничестве" в условиях частной собственности на средства производства не может быть и речи. Как показывают марксистские исследования, в условиях НТР существенно меняется вся система капиталистической эксплуатации⁹. Изменение всей структуры общественного разделения труда происходит благодаря заинтересованности прежде всего капитала. В дополнение к прежней системе эксплуатации в основном физического труда (материальное производство) возникает массовая эксплуатация работников интеллектуального труда (особенно в духовном производстве), а также работников психически напряженного труда (сфера услуг).

Состояние рабочей силы в условиях монополистического капитала и НТР требует для своего воспроизводства гораздо больше затрат общественного труда, а следовательно, означает рост

⁸ См., например: *Гэлбрейт Дж. К.* Экономические теории и цели общества. М., 1979.

⁹ См., например: *Политическая экономия современного монополистического капитализма* в двух томах, т. 1, 2. М., 1975; *Углубление общего кризиса капитализма*. М., 1976; *Ленинская теория империализма и современность*. М., 1977; *Рабочий класс в социальной структуре индустриально развитых капиталистических стран*. М., 1977; *Тимофеев Т. Т.* Рабочий класс в центре идейно-теоретического противоборства. М., 1979; *Пономарев Б. Н.* Об исторических судьбах рабочего класса. — *Коммунист*, 1985, № 1, с. 20 — 34.

стоимости рабочей силы¹⁰. Эта проблема имеет огромное идеологическое значение. Отсутствие тщательного научного анализа дает почву для всякого рода вульгарно-экономических или "технологических" интерпретаций. Идеализация производственно-технологических отношений, сдвигов, происходящих в социальной инфраструктуре, позволяет "технологическим детерминистам" делать вывод о возможности разрешения всех социальных антагонизмов с помощью развития науки и техники.

Детерминизм связан с представлением о закономерном характере действительности. Однако это представление может быть метафизическим, а может вытекать из диалектически понятой необходимости. В парадигме "технологического детерминизма" необходимость выступает в аспекте фатальной неизбежности: техника, наука предопределяют возникновение, развитие любого общественного явления. Зачастую парадигма "технологического детерминизма" используется для обоснования науки и техники как абсолютной и независимой силы, как некоей демоники техники, или "технозеса", и т.п. Подобная интерпретация вытекает из позитивистской философской ориентации, сводящей технику к совокупности знаний или способу применения знаний в технической системе любого типа. Отсюда делается вывод о выявлении инструментальной ценности техники, подчеркивается принадлежность техники к инструментам человеческого разума.

Абсолютизация техники, технологии, науки вытекает из рассмотрения их вне конкретных производственных отношений, из абстрагирования от решения социально-экономических проблем, от общественно-исторической практики. Согласно парадигме "технологического детерминизма", техника — это чисто функциональное средство, способное-де определять тип общества, его социальную структуру, политический строй, культуру и т.п. При этом искажаются процессы взаимодействия экономических, социальных, политических и технологических структур. Как правило, отношения между структурами общественной системы "технологические детерминисты" строят на принципе "рациональности", в основу которого положено якобы разумное, "научно обоснованное" решение.

Сама по себе идея рациональности, взятая на вооружение "технологическим детерминизмом", не является чем-то новым. С идеями капиталистической "рациональности" выступали многие буржуазные философы и социологи. В последнее время буржуазные концепции "рациональности" стали предметом критического анализа в многочисленной советской и зарубежной марксистской литературе, в которой убедительно раскрывается

¹⁰ См.: *Васильчук Ю. А.* Научно-техническая революция и рабочий класс при капитализме. Углубление противоречий и проблемы классовой борьбы. М., 1980.

кризис "рациональности", просматриваются общие тенденции его развития и попытки "реконструкции" самой этой идеи в современной буржуазной философии и социологии.

Вопросы анализа "технологической рациональности" специально ставились в марксистской философской и социологической литературе. Критические подходы уже намечены у Э. А. Араб-Оглы, Ю. Н. Давыдова, И. С. Нарского, М. Я. Яковлева и др. В работах названных авторов отмечено, что в буржуазной философии и социологии существует два вида "технологической рациональности": гуманистическая и консервативно-технократическая. Один ратует за контроль человека над "техническим разумом", другой за союз технократов и государства. Однако и тот и другой виды "рациональности" объявляют технику и науку единственно определяющими детерминантами развития общественных явлений.

История развития техники есть вместе с тем и история развития производительных сил, поскольку техника является материальным средством человеческой деятельности. В своем "самодвижении" техника подчиняется определенным законам, и в первую очередь экономическим. Ведь техника мертва, если она не включена в систему производственных отношений, в социальную структуру. Конечно, существуют имманентные законы техники, связанные, скажем, с усложненностью технических объектов, их дифференциацией по функциям.

Источником развития техники является противоречие между имеющимися в наличии техническими объектами и социальной потребностью в новой технике. Условием прогрессивного развития техники служит качественный скачок, выражающийся в использовании технических объектов, сконструированных на основе нового способа действия, на основе изменения ее взаимодействия с человеком. Необходимость развития техники детерминирована в конечном счете экономическим противоречием между уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений.

Категория "необходимость" (как и категория "случайность") выражает не любое отношение, а лишь то, которое относится к сущности процесса или явления. Необходимость содержит причину своего проявления в самой сущности. Поэтому в научном познании нельзя игнорировать диалектическую взаимосвязь причинности, сущности и необходимости. В противном случае невозможно осуществить научное прогнозирование развития общественных явлений и исторического процесса в целом.

Метафизический отрыв сущности от причинности ведет к искаженному пониманию тех или иных общественных явлений в парадигме "технологического детерминизма". Так, американский социолог Н. Г. Онаф в статье "Поверженный Прометей" перечисляет определенные блага, которые принесла с собой технология: более высокий жизненный уровень, новые лекар-

ства, лучшее медицинское обслуживание, более совершенное питание, увеличение продолжительности жизни, освобождение человека от тяжелого физического труда, жизнь без голода и нищеты и т. д. и т. п. Все это выдается за сегодняшнюю норму, за обычный жизненный эталон "технологической цивилизации" и современной "технологической революции". Согласно Онафу, неизбежность технологической революции влечет за собой с необходимостью появление всех благ, без которых не может существовать современное общество¹¹.

Другой американский социолог, Дж. Гэлбрейт, считает, что так называемая техноструктура (по его понятию, своеобразная иерархия специалистов, способных принимать решения) возникает в ходе технологического перевооружения предприятия и детерминирует появление "нового индустриального общества"¹².

Подобные рассуждения "технологических детерминистов" страдают абстрактностью, за которой скрывается классовая пристрастность: украсить капитализм, "вылечив" его, хотя бы "парадигмально", от социальных язв.

Парадигма "технологического детерминизма" используется для философско-исторической интерпретации общественного развития. Осмысление исторического процесса предполагает выявление закономерных связей, открытие законов развития общества. "Материализм,— писал В. И. Ленин,— дал вполне объективный критерий, выделив производственные отношения, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты"¹³.

К. Маркс и Ф. Энгельс, анализируя материальную основу жизни общества, из всей сложной системы общественных отношений выделили производственные отношения, определяющие структуру общества. Другим важнейшим условием открытия закономерностей общественной жизни явилась марксистская теория классов и классовой борьбы.

Законы общественного развития на основе парадигмы "технологического детерминизма" признаются лишь в плане соотношения того или иного принципа с фактами. С точки зрения Белла, например, существуют лишь концептуальные схемы, которые означают у него подход исследователя "к порядку рассмотрения фактов". Так, феодализм, капитализм, социализм получают свое объяснение только при их анализе вдоль оси отношений собственности, а доиндустриальное, индустриальное, постиндустриальное общества — это концептуальные ряды вдоль оси знания и технологии. Д. Белл здесь же подчеркивает, что эти оси не де-

¹¹ Onuf N. G. Prometheus Prostrate. — Futures, 1984, v. 16, N 1, Feb. p. 37.

¹² См.: Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество, с 194 — 203.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.

терминируют друг друга¹⁴. Такой подход свидетельствует о волюнтаризме, исключающем объективность исследования общественного процесса.

В парадигме "технологического детерминизма" буржуазными социологами улавливаются некоторые так называемые эмпирические закономерности. Относительно верно здесь рассматривается связь научного знания с техническим перевооружением производства.

В последние годы парадигма "технологического детерминизма" разрабатывается на основе использования технологических достижений, связанных с новым витком НТР, обусловленных развитием микроэлектроники, робототехники, биотехнологии, производством новых видов энергии и материалов. Однако так называемая теоретическая разработка парадигмы "технологического детерминизма" осуществляется всего лишь на эмпирическом уровне. В силу этого она не может объяснить воздействие нового витка НТР на экономику, классовые отношения, изменение структуры рабочего класса на капиталистическом рынке. Это понимают многие буржуазные политики и идеологи.

Характеризуя последствия нового витка НТР, буржуазный политик А. Блауштейн отмечает: "Драматическое урезывание основных социальных программ повлечет за собой социальные и человеческие издержки. Сокращение социальных услуг имеет вполне реальную цену. Оно будет способствовать возрастанию преступности, потребления наркотиков, физических и душевных болезней, алкоголизма". Свою оценку деятельности администрации США по реализации основных социальных программ Блауштейн подкрепляет конкретными статистическими данными, отражающими понижение уровня жизни миллионов простых американцев¹⁵.

Блауштейн справедливо подчеркивает, что экономический план администрации США, новая "технологическая революция" — тяжелое бремя для трудящихся масс. Сокращение социальных программ имеет цель сбалансировать бюджет для массивированной переброски средств на социальные нужды в военную промышленность.

Эти рассуждения буржуазного политика не отвечают модели "технологическо-детерминистских" интерпретаций общественного процесса. Правда, и сам Блауштейн видит выход из рассмотренных им противоречий на путях только лишь "морального перевооружения" общества.

Парадигма "технологического детерминизма" не может объяснить даже самой технологической детерминации, так как искажает действительное место техники и науки в обществе. В каче-

¹⁴ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society, p. 13.

¹⁵ Blaustein A. R. Moral Responsibility and National Character. — Transaction, 1982, May — June, p. 25.

стве причин развития самой науки и техники буржуазные идеологи выдвигают традиционно философские основания — либо субъективно-идеалистические, либо объективно-идеалистические. В первом случае это человеческое сознание в его специфических формах, необходимых для решения сложных технико-математических задач. Во втором случае буржуазные идеологи пропагандируют всецелое господство техники, вставшей-де над человеком и вышедшей-де из-под его контроля. Превратившись, по их мнению, во всемогущую силу, она будто бы предопределяет судьбу человеческой цивилизации. Зачастую у одного и того же автора парадигма "технологического детерминизма" сочетается с вульгарным материализмом, субъективным и объективным идеализмом.

Выявив основные, сущностные теоретические характеристики парадигмы "технологического детерминизма", мы тем самым получили возможность рассмотреть ее методологические аспекты.

Социальная метафизика парадигмы "технологического детерминизма"

Сравнивая парадигмы в области социальных и естественных наук, Т. Кун отмечает, что, проведя один год в обществе, состоявшем главным образом из специалистов в области социальных наук, он был поражен количеством и степенью разногласий между социологами по поводу правомерности постановки тех или иных научных проблем и методов их решения. "...Как бы то ни было, практика научных исследований в области астрономии, физики, химии или биологии обычно не дает никакого повода для того, чтобы оспаривать самые основы этих наук, тогда как среди психологов или социологов это встречается сплошь и рядом"¹.

Кун подметил важнейшую особенность буржуазной социологии — плюрализм, отсутствие принципиального рассмотрения теоретических проблем, произвольное конструирование концепций. В буржуазной социологии идет постоянная смена парадигм, вызываемая самим состоянием социологической мысли: разочарованием в эмпирической социологии (40 — 50-е годы), неудовлетворенностью структурно-функциональным анализом и социальной философией структурализма (60 — 70-е годы), несостоятельностью "постиндустриального общества" (середина 70-х годов). Тем не менее в настоящее время снова наблюдается возвращение в различных модернистских вариантах к эмпирической социологии и "постиндустриалистским" концепциям, социологии структурно-функционального анализа и феноменологической социологии и т. д.

¹ Кун Т. Структура научных революций, с. 10.

Для осуществления марксистского анализа "технологических" фальсификаций общественного процесса важно четко обозначить различие между социологией "технологического детерминизма" и парадигмой "технологического детерминизма".

Парадигма является, как мы уже отмечали, признанным буржуазными идеологами "научным средством", без которого немислимо, на их взгляд, решение как теоретических, так и практических задач. Поэтому ее применение у буржуазных теоретиков имеет довольно широкий диапазон. К парадигме "технологического детерминизма" обращаются социологи-теоретики, менеджеры, социологи-эмпирики, журналисты, политологи, правоведаы, культурологи, экономисты и т. д. Для них она выступает образцом, стандартом связи теории и практики, эмпирического и теоретического при рассмотрении и объяснении как отдельных социальных систем, так и общества в целом.

Социология "технологического детерминизма" формируется на основе парадигмы "технологического детерминизма", выступающей в качестве ее обязательной универсальной константы.

Основными признаками парадигмы "технологического детерминизма" являются: абсолютизация технических, технологических, индустриальных и т. п. сторон общественных явлений; фетишизация техники, науки и научно-технической революции; игнорирование социально-экономических отношений как отношений, определяющих общественный процесс; сосредоточение внимания на производственно-технологических отношениях; подмена классовых антагонизмов противоречиями технологий и уровней образования людей, противоречиями между занятыми на производстве и безработными и т. д.

В буржуазных концепциях, которые строятся на основе данной парадигмы, на передний план выдвигаются производственно-технологические отношения людей и игнорируется ведущая роль производственно-экономических отношений.

В условиях научно-технической революции происходит усложнение структуры производственно-технологических отношений, связанных не только с дальнейшей специализацией производства, но и с необходимостью кодифицирования знания, его материализации. В связи с этим в буржуазной социологии, политической экономии, политологии производственно-технологическим отношениям приписывается ведущая роль в системе других общественных отношений. При этом детерминационная роль производственно-экономических отношений, как правило, игнорируется.

Система производственных отношений сложна и многогранна. Она включает экономические отношения классов, социальных групп, экономические взаимоотношения работников всех сфер. Это — производственно-технологические отношения, складывающиеся на основе общественного разделения труда, взаимоотношения внутри каждого класса, а также отношения, связанные

с обменом продуктами деятельности, распределением общественного продукта и др.

Для того чтобы глубже понять производственные отношения, проанализировать их структуру, целесообразно выделить в них две взаимосвязанные стороны: производственно-экономические и производственно-технологические отношения. В процессе взаимодействия ведущая роль всегда принадлежит первым.

Важнейшей характеристикой производственно-экономических отношений является форма собственности на средства производства. Структура производственно-экономических отношений зависит от формы распределения материальных благ, формы обмена производственной деятельностью и характера потребления.

Производственно-технологическое взаимодействие людей не может существовать вне производственно-экономических отношений. Производство – это и общественный, и технологический процесс. Марксистский анализ производственных отношений помогает выяснить взаимодействие их сторон – производственно-экономической и производственно-технологической, – а также уяснить сущность развития производственно-технологических отношений, их действительное место в системе общественной детерминации.

Производственно-технологические отношения развиваются в тесной связи с общественным разделением труда. К. Маркс подробно исследовал этот процесс в "Капитале", показав диалектическое взаимодействие производственно-экономических и производственно-технологических отношений, определяющую роль производственно-экономических отношений людей.

Совершенствование орудий производства связано не просто с технологической эффективностью процесса производства, а с социально-экономическими причинами, выражающимися в экономических и социальных стимулах повышения производительности труда, необходимости дальнейшего совершенствования производственно-экономических отношений людей. Парадигма "технологического детерминизма" предполагает анализ производственных отношений лишь как производственно-технологических. Например, Д. Белл полагает, что положение людей в обществе определяется образованием и квалификацией, а все общественные отношения строятся как профессиональные объединения².

Японский социолог Е. Масуда рассуждает об "информационном обществе" как о "компьютеризированной системе", для которой характерны "компьютополисы", "компьютогорода". Согласно этому буржуазному социологу, все общественные отношения становятся компьютеризированными. В "индустри-

² Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. – Dialogue, 1978, vol. 11, N 2, p. 3 – 11.

альном обществе”, считает Масуда, современный завод, оснащенный новейшими машинами и оборудованием, стал социальным символом и центром производства товаров. В информационном же обществе информационное предприятие, состоящее из информационных сетей и “банков управленческих данных” (по его разъяснениям, место сосредоточения, хранения информации), заменит завод как социальный символ и станет центром производства и распространения информационной продукции³.

Буржуазные идеологи – сторонники этой парадигмы (“индустриалисты”, “постиндустриалисты”, “технократисты”, “информисты”, “постсоциалисты”) анализ общественных изменений ведут на основе лишь производственно-технологических отношений. Так, американский социолог О. Тоффлер в книге “Третья волна” утверждает возможность “полной и привлекательной общественной жизни” в обозримом будущем, которое связано с так называемой третьей волной развития технологии. По его мнению, основные изменения в обществе связаны с микроэлектроникой и информатикой. Отвечая на вопрос, как же произойдет переход к обществу “третьей волны”, Тоффлер пишет: “Новые политические структуры цивилизации третьей волны будут созданы не единым напряжением насильственной революции, а будут возникать на протяжении десятилетий как следствие многих тысяч новаций и коллизий на самых различных уровнях”. По Тоффлеру, существует лишь один путь к обществу благополучия – качественная перестройка технологии, не революция социальная, а “революция микроэлектронная”, будущее человечества якобы не коммунизм, а некое “общество кабельного телевидения” или “компьютерное общество”⁴.

Нечто подобное встречается и в работах другого американского социолога, К. Нормана. В статье “Новая промышленная революция: как микроэлектроника может изменить рабочее место” он отмечает, что феноменальное развитие микроэлектроники позволяет уже сегодня говорить о наступлении электронной эры в развитии общества⁵. Всех этих исследователей занимает проблема лишь технологических изменений в обществе. Вопросы экономических отношений, связанных с формой собственности на средства производства, остаются вне сферы их интересов. Для буржуазных идеологов форма собственности на средства производства – это “абстракция”, не имеющая реального значения. Например, Д. Белл заявляет о том, что “сегодня собственность – это просто юридическая фикция, которая растворилась в субсидиях, дотациях, контрактах, фондах, социальных пособиях”⁶.

³ *Masuda J.* The information society as post-industrial society. Tokyo, 1981, p. 3 – 31.

⁴ *Toffler A.* The Third Wave. New York, 1980, p. 438.

⁵ *Norman C.* The New industrial revolution: how microelectronics may change the workplace. – Futurist. Washington, 1981, vol. 15, N 1, p. 30.

⁶ *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. New York, 1973, p. 315.

Как справедливо отмечает советский философ Ю. А. Красин, "собственность толкуется Д. Беллом вульгарно — как простое владение имуществом, тогда как в действительности собственность выступает в качестве основы системы производственных отношений между людьми"⁷.

Парадигма "технологического детерминизма" абсолютизирует не только производственно-технологические отношения людей, но и роль технологического аспекта производства во всех так называемых коренных изменениях общественных явлений. Технологические преобразования в развитых капиталистических странах, бесспорно, происходят прежде всего в технологическом процессе производства. Это и нашло свое отражение в парадигме "технологического детерминизма". Однако по своей сути эта парадигма метафизична, ее теоретики, подходя к оценке происходящих технологических изменений, абсолютизируют и в конечном счете фетишизируют их.

Например, французский социолог А. Турен в книге "Пост-социализм" много внимания уделяет понятию "способ производства", определяя его через "элементы экономической системы", "ориентации, нормативы действия". При этом "элементы экономической системы" он характеризует как "производство, организацию, распределение, потребление", понимая под ними соответственно — "изобретения, бюрократию, собственность (в смысле имущества)" и статус⁸. "Технологическая" точка зрения Турена исключает производственно-экономические отношения из их диалектической связи с производительными силами общества.

К. Маркс в работе "К критике политической экономии" писал: "В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил... Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще"⁹. Вместе с тем К. Маркс говорит о технологическом способе процесса труда¹⁰.

Технологические аспекты производства — это лишь способ распределения производственно-технологических функций между человеком и техникой. Он лежит в основе механизма производительных сил, им определяется степень господства человека над природой. Можно сказать, что в этом способе отражается соответствующее знание о законах и явлениях природы, используемых для создания определенных техноло-

⁷ Красин Ю. А. Апологетическая сущность теории "постиндустриального общества". — Вопросы философии, 1974, № 2, с. 57.

⁸ Touraine A. L'Après-Socialisme. Paris, 1980, p. 77.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 6 — 7.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49, с. 89.

гических конструкций. Производство материальных благ связано с теми или иными производственными отношениями, соответствующими данному уровню развития производительных сил, с материальной основой поступательного хода человеческой истории.

Производство материальной жизни общества и технологический способ производства по времени существования не вполне совпадают. Так, технологический орудийный способ производства (производство, осуществляемое посредством ручных орудий) существовал при первобытнообщинном, рабовладельческом, феодальном общественном строе. Для капитализма характерно бурное развитие машинного технологического способа производства. Со второй половины XX в. начался переход к автоматизированному технологическому способу производства. В автоматизированном технологическом способе производства снятие принципиальных ограничений с предметно-практической деятельности человека одновременно предполагает изменение места и роли в нем науки.

В условиях развитого социализма создается основа для более полного использования науки в ходе внедрения новой автоматической техники, для всестороннего развития работников материального производства. Объективные требования автоматизированного технологического способа производства при социализме с необходимостью ведут к такой материальной детерминации, которая характерна для коммунистического способа производства.

Для сторонников "технологического детерминизма" нет такого понятия, как "капиталистический способ производства". "Капитализм,— заявляет Турен,— это не способ производства, а способ развития, индустриализация, руководимая буржуазией". Социализм у него также выступает лишь как способ индустриализации. Он считает, что "можно установить социализм, не меняя классовые отношения в промышленности..."¹¹. Таким образом, именно с позиций "технологического детерминизма" подводится методологическое основание для общетеоретических спекулятивных построений.

Использование в социологическом анализе парадигмы "технологического детерминизма" обуславливает его абстрактность. При рассмотрении производительных сил общества идеологи "технологического детерминизма" не учитывают социально-классовых, экономических отношений. Техника, связанная в их представлении лишь с производственно-технологическими отношениями, постулируется как сила, отчужденная от всех социально-экономических отношений общества, как некая самодовлеющая и саморазвивающаяся система.

Парадигма "технологического детерминизма" не ориентирует

¹¹ Touraine A. L'Apres-Socialisme, p. 26 – 27.

на исследование социально-экономических причин развития техники и науки. Согласно парадигме, это развитие предстает как неотвратимость, диктуемая самой техникой. Такой подход не только не позволяет понять природу этих явлений, но и не дает возможности раскрыть действительную причину общественного развития.

Развитие способа производства материальной жизни подчиняется общесоциологическому закону соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Отставание развития производственных отношений от уровня развития производительных сил нельзя понимать как явление, способное остановить ход развития общества. Действительно, производственные отношения современного капитализма превратились в гигантскую преграду для развития производства, поступательного движения общества.

Однако сами последствия и формы применения новых технологий определяются не только существующим уровнем развития науки и техники, но прежде всего социальным устройством общества¹². Именно от социальных факторов зависит, будут ли использованы возможности новых научных открытий на благо человечества или против большинства его членов.

Технологическое обновление капитала в буржуазном обществе, роботизация производства ведут к росту безработицы, обострению социальных антагонизмов. В кризисной обстановке усиливаются реакционные и агрессивные тенденции монополистического капитала, подрыв политических прав и свобод трудящихся, милитаризация экономики, ставка на развязывание ядерной войны.

Только социализм открывает трудящимся массам возможности, говоря словами В. И. Ленина, *"работы на себя, и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры"*¹³. Всесторонний анализ преимуществ развитого социалистического общества, связанных с ускоренным развитием научно-технического прогресса, подтверждает ленинское предвидение. "Ускорение научно-технического прогресса,— подчеркнул М. С. Горбачев,— партия рассматривает как главное направление своей экономической стратегии, основной рычаг интенсификации народного хозяйства и повышения его эффективности а значит, и решения важнейших общественных вопросов". Задачи развертывания научно-технического прогресса "охватывают широкий круг текущих и перспективных проблем— экономических, организационных, социальных, развития культуры и образования, деятельно-

¹² См.: Научно-техническая революция и ее социальные аспекты.— Коммунист, 1982, № 12, с. 13—24.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 196.

сти верхних эшелонов управления и каждого звена народного хозяйства"¹⁴.

Социализм, таким образом, создает возможности использовать достижения НТР во имя человека. В буржуазном же обществе она используется в интересах капитала, извлечения максимально высоких прибылей. Для трудящихся НТР оборачивается безработицей, неуверенностью в завтрашнем дне.

Процесс компьютеризации производства и быта может вызвать ряд нежелательных явлений и в условиях социализма¹⁵. Однако социализм в отличие от капитализма создает возможности для того, чтобы не только предвидеть негативные тенденции, произрастающие из изменений в технологическом характере труда в ряде профессий, но и на основе совершенствования всей системы производственных и управленческих отношений, а также процессов воспитания активно противодействовать их возникновению. В условиях социализма компьютеризация общественной жизни должна быть использована лишь во имя высоко нравственной, всесторонне развитой личности.

Многие буржуазные идеологи, политические деятели пытаются часто преподнести научно-техническую революцию как панацею от всех социальных бед, полагая, что с ее помощью можно решить все социально-экономические противоречия. Между тем научно-техническая революция затрагивает лишь одну сторону капиталистического способа производства — производительные силы — и не в состоянии заменить капиталистические производственные отношения. Оказывая определенное воздействие на рост числа занятых в сфере обслуживания, в науке и т. д., она не затрагивает отношений собственности на средства производства, капиталистической системы эксплуатации.

Апеллируя к идеям "технологического детерминизма", буржуазные социологи игнорируют диалектику производительных сил и производственных отношений. Ограничив рассмотрение производственно-экономических отношений абстрактными рассуждениями о распределении национального продукта и сведением общественных отношений к производственно-технологическим, буржуазные социологи оказались не в состоянии понять действительные социальные последствия НТР в обществе, основанном на частнособственнических отношениях.

В социалистическом обществе возможности для разрешения противоречий в способе производства материальных благ гораздо шире, чем при капитализме. Социалистическое общество в процессе совершенствования имеет возможность планомерно развивать производительные силы и производственные

¹⁴ Горбачев М. С. Коренной вопрос экономической политики партии. Доклад на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса, 11 июня 1985 года. М., 1985, с. 3 — 4.

¹⁵ См.: Смолян Г. Л. Социально-философские проблемы развития электронной вычислительной техники. — Вопросы философии, 1984, № 11, с. 75.

отношения, добиваться наиболее полного соответствия между ними. На XXVI съезде партии и последующих Пленумах ЦК КПСС серьезное внимание было уделено задаче соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма. Социалистическое общество в состоянии предвидеть тенденции развития научно-технической революции, определить ее направления, а также темпы научно-технического прогресса.

Органическое соединение достижений научно-технической революции с преимуществами социализма обеспечивается взаимодействием экономических законов социализма, объективным характером самого механизма этого взаимодействия, а также возможностью реализации экономической стратегии и социальной политики Коммунистической партии и социалистического государства на основе этих законов.

Итак, обратившись к парадигме "технологического детерминизма", буржуазные социологи оказались на позициях социальной метафизики — весьма ограниченной методологии познания социальных явлений. Абсолютизируя и догматизируя технологическо-производственные отношения, технологический способ производства, "технологические детерминисты" подменяют ими социально-экономические явления, действительное изучение объективной реальности. Такая позиция приводит их к конструированию абстрактных социальных систем, ненаучных выводов.

Антимарксистская направленность и практическая несостоятельность парадигмы "технологического детерминизма"

Парадигма "технологического детерминизма" обусловила всю антимарксистскую направленность социологии "технологического детерминизма". Буржуазные идеологи используют ее не только с точки зрения "познания", уяснения новейших процессов и явлений, но прежде всего в классовых, идеологических целях.

Парадигме "технологического детерминизма" свойственна многоаспектность. Особенно наглядно она проявляется в ее идеологических функциях. Многие из них присущи буржуазной идеологии в целом — и это прежде всего апологетика капитализма¹. Вместе с тем социология "технологического детерминизма" имеет свои собственные функции: утопическую, социально-интегративную, глобально-интегративную, компенсаторскую.

В последние годы многие из этих функций претерпевают существенные изменения. Об этом пишут авторы "технологиче-

¹ См. об этом: *Титаренко Л. Г.* "Технологический детерминизм": концепции, идеологические функции. Минск, 1981, с. 9 — 18.

ских” концепций. Так, утопическая функция то усиливается, то ослабляется. Эти изменения отражают экономическую ситуацию капиталистической действительности, особенности развития НТР. Сами буржуазные идеологи отмечают, что надежда на благополучие в связи с развитием техники (конец 60-х — начало 70-х годов) сменилась пессимизмом. Например, американский социолог Ч. Херн пишет о том, что ”новая” волна пессимизма 70-х годов означает нечто большее, чем переоценку нереалистических ожиданий 60-х годов. ”Она, — подчеркивает он, — может привести к отчаянию, к уходу в личную сферу, в пессимизм. Она может способствовать тому, что предсказания гибели цивилизации осуществляются своими собственными усилиями”².

Технологическое обновление капитала в начале 80-х годов способствовало появлению ”новой” оптимистической волны ”технологического детерминизма”, дальнейшему развитию его утопической функции.

Стремясь ”выправить” утопическую направленность своих концепций, ”технологические детерминисты” пытаются придать им ”объективный” характер, показать, что прогресс противоречив, но в конце концов человечество войдет в ”новое” общество.

Так, американский экономист и социолог П. Дракер заявляет: ”Мы начинаем сознавать, что большинство вопросов, относящихся к технологии, не технические, а человеческие вопросы, и приходим к пониманию, что знание истории и эволюции технологии существенно для понимания человеческой истории”³. Дракер далек от действительно научного понимания развития человечества, но его волнуют экологические проблемы. Именно в этом плане он ведет речь о ”человеческих вопросах”, подновляя тем самым утопическую функцию ”технологических” концепций.

В начале 70-х годов, когда разразился экономический и идейно-политический кризис в капиталистических странах, О. Тоффлер, например, писал: ”Мы живем во времена общего кризиса индустриализма. Одним словом, мы находимся на пороге сверхиндустриальной революции”⁴. Такого рода рассуждения о кризисе, о необходимости учитывать ”человеческий вопрос”, о нравственных, религиозных и других ценностях нужны буржуазным теоретикам для осуществления рафинированной апологетики и обоснования реальности иллюзий капиталистического общества.

В наши дни преобладает утопизм абстрактного характера. Пример абстрактного утопизма дает французский социолог А. Турен в работе ”Постсоциализм”. Выступая в философско-

² Hurn Ch. The New Pessimism. — Dialogue, 1978, vol. 11, N 2, p. 27 — 33.

³ Drucker P. Toward the Next Economics. — The Public Interest, 1980, Special issue, p. 6.

⁴ Toffler A. Future Shock. New York, 1971, p. 402.

публицистической манере, он излагает здесь свой утопический идеал — "программированное общество"⁵.

Будущее общество в изложении "технологических детерминистов" ничего не имеет общего с социализмом и коммунизмом. Более того, под маской беспристрастного, объективного анализа они выступают против реального социализма, пытаясь доказать, будто он всего лишь вариант, форма, способ существования "индустриального общества"⁶.

Некоторые авторы, такие как Р. Арон, Дж. К. Гэлбрейт, все-таки усматривают демаркационную линию между социализмом и капитализмом в приверженности общества к коллективной или частной собственности, к рыночной или плановой экономике. Но в то же время Арон, например, в книге "В защиту нисходящей Европы" в главе "Не обнаруженный социализм" утверждал, что "коллективная собственность и планирование несовместимы с правами индивида, поэтому советская модель социализма не содержит ни грана социализма"⁷. Арон, с одной стороны, признает существование социализма, а с другой стороны, отказывает ему в реальности. Он не может не считаться с широчайшей популярностью марксизма и реального социализма. И ничего другого ему не остается, как попытаться обвинить марксизм в утопизме.

"Технологические детерминисты" исходят из заведомо ложной идеи о том, что социализм не детерминирован самим ходом исторического развития. Как реальность он представляет будто бы некую аномалию или вынужденную для некоторых отсталых народов форму индустриализации. По их мнению, лишь индустриально развитые капиталистические страны Запада и Япония показывают человечеству путь в будущее. И даже "добросовестные" критики капитализма — буржуазные реформисты и левые радикалы — лелеют иллюзорные надежды на способность капитализма к самооздоровлению. Нередко эта критика ведется в завуалированной форме: критикуется капитализм, социальные пороки которого приписываются социализму. Так, профессор Р. Синаи в статье "Что нас тревожит и почему. Корни бедствий и упадка", резко критикуя бессилие и упадок, потребительство и аморализм капиталистического общества, не понимает, однако, истинных причин этих явлений. Для него техника и наука выступают как силы демонические, ведущие к нарушению общественной системы в целом. И с такой же демонической силой, с такими же негативными последствиями техника и наука действуют, по его мнению, в странах не только капиталистических, но и социалистических⁸.

⁵ *Touraine A. L'après Socialisme. Paris, 1980, p. 36.*

⁶ См. там же.

⁷ *Aron R. Playder L'Europe decadente. Paris, 1977, p. 201.*

⁸ *Sinai R. What Ails Us and Why. On Roots of Disaster and Decay. Encounter, 1979, vol. 4, April, p. 8 - 14.*

Критика реального социализма далеко неоднозначна, диапазон ее широк — от реакционно-апологетических до буржуазно-реформистских и леворадикальных идейно-политических ориентаций.

Само решение с позиций "технологического детерминизма" любых общественных проблем отражает идеологическую, антимарксистскую направленность, явную или скрытую под маской объективизма и "чистого" социологизирования. Как правило, эти интерпретации явлений общественного развития направлены против важнейших положений исторического материализма: против закона об определяющей роли способа производства в жизни и развитии человеческого общества, против определяющей роли экономического базиса по отношению к политической и идеологической надстройке, против теории классов и классовой борьбы, против социалистической революции.

Антисоциалистическая и антимарксистская сущность парадигмы "технологического детерминизма" сразу же обнаруживается при решении практических задач. Классики марксизма-ленинизма никогда не противопоставляли теорию практике, а всегда рассматривали их в неразрывном творческом единстве, подчеркивали необходимость конкретно-исторического подхода. Как правило, многие современные буржуазные социологические теории связаны с практикой монополистического капитала и обслуживают ее. Но они ничего не имеют общего с общественно-историческим прогрессом.

С помощью парадигмы "технологического детерминизма" обосновывается практика борьбы буржуазной идеологии против социализма, необходимость "социальной инженерии", "интеллектуальной технологии", "социальной технологии", проекты решения глобальных экологических и демографических проблем и т. п. На основе этой парадигмы даются рекомендации для организации деятельности буквально во всех сферах человеческой жизни: экономической, социальной, политической, идеологической, а также в области решения глобальных проблем современности. Кроме того, парадигма "технологического детерминизма" используется в инициативах по части выдвижения и пропаганды средств "обновления" капитализма. Одним из них является, например, разработанная Дж. К. Гэлбрейтом мотивационная система развития нового "индустриального общества", в котором он рекомендует рационально сочетать интересы "государства — капиталистической корпорации — работника"⁹.

После выхода в свет книги "Новое индустриальное общество" Гэлбрейт, по мнению многих буржуазных идеологов, принял эстафету Д. М. Кейнса в разработке проблемы регулирования экономики буржуазным государством. Именно в разви-

⁹ См.: Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969, с. 100–141.

тии современной техники Гэлбрейт усматривает причину усиления социально-регулятивной функции буржуазного государства. Сложная техника, рассуждает он, требует значительных капиталовложений. Это дело весьма рискованное. Поэтому гарантировать ее развитие может лишь государство, взяв на себя все расходы и хлопоты по обеспечению рынка для продукции, полученной в результате применения новой техники¹⁰. Техника, по мнению и рекомендации Гэлбрейта, предопределяя и усиливая социально-экономическую роль государства, обеспечит с помощью этого же государства простор для своего развития.

Эволюционируя от буржуазного либерализма к буржуазному реформизму, Гэлбрейт предлагает в рамках существующего капитализма ввести контроль над заработной платой и ценами со стороны государства. Он считает возможным и настоятельно рекомендует "выравнять" доходы в рамках частной собственности на средства производства. Для него более приемлемым является "социализм" демократической партии США, интересы которой он защищает, нежели господство инфляции, безработицы¹¹.

Известны также возможные проекты правительственных мер, направленные на обеспечение минимума жизненных условий каждому гражданину общества, разработанные в разное время буржуазно-реформистскими теоретиками на основе парадигмы "технологического детерминизма". На ее основе строятся многие буржуазные программы "борьбы с бедностью", "планы помощи семьям". С ее позиций обосновываются надежды на то, что НТР создаст изобилие благ, а буржуазное государство их справедливо перераспределит. Подобные реформистские идеи несут опаснейшую социальную нагрузку. Проповедуя плоский эволюционизм, они тормозят развитие классового самосознания пролетариата и его союзников, ведут к расколу в коммунистическом и рабочем движении. Без революционного переустройства общества, без активной деятельности масс, без уничтожения капитализма никакие реформы не разрешат его коренных противоречий.

Парадигма "технологического детерминизма" нашла свое отражение и в целом ряде политических рекомендаций. Так, З. Бжезинский, опираясь на "постиндустриалистское" видение будущего, внушает читателю, что США именно та страна, где осуществляются демократические права и свободы граждан, где международные отношения строятся на основе "общих для постиндустриальных обществ проблем". Обращаясь к странам Западной Европы и Японии, поддерживающим "постиндустриальные перспективы", Бжезинский заявляет: "Мы не просто временные союзники, мы — постоянные друзья. Мы намерены

¹⁰ Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества, с. 162—170.

¹¹ См. там же, с. 378—394.

вновь утвердить ведущую роль Америки в мировых делах: мы понимаем ее как совместное с другими лидерство..."¹²

В данном случае буржуазный социолог старается подвести теоретическую "технологическо-детерминистскую" платформу под политическую практику развитых капиталистических стран, и прежде всего США. В решении международных вопросов для него вполне достаточно показать "общие для постиндустриального общества проблемы". К ним он относит "приверженность демократическим правам, рыночной системе, открытым обществам"¹³. Именно таким приемом Бжезинский пытается затушевать истинное, милитаристское лицо американского империализма, оправдать его международную экспансию.

Практическую направленность несет в себе и концепция "деидеологизации", в которой "доказывается" необходимость замены идеологии в условиях НТР социальным знанием, "интеллектуальной технологией" и т. п., чтобы на этой основе осуществить идеологическое разоружение рабочего класса и его революционной партии.

Характеризуя концепции "деидеологизации", ученые-марксисты считают, что это не только извращенное отображение социальной действительности, но и попытка программирования политической деятельности господствующего класса в интересах самосохранения и еще большего подчинения деятельности широких трудящихся масс монополистической "властвующей элите"¹⁴.

Ныне, как никогда, многие теоретические вопросы идеологии стали неотделимы от политической и идеологической практики монополистического капитала, его сложной машины государственного манипулирования сознанием масс. И в этом отношении парадигме "технологического детерминизма" принадлежит одно из ведущих мест.

Использование парадигмы "технологического детерминизма" в решении буржуазными идеологами и политиками актуальных задач показывает ее теоретическую и практическую несостоятельность.

К. Маркс придавал важное значение практической направленности философии, связывал ее с актуальными проблемами общественного развития. Вопрос заключается не в том, следует ли вообще философствовать о насущных проблемах, а в том, с каких позиций подходить к этому.

В. И. Ленин критиковал разного рода демагогические выступления против "утилитаризации" марксистской философии, осу-

¹² Brzezinski Z. The Priorities of U. S. Foreign Policy.— Dialogue. 1978, vol. 11, N 2, p. 54.

¹³ Там же, с. 54.

¹⁴ См., например: Москвичев Л. Н. Теория "деидеологизации": иллюзии и действительность (Критические очерки об одной модной буржуазной концепции). М., 1971, с. 7–8.

шествляемой якобы в ущерб "коренным целям". "...Выходит,— писал В. И. Ленин,— что эти коренные цели — что-то вроде "ангельского идеала", не связанного с "грешной" борьбой за дело дня, за злобу данной минуты. Смотреть так значит превращать социализм в сладенькую фразу, в сахарное миндальничанье. В каждую борьбу за каждую злобу дня надо вкладывать *неразрывную* связь с коренными целями"¹⁵.

Практическая направленность парадигмы "технологического детерминизма" проявляется при решении на ее основе глобальных проблем современности, в частности в концепциях, разрабатываемых буржуазными идеологами в рамках Римского клуба. Однако их критика негативных тенденций капитализма (поиск путей гуманизации мира и человека, осуждение гонки вооружений, призыв к мировой общественности соединить усилия в борьбе за мир, сохранность окружающей среды и др.) не несет должной социально-экономической оценки. Как правило, основанные на данной парадигме понятия о свойственных капиталистическому обществу кризисах, необоснованно приписываемых всему человечеству, а также рекомендации по технологическому управлению глобальными процессами не предусматривают коренного преобразования капиталистического общества и ведут к несостоятельным оценкам и бесперспективным решениям¹⁶.

Налицо разрыв между значением и масштабами поднимаемых проблем и теоретической обработкой их авторами из Римского клуба. Безусловно, что основной теоретико-методологический порок ряда докладов связан именно с использованием парадигмы "технологического детерминизма" при интерпретации, а затем и выработке программ по решению глобальных проблем.

Вышесказанное отнюдь не отрицает того положительного значения, которое имеют глобальные проблемы в плане привлечения внимания широкого общественного движения к таким проблемам современности, как разоружение, борьба за мир, сохранение природной среды, ликвидация голода и т. д.

Практическое назначение парадигмы "технологического детерминизма" наиболее ярко обнаруживает себя в буржуазных концепциях социальной технологии. Еще У. Огбёрн говорил о том, что "технология объемлет по сути всю практическую организацию производственного процесса"¹⁷. Ему вторит Дж. Гэл-

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 53.

¹⁶ См. об этом подробнее: *Араб Оглы Э. А.* Демографические и экологические прогнозы. Критика современных буржуазных концепций. М., 1978; *Загладин В. В., Фролов И. Т.* Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М., 1981; *Лейбин В. М.* "Модели мира" и образ человека. Критический анализ идей Римского клуба. М., 1982; *Моисеев Н. Н., Фролов И. Т.* Высокое соприкосновение. Общество, человек и природа в век микроэлектроники, информатики и биотехнологии. — Вопросы философии, 1984, № 9, с. 24 — 41, и др.

¹⁷ *Ogborn W. F.* On Culture and Social Change. — Technology as Environment. Chicago — London, 1964, p. 79.

брейт, по мнению которого технология означает систематизированное применение научного или иначе организованного знания для решения практических задач¹⁸. Д. Белл останавливает свой выбор на понятии "технология", данном Х. Бруксом, специалистом в области прогнозирования. "Технология, — считает Белл, — есть использование научного знания для определения путей выполнения дел способом репродуцирования"¹⁹.

Можно было бы привести еще немало аналогичных определений, содержащихся в работах "технологических детерминистов"²⁰, но рассмотрение определений самих по себе еще не раскрывает сущность концепций социальной технологии. Важнейшим в понимании сущности буржуазных "социально-технологических" концепций остается гиперболизация роли "социальной технологии" в решении всех коренных проблем общественного развития.

Буржуазная концепция "социальной технологии" сводится к мысли о том, что именно накопление и применение научных знаний, логико-математических, кибернетических и других приемов, новейших технических средств ведут к решению всех социально-экономических и идейно-политических задач, более того, способствуют преобразованию общества независимо от его типа.

Конкретизируя современный уровень развития социальной технологии, Д. Белл разработал специальное понятие "интеллектуальная технология". По его мнению, "интеллектуальная технология" — это совокупность новейших достижений математики, кибернетики, математической логики, лингвистики. Назначение этой "технологии" — использование в социальной практике²¹.

Логическая схематизация и формализация не отвечают, однако, на вопрос об их роли не только в социальных явлениях, но даже и в системе научного познания. Историческая практика неоднократно подтверждала вывод марксизма о том, что нельзя науку, взятую как таковую, изолированно от социальной системы, считать способной дать универсальное автоматически действующее средство для решения всех социальных проблем.

Идея создания "логики открытия" на основе способностей разума не нова: она использована еще рационализмом (Р. Декарт, Г. В. Лейбниц) и эмпиризмом (Ф. Бэкон). Логику генезиса знания разрабатывал И. Кант. Гегель попытался представить развитие категориального строя науки как процесс самодвижения понятий, совершающийся по своим законам.

¹⁸ См.: *Гэлбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество, с. 47; его же. *Экономические теории и цели общества*, с. 67.

¹⁹ *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society, p. 29.

²⁰ *Onuf N. G.* Prometheus Prostrate. — *Futures*, 1984, vol. 16, N 1, February, p. 47–52.

²¹ *Bell D.* The Measurement of Knowledge and Technology Indicators of Social Change. New York, 1968, p. 156.

Диалектический материализм не снимает проблемы существования объективной логики развития научного знания, имманентных законов развития науки. Постоянно растущие требования, предъявляемые к точности и строгости научных теорий, повышение эффективности систем и методов технического и социального управления, несомненно, будут способствовать еще более интенсивному развитию кибернетики и вычислительной техники, расширению возможностей математической логики.

Вместе с тем наука — не изолированное явление, развивающееся только на основе собственных внутренних закономерностей и оказывающее свое воздействие на решение всех проблем. В конечном счете наука, ее состояние, определяется материально-экономическими условиями и потребностями общества, уровнем развития социальной практики. Марксистский социальный детерминизм предполагает понимание науки как такого общественного явления, которое немыслимо вне материально-общественной деятельности, выступающей важнейшей детерминантой ее развития.

В ходе анализа различных аспектов парадигмы "технологического детерминизма" обнаруживается, что парадигма и построенные на ее основе теории абсолютизируют факты науки и технологии. Такое положение обуславливает идеализм, принявший форму фетишизации знаний и технологии. С этих позиций, метафизических по своему характеру, невозможна научная интерпретация общественных явлений и исторического процесса в целом.

Марксистский критический анализ парадигмы "технологического детерминизма" свидетельствует, что на ее основе все проблемы и факты рассматриваются тенденциозно, в конечном счете с позиций интересов монополистического капитала.

Парадигма "технологического детерминизма" широко используется современной буржуазной социологией и политологией, через которые она активно воздействует на общественную жизнь. Воздействие это не ограничивается только концептуальной сферой, практически оно связано с механизмом государственного регулирования социально-экономической деятельности и идеологической практики монополистического капитала.

Плюрализм и интеграционные процессы "технологического детерминизма"

"Технологические" фальсификации общественного процесса, характерные для современной буржуазной социологии, роднит общность попыток решения социальных проблем с позиций парадигмы "технологического детерминизма". Это обуславливает специфику плюрализма социологических концепций, разнообразие путей объяснения рассматриваемых вопросов.

В марксистской литературе предпринят критический анализ

плюрализма буржуазной философии, его сущности и истоков¹. Плюрализм "технологического детерминизма" как теоретическая проблема не исследовался. Вместе с тем без такого анализа трудно понять технократические тенденции буржуазной идеологии².

Плюрализм этого направления обусловлен прежде всего идейно-политической позицией буржуазных социологов. Одна и та же теория разрабатывается в нескольких идейно-политических ориентациях: реакционно-апологетической, буржуазно-либеральной, буржуазно-реформистской и леворадикальной. Так, теория "постиндустриального общества" с самого начала была представлена четырьмя основными концепциями, в которых теоретические проблемы решались в зависимости от идейно-политической позиции ее авторов.

Буржуазные либералы рассматривали "постиндустриальное общество" через призму интересов научных работников университетов, а также исследовательских комплексов, связанных с капиталистическими корпорациями и монополистическим государством. Буржуазные реформисты, критикуя капитализм, предлагают выход из обнаруженных ими противоречий на путях создания "постиндустриального общества" в рамках буржуазного государства. Для представителей реакционно-апологетической ориентации "постиндустриальное общество"— это США и Япония, по пути которых должны-де пойти со временем все страны, в том числе и СССР. Левые радикалы полагают, что "постиндустриальное общество" есть результат революционных преобразований. Однако, как показывает анализ их концепций, движущие силы этих преобразований таковы, что коренных изменений, связанных с частной собственностью на средства производства и капиталистическими производственными отношениями, они совершить не могут.

Идейно-политический плюрализм "технологического детерминизма" характерен также и для концепций, разрабатываемых одним и тем же автором. Дело в том, что в силу прежде всего социально-экономических и политических причин тот или иной социолог пересматривает свои идейно-политические позиции. Это сразу же сказывается на его взглядах, выводах и концепции в целом. Так, представители буржуазно-либеральной ориентации "технологического детерминизма", сделавшие в 60-е годы ставку на буржуазное государство в решении всех социальных задач в условиях НТР, к середине 70-х годов стали переходить на позиции неоконсерватизма. В условиях обострения общего кризиса

¹ См., например: *Ильин В. И.* Буржуазный плюрализм: истоки и классовый смысл. М., 1983; *Момджян А. В.* Плюрализм: истоки и сущность. Критический анализ философских основ. М., 1983.

² См.: *Деменчонок Э. В.* Современная технократическая идеология в США. М., 1984.

капитализма они разочаровались в возможностях государственного регулирования, "гармоничного сочетания" интересов труда и капитала.

"Разочарование" толкнуло многих буржуазных социологов на путь откровенной апологии частной собственности на средства производства и частного предпринимательства. Социологическая интерпретация этого идейно-политического процесса хорошо просматривается в книге Д. Белла "Противоречия культуры капитализма" (1976 г.). Он задается вопросом: "Какие же ценности могут содействовать восстановлению экономического порядка, выходу их из кризиса?" Поиски ответа на поставленный вопрос и заставляют его и других неоконсерваторов признать необходимость привести в соответствие с требованиями НТР традиции капиталистического общества. Речь у него идет о необходимости укрепления религии, старой патриархальной семьи, традиционной буржуазной культуры, развития инициативы капиталистических корпораций, усиления могущества США и их мирового влияния и т. д.³

С углублением общего кризиса капитализма наблюдается переход ряда буржуазно-либеральных социологов на позиции буржуазного реформизма. К примеру, Гэлбрейт предлагает ввести контроль над заработной платой и ценами со стороны буржуазного государства. Он полагает, что таким образом возможно выравнять доходы в условиях частной собственности на средства производства⁴.

Более того, Гэлбрейт предлагает программу конкретных мер, при выполнении которой "сила рынка будет заменена деятельностью корпораций, профсоюзов и фермерских организаций". Гармоничное развитие США, по его мнению, состоит в увеличении доходов бедной части населения за счет перераспределения национального продукта с помощью государственного регулирования на основе ряда реформ. Среди мер, которые должно осуществить буржуазное государство, важное место, по Гэлбрейту, принадлежит национализации военных фирм на основе выкупа их фондов собственниками по рыночным ценам. Он ратует за так называемый "новый социализм" как за систему реформированного капитализма⁵.

Проекты Гэлбрейта и подобные им иллюзорны. Буржуазное государство не в состоянии справиться со всерастущей безработицей и нищетой. А тот факт, что современная массовая безработица в капиталистических странах не преходящее, а долговре-

³ Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. New York, 1978, p. 14 15, 47, 84, 100.

⁴ См.: Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества, с. 331–342.

⁵ См. об этом подробнее: Иноземцев Н., Милейковский А. Предисловие.— Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества, с. 5–24.

менное явление, заставляет буржуазных идеологов постоянно пересматривать свои проекты. Складывающиеся таким образом условия и определяют плюрализм социологических концепций, в том числе "технологическо-детерминистского" толка.

В "технологическом детерминизме" диапазон реформистских концепций достаточно разнообразен: от радикального (правого и левого толка) до реакционно-апологетического. Реформизм, с позиций которого выступает Гэлбрейт, включает известные уступки справедливым требованиям трудящихся. Реформы, предлагаемые американским социологом, основаны на методах буржуазного социального маневрирования, опирающихся на призыв обратиться к "здоровому смыслу", с тем чтобы исключить возможность классовой борьбы и социальной революции. Реформизм же реакционно-апологетического толка (Г. Кан, например) выдвигается в качестве так называемого щита от социально-экономических противоречий и выступлений против монополий и военно-промышленного комплекса. По сути это своеобразная реакция на успехи и достижения реального социализма.

Отсутствие безработицы, бесплатное образование и медицинское обслуживание, развитая система социального обеспечения и страхования и многие другие завоевания Великой Октябрьской социалистической революции стали наглядным примером для трудящихся капиталистических и слаборазвитых стран, стимулом для их борьбы против монополистического капитализма.

Анализ буржуазно-реформистских концепций в социологии "технологического детерминизма" свидетельствует о том, что социальное маневрирование буржуазии, хотя и отражает процессы приспособления правящего класса к современным внутренним и международным условиям, все же оказывается ограниченным как по своим возможностям, так и по конечным итогам. Так, большая часть средств, идущих на выплату пособий по безработице и на социальное обеспечение в капиталистических странах, создается за счет налогов, взятых с трудящихся. В нынешних условиях затяжного кризиса капитализма армия безработных значительно выросла, поэтому система социального обеспечения также оказалась в кризисном состоянии: взносы самих трудящихся в социальные фонды сокращаются. Что касается предпринимателей, то они не желают увеличивать свой вклад в социальные фонды. "Более того, во всех странах капиталистического Запада крупный капитал усилил нажим на правительства с целью добиться налоговых льгот, мотивируя это тем, что в условиях кризиса снижение прибылей лишает частный бизнес стимула к новым капиталовложениям⁶.

В результате все меры, так называемые планы спасения, предлагаемые социологами, стоящими на позициях буржуазного

⁶ См.: Шишков Ю. Общество массовой безработицы: масштабы, причины, последствия.— Коммунист, 1983, № 17, с. 92,

реформизма, в конечном счете направлены на укрепление позиций монополистического капитала. Гэлбрейт, например, не хочет видеть, что именно капиталистическая собственность та основа, на которой процветают все социальные антагонизмы, и только коренная ломка буржуазных производственных отношений приведет к действительному общественному прогрессу. Призыв Гэлбрейта действовать в направлении улучшения, совершенствования производственно-технологических отношений в целях трансформации капиталистического общества в некое "новое индустриальное" общество путем использования достижений НТР, изменения порядка распределения общественного продукта с помощью буржуазного государства не содержит в себе ничего нового. Подобные идеи характерны для буржуазного реформизма в целом. У Гэлбрейта они лишь получили социологическое оформление на основе использования парадигмы "технологического детерминизма".

Идейно-политический плюрализм "технологического детерминизма" проявляется и в концепциях представителей левого радикализма (Д. Макдермот, Н. Бирнбаум и др.), взявших на себя труд критического разбора основных идей социологов реакционно-апологетической и буржуазно-либеральной ориентации. Сторонников откровенной апологетики военно-промышленного комплекса и крупных капиталистических корпораций они критикуют за теоретическое обоснование реакционных политических курсов правящих кругов развитых капиталистических стран, за оправдание их военных авантур, огромных затрат на гонку вооружений, которые тяжелым бременем ложатся на трудящиеся массы. Левым радикалам претит технократизм, заигрывание буржуазных либералов с корпоративным капиталом, правительственной администрацией. Выступая против так называемой технократической элиты, авторы леворадикальных концепций "технологического детерминизма" одновременно выражают свое недоверие лидерам правящих партий. Не рабочий класс, а интеллигенция, студенчество, молодежь — вот те реальные силы, которые, по мнению леворадикальных идеологов, способны осуществить революционные преобразования общества.

Кризису современного капиталистического общества левый радикализм, также не затрагивающий капиталистической собственности на средства производства, фактически ничего реального не противопоставляет. Для него будущее выглядит весьма абстрактно, критика капитализма связана не с положительным решением его антагонистических противоречий, а лишь с "технологическим" видением проблем, что только вводит в заблуждение массы. Говоря словами В. И. Ленина, такие рассуждения "есть пустышка, голый выкрик, бессодержательная декламация"⁷,

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 125.

не более того. По сути философия и социология левого радикализма есть не что иное, как тенденциозная попытка теоретически обосновать надежды отчаявшегося мелкого буржуа.

Итак, рассмотрен идейно-политический плюрализм социологии "технологического детерминизма". Однако этой разновидностью плюрализма весь плюрализм "технологического детерминизма" не исчерпывается. Существенное место в нем занимает плюрализм теорий и концепций, обусловленный проблематикой (историко-философской, социально-философской), выдвигаемой самим развитием социальной реальности, современной эпохой.

В этом отношении показателен плюрализм "технологических" теорий. Например, теория "стадий экономического роста" была выдвинута американским социологом У. Ростоу как философско-историческое исследование.

Теория "индустриального общества" содержит проблемы развития индустриальных, технологическо-организационных основ современных обществ. Французский социолог Р. Арон конкретизирует, например, понятие "индустриальное общество" следующим образом: предприятие полностью отделено от семьи; промышленное предприятие вводит технологическое разделение труда; всякое индустриальное общество предполагает строгий экономический расчет; во всяком индустриальном обществе, каков бы ни был его статус собственности на орудия производства, имеется концентрация рабочих⁸. Отличительные признаки отражают тщетные и нереальные в своей основе стремления буржуазного идеолога "сблизить" капитализм и социализм как имеющих якобы в своей основе "единую технологическую основу".

Теория "постиндустриального общества", опираясь на идеи теорий "стадий экономического роста" и "индустриального общества", предстала в футурологическом ракурсе. Теория "информационного общества" является своего рода вариантом теории "постиндустриального общества" и т. д. Псевдозадача теории "индустриального общества", исповедующая "сближение" капитализма и социализма, нашла концептуальное выражение в "теории конвергенции", ставшей впоследствии имманентной характеристикой многих "технологическо-детерминистских" концепций.

Плюрализм теорий "технологического детерминизма" обусловлен выдвижением системы основных идей, с помощью которой делается попытка дать целостное представление об исследуемом предмете. Другое дело, что буржуазные социологи не в состоянии разработать научную социологическую теорию, но они претендуют в своих социологических изысканиях на этот статус.

⁸ Aron R. Dix-huit lecons sur la societe industrielle. Paris. 1958, p. 98 - 100, 110.

Когда же та или иная теория пересматривается социальной практикой, самой жизнью, то буржуазные социологи начинают лихо радочно предлагать новые теории.

Наряду с идейно-политическим и концептуально-теоретическим плюрализмом в "технологическом детерминизме" содержится и методологический плюрализм. Обратившись к парадигме "технологического детерминизма" как своего рода модели решения теоретических и практических задач, буржуазные социологи возложили на нее определенные методологические надежды.

Г. Кан и А. Винер, ссылаясь на Р. Мертона, впервые разработавшего понятие парадигмы применительно к социологии, перечисляют следующие функции парадигмы: "возможность изображения явления условными знаками"; "установление центральных понятий", позволяющих исследовать проблему; "выведение одного понятия из другого", что способствует осуществлению как описания, так и объяснения явлений; "накопление теоретических обоснований" для углубленного анализа и т. д.⁹

Сами по себе эти функции парадигмы не вызывают каких-либо возражений. Но используемые буржуазными социологами при создании парадигмы "технологического детерминизма", исходящей из заведомо ложных посылок, в которых искажается сущность основных детерминант общественного развития, функции парадигмы, выдвинутые буржуазными социологами, не раскрывают путей получения объективного знания. Содержание понятий, положенных в основу парадигмы "технологического детерминизма", ориентация на техницистско-сциентистское знание, возникшее на уровне обывденного сознания, хотя и могут быть теоретически тщательно оформлены, тем не менее всегда остаются далекими от объективной истины.

Ограниченность парадигмы "технологического детерминизма" обнаруживается прежде всего в социальной практике. Это обстоятельство заставляет их искать дополнительные методологические средства для своих теоретических интерпретаций. А. Турен во всех своих работах старается, например, сочетать "технологический детерминизм" с "акционализмом", т. е. пытается рассмотреть социальную жизнь в ее динамике и субординационных связях. При этом он обращается к организационно-технологическим факторам человеческой деятельности, обосновывая "социальную динамику" причинами "технологического порядка": социальным администрированием, "программируемыми" органами управления и т. п.¹⁰

Другой буржуазный социолог, О. Тоффлер, в ходе разработки

⁹ Kahn H., Wiener A. J. The Year 2000. A Framework for Speculation on the Next Thirty-Three years. London, 1969, p. 403.

¹⁰ Touraine A. La Societe post-industrielle. Paris, 1969; Production de la Societe. Paris, 1973; Pour la Sociologie. Paris, 1974; L'apres-socialisme. Paris, 1980.

своей концепции, построенной на основе "технологического детерминизма", "обогащает" ее антропологизмом и волюнтаризмом. Однако, как и у Турена, эти методологические "добавления" отнюдь не становятся у Тоффлера последовательно методологическими принципами его социологической теории. Они необходимы ему при конструировании движения человечества от "доиндустриального общества" к "индустриальному", а затем к "постиндустриальному", или "программируемому", обществу в качестве "добавления" к парадигме "технологического детерминизма". Все дело в том, что она бессильна объяснить действительные причины общественного процесса, его подлинные движущие силы. Поэтому Тоффлер волюнтаристски объявляет "индустриальную ось" основным ориентиром, определяющим якобы направленность общественного прогресса¹¹.

Разумеется, развитие техники, производительных сил — бесспорный критерий общественного прогресса. Однако общественный прогресс не может быть сведен лишь к уровню развития производительных сил. Более того, рассмотрением развития только индустрии невозможно объяснить исторические типы общества, как это делает Тоффлер и другие "технологические детерминисты".

Анализируя плюрализм "технологического детерминизма", важно выявить диапазон эклектического соединения парадигмы "технологического детерминизма" с самыми различными методологическими принципами буржуазной социологии. Методологический плюрализм — это следствие теоретической и практической беспомощности парадигмы "технологического детерминизма" научно объяснить актуальные проблемы общественного развития, развитие человеческой истории в целом.

Различия в идейно-политической ориентации авторов "технологическо-детерминистских" концепций не устраняют в конечном счете их апологетической сущности. Все они сходятся в одном — защите (в той или иной форме) интересов монополистического капитала. Эта общность классовых интересов находит свое выражение и в общей теоретико-методологической основе интерпретации общественного процесса. Именно парадигма "технологического детерминизма" объединяет различные социологические идейно-политические концепции. Как теоретико-методологическая интеграционная основа она "обеспечивает" взаимосвязи и преемственность теорий, возможность их модернизации применительно к изменяющейся действительности.

Формирование "технологического детерминизма" как одного из направлений современной социологической мысли Запада показывает, что парадигма "технологического детерминизма" обусловила взаимосвязь и преемственность различных буржуазных теорий и концепций.

¹¹ *Toffler A. The Third Ware. New York, 1980, p. 11 - 17.*

Исследование плюрализма и интеграционных процессов социологии "технологического детерминизма" предполагает также исследование взаимосвязи реально протекающих процессов с определенными идеологическими и политическими общественными установками, ценностными нормами социального познания. Парадигма "технологического детерминизма" активно формирует интеграционные основы социологии "технологического детерминизма", выполняющие свои апологетические функции. Такого рода интеграционные процессы есть следствие пренебрежения объективными законами общественного развития, результат сугубо идеалистического понимания истории.

Именно поэтому буржуазные социологи не в состоянии понять природу общественных закономерностей, их объективный характер. В конечном счете они обращаются либо к творцам "интеллектуальной технологии"—научно-технической элите, либо наделяют технику и науку некоей сверхъестественной силой.

Идеалистическое понимание истории с необходимостью ведет к антимарксизму и антикоммунизму. Известно, что материалистическое понимание истории впервые было разработано К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые преодолели исторический идеализм, открыв объективные законы общественного развития. "Технологический детерминизм"—это своеобразная форма идеологической атаки буржуазии на марксистско-ленинскую науку, и прежде всего на исторический материализм. Поэтому какой бы идейно-политической ориентации ни придерживался представитель социологии "технологического детерминизма", он обязательно в той или иной форме (завуалированной или откровенной) выступает против марксистско-ленинской теории общественного развития.

Антимарксистская направленность, связанная с идеалистической интерпретацией социального процесса, ведет теории и концепции "технологического детерминизма" к антикоммунизму. Все исследования общественных явлений "технологическими детерминистами" сводятся к "доказательству" и "обоснованию" того, что социализм будто бы не детерминирован самим ходом исторического развития человечества и как реальность представляет якобы некую аномалию или исторически "вынужденную" для некоторых слаборазвитых в индустриальном отношении стран "форму индустриализации".

Все концепции социологии "технологического детерминизма" выражают стремление правящих кругов Запада любыми средствами "доказать" невозможность коммунизма как будущего человечества. Усиление в 80-х годах антикоммунистической направленности "технологического детерминизма" у буржуазных идеологов связано с необходимостью во чтобы то ни стало оправдать политический милитаристский, антидемократический

курс правительств США и других развитых капиталистических стран.

Попытки с позиций парадигмы "технологического детерминизма" объяснить общественное развитие и будущее человечества, науки и техники, человека и культуры, классовой борьбы и общественного прогресса осуществляются в рамках идеализма, антимарксизма и антикоммунизма. С обострением общего кризиса капитализма к середине 70-х годов и в наши дни происходит усиление антикоммунизма и антимарксизма в буржуазной идеологии. В этой связи актуализируются интегральные процессы в социологии "технологического детерминизма", отображающей изменения, происходящие в политике и идеологии империалистических государств.

Плюрализация и интеграция – вот две тенденции буржуазно социологии, в том числе "технологического детерминизма" являющиеся своего рода барометром сложных социально-экономических и идейно-политических процессов буржуазного общества.

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ "ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА" И ИХ НОВЕЙШИЕ МОДИФИКАЦИИ

В настоящей главе мы остановимся на наиболее влиятельных в капиталистических странах концепциях социологии "технологического детерминизма", и прежде всего на их новейших тенденциях и модификациях.

"Технологические" концепции общественного прогресса

В "технологическом детерминизме" концепции общественно-го прогресса занимают центральное место. Их условно можно разделить на оптимистические (сциентистско-технократические) и пессимистические (антисциентистско-технократические).

Сторонники оптимистических концепций исходят из отождествления научно-технической революции с революцией социальной, а научно-технический прогресс выдается ими за общественный прогресс. Отсюда якобы совершенно не нужны революционные социально-экономические и политические преобразования: все социальные и политические противоречия легко устранимы с помощью социальной технологии. На подобных позициях стоят последователи теорий "индустриального общества", "постиндустриального общества", "постсоциалистического общества", "третьей волны" и др.

Представители пессимистических концепций "технологического детерминизма", указывая на многие негативные последствия НТР в условиях капитализма, распространяют их без разбора на все (говоря их словами) "технические цивилизации" (т. е. не только на капиталистические, но и на социалистические страны).

И оптимистические, и пессимистические концепции общественного прогресса не исключают друг друга, а, наоборот, взаимно дополняют, извращая социальные последствия НТР, сущность исторического прогресса. Эти концепции существуют уже более четверти века, приспособившись к капиталистической действительности и особенностям развития НТР. Их живучесть заключа-

ется не столько в апологетике, сколько в сущности самого капитализма. Еще К. Маркс отмечал, что в капиталистическом производстве "продукт... господствует над производителем, предмет — над субъектом, осуществленный труд — над трудом осуществляющимся, и т. д."¹. Именно в природе капитализма кроется начало гносеологических корней концепций, фетишизирующих технику, технологию, знания².

В наши дни многие буржуазные социологи разрабатывают оптимистические концепции общественного прогресса. Наблюдается своеобразный бум оптимизма относительно перспектив развития общества. "Обосновывая" концепции прогресса, буржуазные социологи утверждают, будто прогресс техники — основа и конечная детерминанта всей социально-экономической жизни общества.

Американский журнал "Юнайтед стейтс ньюс энд уорлд рипорт" в 1984 г. поместил обзорную статью, в которой приводятся размышления буржуазных социологов о влиянии новейшей компьютерной техники на общественное развитие. Все они единодушны в том, что "новое" общество формируется под воздействием лишь "эпохальных открытий науки", новейшей технологии, "которые могут делать все". Они настроены оптимистично, с уверенностью утверждают, что "рабочие места в сфере высокой технологии будут увеличиваться быстрыми темпами и это устранит безработицу"³.

Научно-технический прогресс — важнейшая составная часть общественного прогресса, но общественный прогресс не сводится лишь к научно-техническому прогрессу. Буржуазные теоретики выступают с пересмотром марксистского понятия общественного прогресса. Так, Д. Белл выдвинул в работе "Приход постиндустриального общества" в противовес учению исторического материализма об общественно-экономической формации так называемый осевой принцип. Согласно Беллу, нет закономерной смены общественно-экономических формаций, нет прогресса как смены формаций, существуют лишь некие "системы отсчета", в которых регистрируется развитие общества. Прогресс же, по его мнению, характеризуется лишь развитием знаний и технологии⁴.

На проблеме социального прогресса останавливаются предста-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. III, с. 285.

² См. подробнее: Араб Оглы Э. А. Социологическая теория или социальный миф? (Злоключения концепции "постиндустриального общества"). — Мировая экономика и международные отношения, 1974, № 7, с. 119 — 134; его же. Идеологические спекуляции сознанием масс. — Коммунист, 1975, № 11, с. 104 — 114; его же. Футурология и утопия. — Общественные науки, 1979, № 1, с. 124 — 138.

³ Miracles, Menaces. — The 21-st Century as Futurists See it. — U. S. News and World Report, 1984, July 16, p. 103 — 105.

⁴ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. — Dialogue, 1978, vol. 11, N 2, p. 294.

вители консервативного направления Г. Кан и Б. Брюс-Бриггс. В их книге "Предвидимое будущее. Размышление о 70—80-х годах", в главе "Возникающее постиндустриальное общество—эволюционные и революционные перемены", говорится о том, что ныне "человечество переживает такой же важный переходный период, какой Европа пережила при переходе от феодального общества к буржуазному". Нынешний "переход" связан с тем, что сфера услуг занимает ведущее положение в общественной жизни, а в ней значительное место принадлежит всякого рода развлечениям, так как "появляется много свободного времени для досуга". Однако, по мнению самих же теоретиков, "свободное время скорее будет использоваться не для творчества или интеллектуальных занятий: у людей может усилиться религиозность в ходе поисков смысла жизни, протестантская этика, возможно, будет заменена философией неостоицизма (для менеджерских слоев) и неозпикурейства (для масс!)"⁵.

Г. Кан и Б. Брюс-Бриггс пытаются быть последовательными в своих оптимистических выводах относительно общественного прогресса. Их оптимизм, однако, обусловлен необходимостью апологии капиталистического общества с его частной собственностью на средства производства. Кан всегда считал дискуссию о прогрессе общества и его будущем очень важной. В своей последней книге "Приходящий бум" он продолжает разрабатывать проблему "постиндустриального" общества как альтернативу развитию коммунизма⁶. В интервью в мае 1983 г. (незадолго до смерти) Кан дал оптимистический прогноз развития США, ссылаясь на "множество оснований", среди которых называет "оптимальное использование оборудования и рабочей силы", "ограниченные вмешательства со стороны правительства в бизнес", развитие "информационной революции", прогресс в технологии компьютеров, в автоматизации, а также достижения в биотехнологии, разработке новых видов материалов и видов энергии. Кроме того, он подчеркивает бум космической технологии, медицины, служб здравоохранения. "Развитие общества идет от индустриального к постиндустриальному, которое наступит в 2200 году, если не произойдет ядерной войны или "антипродуктивного" его торможения"⁷.

Оптимистический вариант "технологическо-детерминистской" концепции общественного прогресса усматривает панацею от всех социальных бед и неизбежность общественного прогресса в неотвратимом, автоматическом развитии производства, техники, науки, абсолютизирует этот процесс.

У представителей пессимистических концепций техника

⁵ Kahn H., Bruce-Briggs B. Things to come. Thinking about the seventies and eighties. New York, 1972, p. 224, 231.

⁶ Kahn H. The Coming Boom. New York, 1982.

⁷ The 21-st Century: Squinting into the Crystal Ball.— U. S. News and World Report, 1983, May 9, p. A41—A42.

и наука выступают как некие демоны-разрушители, перед которыми человек бессилён. Такого рода концепции отражают стихийное развитие капиталистического производства и выражают неверие в возможность установления контроля со стороны общества над развитием техники, ее использованием во имя расцвета человеческой цивилизации. Обеспокоенные катастрофическими последствиями развития техники, они предлагают утопические решения капиталистических противоречий и глобальных проблем. Как и оптимистические, пессимистические концепции не улавливают коренных различий между капитализмом и социализмом, рассматривая их в качестве разнопорядковых "индустриальных систем". Более того, выполняя апологетическую функцию, эти концепции подменяют капиталистические противоречия технологическими. Вина за все беды, невзгоды, которые несет людям капитализм, перекладывается на технику, науку, ученых. В этом обвинении резко обозначено противоречие между научно-техническим прогрессом и социально-нравственным развитием буржуазного общества.

В работах американского социолога П. Дракера высказываются опасения по поводу того, что дальнейшее развитие техники несет опасность утраты контроля над хозяйственными, культурными и духовными процессами, над ходом внутренних и мировых событий. Эти же опасения беспокоят и Р. Арона: в книге "Разочарование в прогрессе" он пишет о том, что техника по мере ее развития все более становится враждебной человеку и человечеству.

У леворадикального направления "технологического детерминизма" в концепциях общественного прогресса устрашающая роль техники будущего ставится в зависимость и от самого субъекта. Так, в "Пяти лекциях" Г. Маркузе, например, отмечает, что люди "обладают возможностью превратить мир в ад и успешно идут к этой цели. Есть также возможность превратить его в противоположность ада"⁸. Отрицательные последствия, которые возникают в результате капиталистического использования НТР, нельзя распространять как тенденцию на развитие всей человеческой цивилизации. Нельзя отрицать того факта, что новые открытия и изобретения в условиях капитализма могут угрожать существованию человечества. Вопрос об угрозе делу мира, существованию человеческой цивилизации не должен ставиться абстрактно, вне конкретно-исторических условий.

В условиях социализма не только создаются оптимальные возможности развития научно-технической революции, но и ее развитие сознательно используется в интересах человечества. В настоящее время ведется разработка теоретических и методологических проблем, связанных с изучением механизма соединения НТР с преимуществами социализма. Использование такого

⁸ Marcuse H. Five Lectures. Boston, 1970, p. 62.

знания будет способствовать еще более ускоренному развитию общественного прогресса реального социалистического общества. "Развитие советского общества,— подчеркнул М. С. Горбачев,— в решающей мере будет определяться качественными сдвигами в экономике, переводом ее на рельсы интенсивного роста, всемерным повышением эффективности. Именно с этих позиций должны оцениваться положения в народном хозяйстве и определяться задачи на будущее"⁹.

В 70-х годах широкое распространение получили "технологические" концепции общественного прогресса пессимистического толка. И реально мыслящие буржуазные идеологи в этот период констатировали: "...доказывать, что технологическое изменение способно вызвать желательную форму общества,— значит отстаивать доведенный до крайности технологический детерминизм"¹⁰. Однако такого рода рассуждения выражали лишь несогласие с оптимистическими вариантами "технологического детерминизма". В итоге от пропаганды всесиятия техники они не могли избавиться, утверждая, будто технологические изменения с неотвратимостью ведут общество к трагическим последствиям, будто надеяться на возможность изменения общества под воздействием техники в желательном направлении— просто иллюзия.

Метафизический отрыв научно-технического прогресса от конкретно-исторических условий, в которых он осуществляется, приводит к мнимой альтернативе: либо прогресс научно-технический, либо прогресс нравственный, социальный, общественный. Говоря об оптимистических и пессимистических концепциях общественного прогресса, важно отметить, что первые общественный прогресс отождествляют с научно-техническим, фактически их не различают, а вторые— противопоставляют научно-технический прогресс общественному прогрессу, полагая, что они несовместимы.

До начала 70-х годов главные усилия ученых были направлены на форсирование роста производства за счет увеличения производительности машин и оборудования, совершенствования организации труда и управления. Разразившиеся экономический, энергетический, сырьевой кризисы изменили ситуацию. На первый план выдвинулись проблемы ресурсообеспечивающей техники и технологии, осуществление комплексной автоматизации производства, создание наукоемких отраслей производства. В этот период Япония, США, Западная Германия и другие развитые капиталистические страны в своей технологической политике следуют по двум стратегическим направлениям: во-первых,

⁹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 апреля 1985 года. М., 1985, с. 7.

¹⁰ *Dickson D. Alternative Technology and the Politics of Technical Change. Glasgow, 1974, p. 13.*

в направлении концентрации усилий на производстве изделий высокой технологической сложности, обеспечения быстрой амортизации и замены основного капитала, поддержания лидерства в избранных отраслях; во-вторых, в направлении снижения издержек производства в традиционных отраслях и резкого повышения конкурентоспособности своей продукции.

"Рациональность" экономики США, получившей свою реализацию в ее нынешнем консервативном варианте "рейганомики", ведет к дальнейшему углублению противоречий капиталистического общества.

Структурные сдвиги в производительных силах и капиталистических производственных отношениях в начале 80-х годов означают, что идут изменения в социальных составляющих общественного прогресса. Раскрываются его возможности на путях не только технологических, но прежде всего социально-экономических преобразований основы капиталистического общества. В целях выхода из затянувшегося социально-экономического кризиса частный капитал ориентируется на массовое техническое перевооружение, развитие микроэлектроники, новейших коммуникативных средств, биотехнологию, полную автоматизацию производственных и управленческих процессов. Однако в условиях частной собственности на средства производства применение роботов, компьютеров, новейших достижений электроники, микроэлектронной технологии и т.д. оборачивается бедственным положением для многих людей. Год от года растет в развитых капиталистических странах армия безработных¹¹. Социальные процессы, сопровождающие технологическую перестройку капиталистического производства, "технологические детерминисты" не считают опасными. Им кажется, что именно на путях этой перестройки можно решить острейшие социально-экономические проблемы капитализма.

Огромный поток буржуазной литературы оповещает об эре новой, "микроэлектронной революции", "информационного общества", "информационной революции", "программируемого общества" и т.п. Именно они выдаются в последние годы за новые пути и формы общественного прогресса, которые пропагандируются как альтернатива социалистической революции и коммунистической общественно-экономической формации.

В настоящее время в рамках "технологического детерминизма" появляются концепции общественного прогресса, имеющие откровенно антикоммунистическую направленность. Примером тому служит концепция "постсоциализма" А. Турена, разработанная им в книге "Постсоциализм".

В главе "Разложение социалистической модели" он выделяет

¹¹ См. подробнее: Трудовые ресурсы в странах капитала (1970–1980 гг.) – Мировая экономика и международные отношения, 1984, № 1, с. 152.

два параграфа: "Уход индустриального общества" и "Кризис прогресса". В них он заявляет, что "общество покидает индустриальную стадию и вместе с ней в прошлое уходит социализм"¹².

Этот вывод А. Турена строится на основе парадигмы "технологического детерминизма": будто социализм и капитализм — два способа индустриализации, причем капитализм вечен, он лишь проходит в своем развитии стадии зрелости. Согласно Турену, это "доиндустриальный, или торговый, капитализм"; "индустриальный, или промышленный, капитализм" (но на этой стадии для слаборазвитых стран возможна социалистическая форма индустриализации, во многом уступающая буржуазной); "постиндустриальный, или программируемый, капитализм"¹³. Для Турена важен вывод, который отражает сущность истинно буржуазной интерпретации общественного прогресса: "Можно выйти за пределы индустриального общества, не выходя за рамки капитализма"¹⁴.

"Постсоциализм" направлен против важнейших положений марксизма — об общественно-экономических формациях, общественном прогрессе и социалистической революции. Как и прочие "технологическо-детерминистские" концепции, эта выступает как концепция псевдопрогресса, ориентирующая рабочий класс, трудящихся капиталистических и развивающихся стран на политическую пассивность, отказ от борьбы за преобразование общества на социалистических и коммунистических началах.

История убедительно доказала правоту марксистско-ленинской теории о том, что переход от капитализма к социализму, к действительному прогрессивному развитию общества всегда связан с самоотверженной классовой борьбой пролетариата, широких масс трудящихся.

Футурологические концепции и проблемы глобалистики

Интерес к будущему общественному устройству остается в центре внимания "технологическо-детерминистских" изысканий. В условиях социально-экономического кризиса в развитых капиталистических странах он не теряет своей остроты, продолжают появляться все новые и новые футурологические концепции.

Вопросы дальнейшего развития производительных сил (связанные с кризисом 70-х годов), обострение конкуренции и межимпериалистических противоречий диктуют задачи в области

¹² *Touraine A. A'pres-socialisme. Paris, 1980, p. 36.*

¹³ См. там же.

¹⁴ Там же, с. 26.

социального планирования — дать теоретическое обоснование капиталистической социально-экономической "планификации", прогностические оценки перспектив развития производительных сил, а также производственных отношений между управляющими и рабочими.

В связи с тем что в марксистской литературе "технологическо-детерминистские" футурологические концепции довольно обстоятельно рассмотрены¹, есть смысл остановиться лишь на современных модификациях и новых концепциях.

Широкое распространение получают концепции "реиндустриализации" и "новых отношений в промышленности", которые ориентированы на будущее общественное развитие через "перестройку" существующих производственных отношений. В данном случае речь идет не просто об организации промышленного производства на капиталистическом предприятии, а о разработке своеобразной концепции социального идеала, новых бесконфликтных отношений на производстве и в обществе.

Многие американские социологи полагают, что такие производственные отношения в США уже формируются и будущее должно быть за ними. С установлением "новых производственных отношений", считают они, будет ликвидирована "враждебность между администрацией предприятий и рабочими". Новые отношения — это отношения некой "социальной кооперации" которая характеризуется "грандиозными изменениями в методах управления людьми", "осуществлением совместного управления делом"².

Безусловно, концепции "новых отношений в промышленности" и "реиндустриализации" модифицируют концепцию "нового индустриального общества" Дж. Гэлбрейта, а так называемая социальная кооперация, эта новая форма классового "единения", представляет своего рода вариант гэлбрейтовской "техноструктуры".

Гэлбрейт для обеспечения развития "техноструктуры" в "новое индустриальное общество" предлагает соединить новейшую технику с некоторыми организационными и экономическими стимулами. Концепции "новых отношений в промышленности" также развивают эти идеи и предлагают проекты использования новейшего оборудования в условиях перестройки производственной этики и управления непосредственно на данном предприятии, в фирме, отрасли и т. д. Различие несущественно — лишь

¹ См., например: *Араб-Оглы Э. А.* В лабиринте пророчеств. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М., 1973; *Косолапов В. В., Лисичкин В. А.* Критика буржуазных концепций будущего. М., 1978; *Шахназаров Г. Х.* Фиаско футурологии (Критический очерк немарксистских теорий общественного развития). М., 1979; *его же.* Грядущий миропорядок: О тенденциях и перспективах международных отношений. М., 1981; *Фролов И. Т.* Перспективы человека. Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. М., 1983.

² *Business week*, 1982, November 1.

в рассмотрении конкретных стимулов совершенствования капиталистического производства и управления.

В основу буржуазной концепции "новых отношений в промышленности" положены парадигма "технологического детерминизма" и принцип "психологического детерминизма". Речь идет о том, что самая новейшая техника без творческих усилий человека не дает нужного эффекта в деле повышения производительности труда, а поэтому необходимо деформирование "новых отношений в промышленности" на основе реконструкции старых отношений и введения психологических стимулов повышения социальной активности рабочих. Таким образом, надеются буржуазные идеологи, будет формироваться новое общество, основанное на отношениях соучастия и сотрудничества. Для достижения этого "социального идеала" и ликвидации противоречий "технологические детерминисты" предлагают не революционные преобразования, которые были бы направлены на изменение места рабочего класса в системе производственных отношений, а лишь некоторые реформы, связанные с "приближением" трудящихся к капиталистическому управлению.

Подобные концепции направлены на обеспечение системы гарантий бесперебойного функционирования производственного процесса, снятия в интересах монополистического капитала остроты проявления социальных антагонизмов, маскировки истинной природы промышленных корпораций и в конечном счете получения максимальных прибылей за счет расширения социального контроля за деятельностью буквально каждого человека. Кроме того, "социальная кооперация" понадобилась буржуазным идеологам для прикрытия истинной сущности "корпоративной власти".

Выдвигает свою модель будущего общественного развития и американский социолог П. Дракер. Ему принадлежит известная формула: "Цивилизация, несомненно, всегда образуется техникой". Пересматривая понятие производительности труда, под которой он понимает "знание, примененное к ресурсам посредством человеческого труда", он перечисляет несколько "моделей" будущей социально-экономической системы для развитых капиталистических и развивающихся стран. Он отмечает, что в основу этих систем положено взаимодействие "микрoэкономик" (т. е. отдельных предприятий) и "макрoэкономик" (под которой понимается, с одной стороны, национальная, а с другой — мировая экономика)³.

Для развивающихся стран в ближайшем будущем он предлагает совместить "три центра в одной экономической системе: микрoэкономикy индивидов и фирм, промежуточную экономи-

³ *Drucker P. Towards the Next Economics.— The Public Interest, 1980, Special Issue, p. 19.*

ку национального государства и макроэкономику мировой экономической системы... Это, — подчеркивает Дракер, — единственная модель, которая подходит развивающимся странам, особенно тем, которые осуществляют индустриализацию быстрыми темпами”⁴.

Крупнейшие же индустриальные страны втянуты в мировую экономику, ”модель” их развития должна учитывать это обстоятельство. Национальное государство в этих странах в обозримом будущем будет представлять лишь политический институт. Его положение может быть двоякого рода: либо оно превратится в один из механизмов в социально-экономической системе страны, либо сохранит свои экономические центральные функции.

Концепция ”реиндустриализации” и модели Дракера сдержанны в смысле картин будущего общества по сравнению с футурологическими концепциями Г. Кана, З. Бжезинского, О. Тоффлера, хотя и имеют с ними общую теоретическую и методологическую основу — парадигму ”технологического детерминизма”.

Американский социолог О. Тоффлер свой социальный прогноз связывает с оптимистическими технологическими перспективами развития общества. В книге ”Третья волна” он пропагандирует идею, будто новая технологическая революция коренным образом преобразует капиталистическое общество. Она, по его мнению, изменит классовое деление, политическую организацию, устранив противоречие между трудом и капиталом, заменив его конфликтом между сторонниками технологии ”третьей волны” и сторонниками технологии ”второй волны”⁵. Развитие новой техники, средств массовых коммуникаций приобретает у него самодовлеющий характер. Техника преобразует всю общественную жизнь, превращая людей в безвольные существа. Такая утопия развращает демократическое сознание масс. Как и у других ”технологических детерминистов”, его научно-технический прогноз отождествляется с социальным прогнозом.

Все еще широко распространена в капиталистических странах теория ”постиндустриального общества”. Она предложила в качестве социального идеала общество, в котором на первое место выдвигаются сфера услуг и наука, но остаются капиталистическая собственность и монополистические корпорации. В последние годы появились многочисленные варианты теории ”постиндустриального общества”. Многие ”технологические детерминисты” ”постиндустриальное общество” характеризуют как ”информационное общество”. Так, японский футуролог Е. Масуда в работе ”Информационное общество как постиндустриальное общество” утверждает, что уже сегодня ведутся конкретные эксперименты по созданию ”информационного общества” в Японии, Канаде, Швеции, что оно должно стать ”обществом,

⁴ Там же, с. 17.

⁵ *Toffler A. Previews and Premiss.* South End Press, 1983, p. 61.

которое породит государство всеобщего расцвета человеческого интеллектуального творчества взамен избыточного материального потребления". Масуда, как и другие "технологические детерминисты", полагает, что информация повысит стремление граждан к большему участию в принятии решений и управлению экономикой, социальными и политическими процессами. А это, надеется Масуда, поведет в свою очередь по пути исчезновения классов, место которых займут "информационные сообщества", деловой и правительственный секторы⁶.

Американский социолог Э. Смит в книге "Геополитика информации" отмечает: "Капитализм — это не только производственная и экономическая система, но и информационная система... Ценности капитализма устанавливаются через регулярное распределение достоверной информации. Информационная система сформировалась как международная опора капитализма. В последние 10—20 лет мы стали употреблять слово "информация" в ином значении, чем раньше. Информация стала покупаться и продаваться как товар. Информационная система стала спинным хребтом современного общества"⁷. В интерпретации Смита информационная система предстает как инфраструктура, определяющая как производительные силы, так и общественные отношения производства и власти. За такого рода рассуждениями скрывается его "технологическо-детерминистская" позиция.

С аналогичными идеями выступает итальянский специалист по проблемам информации Д. Чезаре. В статье "Информация и политика" он информацию характеризует как "четвертый сектор экономики наряду с промышленностью, сельским хозяйством и обслуживанием"⁸.

Теснейшим образом с футурологическими концепциями связаны концепции глобалистики. Как показывает реальный, конкретно-исторический опыт XX в., человечество сегодня столкнулось с совокупностью проблем глобального характера, от позитивного решения которых в значительной степени зависит благополучие нынешнего и будущих поколений, существование самой цивилизации.

Марксистский критический анализ работ буржуазных социологов, а также докладов Римского клуба⁹ показывает, что мно-

⁶ Masuda J. The Information Society as post-industrial society. Tokyo, 1980, p. 3.

⁷ Smith A. The Geopolitics of Information. London — Boston, 1980, p. 33—38.

⁸ Geasare G. Politico nell' alba del quartirario.— Probleme del Socialismo, 1981, N 22, quarta-seril.

⁹ См. подробнее об этом: *Араб-Оглы Э. А.* Демографические и экологические прогнозы. Критика современных буржуазных концепций. М., 1978; *Лейбин В. М.* "Модели мира" и образ человека. Критический анализ идей Римского клуба. М., 1982; *Фролов И. Т.* Перспективы человека. Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, общения. М., 1983, и др.

гие из них содержат "технологическо-детерминистские" концепции глобалистики. Вместе с тем нельзя не видеть в последние годы тенденцию усиления "технологического детерминизма" в предложенных буржуазными авторами многочисленных проектах решения глобальных проблем.

Заслуживает особого рассмотрения книга бывшего президента Римского клуба А. Печчеи "Человеческие качества", первое издание которой появилось в Оксфорде в 1977 г. Печчеи считает, что человеческие качества, являясь важным ресурсом человечества, могут помочь решить все глобальные проблемы, волнующие передовое человечество. Характеризуя технику как "абсолютно неуправляемый, анархический фактор", как "главный фактор изменений на Земле", Печчеи тем самым придерживается традиционной точки зрения "технологического детерминизма". Однако в отличие от сторонников пессимистического направления "демонии техники" он полагает, что мир может спасти некая "экзистенциальная революция". Эта революция, по мнению Печчеи, будет осуществлять не биологические изменения в человеке, а культурологические. И "хотя процесс этот может оказаться длительным и сложным, осуществление его вполне в пределах наших возможностей"¹⁰.

Разумеется, книга А. Печчеи — явление значительное, ибо она ставит важнейшую задачу — объединить людей в борьбе за сохранение жизни на Земле. Вместе с тем основные его идеи все же утопичны, ибо они покоятся на абстрактном, внеклассовом подходе к анализу общественных явлений. Проблемы, которые он рассматривает, покоятся на "революционном гуманизме", который, к сожалению, также носит у него абстрактный характер. Вот что он пишет: "Этот новый гуманизм должен быть не только созвучен приобретенному человеком могуществу и соответствовать изменившимся внешним условиям, но и обладать той стойкостью, гибкостью и способностью к самообновлению, которая позволила бы ему регулировать и направлять развитие всех современных революционных процессов и изменений в промышленной, социально-политической, научной и технической областях. Поэтому и сам этот новый гуманизм должен носить *революционный характер*. Он должен быть таким творческим и убедительным, чтобы радикально обновить, если не полностью заменить, кажущиеся ныне незыблемыми принципы и нормы, способствовать зарождению новых, соответствующих требованиям нашего времени ценностей и мотиваций — духовных, философских, этических, социальных, эстетических и художественных. И он должен кардинально изменить взгляды и поведение не отдельных элитарных групп и слоев общества — ибо это будет недостаточно, чтобы принести человеку спасение и вновь сделать его хозяином своей судьбы, — а превратиться в неотъемлемую

¹⁰ См.: Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980, с. 39, 55.

органическую основу мировоззрения широких масс населения нашего ставшего вдруг таким маленьким мира". И далее А. Печчеи делает вывод: "...глубокая культурная эволюция и коренное улучшение качеств и способностей всего человеческого сообщества" — вот те факторы, которые, по мнению Печчеи, спасут человечество от катастрофы и будут содействовать длительной и стабильной эпохе по-настоящему зрелого общества¹¹.

Печчеи и некоторые другие прогрессивно настроенные члены Римского клуба вносят свой вклад в дело организации передовой части человечества в борьбу за неотложное решение современных глобальных проблем. Эта борьба развернулась в условиях, когда монополии и военный комплекс США бредят идеями мирового господства. Поэтому и заслуживают внимания гуманистические устремления прогрессивных представителей Римского клуба.

Однако гуманизм этот носит абстрактный характер. Буржуазные теоретики предлагают разного рода мероприятия, основанные на ненаучных социологических интерпретациях решения глобальных проблем современности. В этом плане весьма показателен один из последних докладов Римского клуба.

В начале 80-х годов под воздействием технологического обновления капиталистического производства появился доклад Римского клуба "Микроэлектроника и общество: к лучшему или худшему?". В нем отмечается, что развитие микроэлектроники и информационной технологии, полная или частичная автоматизация производственного процесса и управленческих процедур сделают де совершенно неузнаваемым облик будущего общества. Изменения в общественных коммуникациях приведут к появлению такого общества, в котором человек будет поставлен перед двумя грозными опасностями: изоляцией, обусловленной отсутствием непосредственных контактов между людьми, и изоляцией в трудовом процессе. Допуская неизбежность появления такого общества, авторы доклада предлагают ряд мер, которые обеспечили бы сознательное решение проблем "эпохального перехода" на основе творческого сотрудничества и общих интересов правительства, предпринимателей, профсоюзов, научного мира при ясном понимании того, что поставлено на карту¹².

Несмотря на такого рода рассуждения о различных новшествах, которые дает новый этап развития НТР, их авторы не отвечают на вопросы о том, каким же образом "разумное" правительство будет решать острейшие социальные проблемы безработицы, инфляции, опираясь лишь на микроэлектронику и новейшие коммуникативные средства. Подобные рассуждения

¹¹ См. там же, с. 181—182.

¹² *Fridrichs G., Schaff A. Microelectronics and Society: For Better or for Worse. A report of the Club of Rome. Oxford, 1982.*

на поверку оказываются эклектическим сочетанием "технологическо-детерминистских" идей с традиционно-идеалистическим пониманием общественной жизни.

В 80-х годах намечается определенная переориентация в направлении "технологического детерминизма" у ряда представителей так называемых новых социальных движений. Известный специалист по социальным и экономическим наукам из Западного Берлина Й. Хубер в книге "Экология в опасности" порывает с единомышленниками, критикующими экономический рост, развитие индустрии и технологии. Основной темой его книги является утверждение, что альтернатив существующей индустриальной системе нет, а есть лишь возможности альтернативного развития именно в данной стране. Он категорически отвергает требования возврата к "доиндустриальному" способу производства, к "нулевому росту", выдвигаемые с целью найти выход из экологического кризиса. Тем самым он выступает против точки зрения, согласно которой защита окружающей среды и развитие промышленности исключают друг друга¹³.

Как же Хубер предлагает решать серьезные сырьевые, энергетические, экологические и социальные проблемы? Индустриальная система, считает он, имеет шансы выжить только в том случае, если осуществится процесс супериндустриализации. И экологические, и экономические проблемы можно де решить с помощью новых "технологий прорыва"— микроэлектроники, солнечной энергии, энергии ветра, биотехнологии и т.п. Он пишет: "Индустриальное общество будет развиваться только в том случае, если оно приспособится к экологическим требованиям, а экология, существуя в условиях индустриального общества, достигнет своих целей только в индустриальных формах. Экология и индустрия заключают союз— союз века"¹⁴. Хубер дает наглядную картину разнообразных возможностей этого союза. Он подробно описывает, как будет применяться микроэлектроника в производстве, сфере услуг, на транспорте и в космосе. Современные энергоносители заменятся "возобновляемыми" источниками (солнце, ветер).

Действительно, решение глобальных проблем можно осуществить на индустриальной основе. Однако само по себе это заявление абстрактно и ни о чем еще не говорит с точки зрения конкретных действий. К тому же и беспокойство Хубера возможностью отрицательных социальных последствий микроэлектронной революции также абстрактно, поскольку источника их он не вскрывает. Вот как выглядят его рассуждения: "Микроэлектронная революция приведет к ликвидации многих рабочих мест, и тогда наступит "дуализм" рынка труда: людям, занятым трудом, или "избранным", будут противостоять люди, не имеющие работы и доходов. А таких в супериндустриальном общест-

¹³ Huber J. Die verlorene Unschuld der Ökologie. Frankfurt am Main, 1982.

¹⁴ Там же, с. 12.

ве будет до 30% населения". Такое положение Хубер оценивает как "взрывоопасное" и требующее безотлагательного разрешения. Вывод же Хубера таков: "До тех пор пока общество труда не изменит свою трудовую мораль и систему управления, каждый шаг вперед в области технологического обновления производства будет увеличивать безработицу и обострять классовые конфликты между полноправными членами этого общества и исключенными из него"¹⁵. Хубер пытается решить поставленную проблему все же традиционно для буржуазного социолога: возлагая надежды на демократическое буржуазное правительство, демократические силы капиталистического общества, развитие новой трудовой морали и совершенного производственного управления.

Рассмотренные выше различные технологическо-детерминистские концепции — А. Печчеи, Й. Хубера и доклада Римского клуба, посвященного рассмотрению социальных последствий микроэлектронной революции, — построены на парадигме "технологического детерминизма". Несмотря на имеющиеся между ними различия, связанные с политической ориентацией, они тем не менее в основных своих выводах сходятся на платформе буржуазного реформизма, модернизированного обращением к НТР.

Диалектика целостности современного мира так сложна, что очень важно не сводить понимание глобальных проблем только к технологическим, индустриальным и т. п. Ныне соотношение социального и научно-технического прогресса — ключевая проблема всей общественной жизни. Законом развития общества является социальное обновление, без которого невозможно решить во благо человека и человечества все другие проблемы, в том числе проблемы научно-технического развития общества, экологии, демографии, сохранения мира во всем мире.

Необходимо отметить, что успешное преодоление возникших на пути человечества трудностей связано не столько с возможностями науки и техники, сколько с его способностью согласовать интересы и действия различных государств, создать оптимальные формы, эффективные институты и механизмы использования их материальных и духовных ресурсов на основе принципов уважения национального суверенитета каждой страны. Как совершенно справедливо отмечает В. В. Загладин, "лишь при условии налаживания глобального международного сотрудничества, предусматривающего заключение комплекса договоров и соглашений, касающихся самых различных областей жизни человечества, затрагивающих экономические, политические, правовые, дипломатические научно-технические связи и отношения между государствами и народами, можно решить насущные проблемы современной цивилизации"¹⁶.

¹⁵ Там же, с. 125.

¹⁶ Загладин В. В. Методологические проблемы исследования глобальных процессов мирового развития. — Вопросы философии, 1981, № 9, с. 27.

К этому следует добавить, что последовательное и окончательное решение глобальных проблем возможно лишь в условиях социалистического общества.

"Технологические" концепции классов и социально-политической организации общества

Концепции классов и социально-политической структуры общества в социологии "технологического детерминизма" заслуживают специального рассмотрения, ибо из них делаются такие псевдонаучные выводы, как утверждение о неотвратимости процессов "депролетаризации" и "декапитализации" в современном капиталистическом обществе, о "потере" рабочим классом "индустриального общества" своей революционности. Обосновывается необходимость прихода к руководству обществом научно-технической элиты.

"Технологические детерминисты" не отказываются признавать классовое деление общества, восприняв буржуазную традицию интереса к проблемам стратификации и социальной мобильности. Исходя из парадигмы "технологического детерминизма", они строят собственную шкалу "ценностей", согласно которой и осуществляют соответствующую оценку и ранжировку лиц и групп. Опираясь на буржуазные принципы интерпретации классового деления общества, "технологические детерминисты", как правило, в качестве критериев классового деления общества берут уровень дохода на душу населения, образование, социальный престиж и другие показатели¹. Эти критерии они связывают и с фактически существующим в странах капитала экономическим неравенством людей, а также с их положением в системе материального производства, игнорируя тот факт, что основные средства производства находятся в руках монополистической буржуазии.

Фундаментальным основанием деления общества на классы выступает общественное разделение труда. "...Общественные классы,— подчеркивал Ф. Энгельс,— являются в каждый данный момент продуктом отношений производства и обмена, словом — *экономических* отношений своей эпохи..."²

Марксистско-ленинская наука отвергает абстрактный, внеторический подход к проблеме содержания, форм и последствий разделения труда. Уровень и характер развития производительных сил, общественное разделение труда при наличии совокупности социальных условий и факторов и определяют реальную возможность исторически определенной формы собственности на средства производства, других структурных элементов произ-

¹ Sorokin P. Society, Culture and Personality. New York, 1947, p. 236, 255.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 26.

водственных отношении, а следовательно, и социально-классовой структуры общества.

В основе классовых различий лежат прежде всего социально-экономические явления, среди которых решающее значение принадлежит месту той или иной группы людей в исторически определенной системе производства, их отношению к собственности на средства производства, к общественному разделению труда, к участию в распределении произведенных материальных благ. В сложившейся системе общественного производства классы занимают место в зависимости от их отношения к средствам производства.

В многочисленных "технологическо-детерминистских" концепциях основным классообразующим признаком выступает "профессия". Как признак социально-классового деления общества "профессия" не дает возможности раскрыть объективную основу этого деления. В факте обращения к "профессии" нашли свое отражение реальные процессы, происходящие под воздействием НТР в капиталистических странах. Это, в частности, процессы интеллектуализации труда, процессы дальнейшего разделения общественного труда. Именно поэтому Д. Белл в "постиндустриальном обществе" выделяет четыре основных класса: специалисты (ученые, инженеры, экономисты, медики, административные работники и работники учреждений культуры); техники и "полуспециалисты"; служащие и работники торговли; рабочие, занятые физическим трудом³. Белл улавливает некоторую функциональную связь между знанием и социальным статусом, подчеркивая, что социальный статус человека в обществе определяет прежде всего критерий знания и квалификации и лишь только потом — сфера общественной деятельности и, наконец, место, занимаемое человеком в политической системе, или отношение к ней.

Белл создает схемы деления общества на "классы" по горизонтальной и вертикальной структуре. К первой он относит различные сферы деятельности людей: экономику, управление, университеты и исследовательские институты, общественные комплексы, центры общественного обслуживания, военную сферу. Кроме того, он считает важным изучение отношения человека к политическим партиям, профсоюзам, государству, различным общественным организациям.

Политически активными Белл считает группы вертикальной структуры: предприятия и фирмы, правительственные учреждения, университеты, научно-исследовательские институты и лаборатории, социальные (разные виды сферы услуг) и военные комплексы. Вместе с тем и в вертикальном разрезе социальной структуры, считает он, основную роль играет наука⁴.

³ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society.— Dialogue, 1978, vol. 11, N 2, p. 375.

⁴ См. там же.

Классовые различия охватывают многочисленные и самые разнообразные стороны жизни большой социальной группы — класса: экономическую, социальную, политическую, духовную, область быта. Марксизм никогда не утверждал, что классы "исключительно" экономическое явление. Известно, что классы характеризуются и "вторичными" признаками, среди которых следует назвать такие, как образ жизни, манера поведения, психология, мораль, принятая система ценностей и др.

Именно абсолютизация многих "вторичных" признаков класса характерна для "технологическо-детерминистских" концепций классовой структуры общества. Именно "вторичные" признаки класса прежде всего и привлекают буржуазных социологов. Тем более, что НТР создает потребность в новом уровне культуры работников всех типов наемного труда. Это в значительной мере сблизило уровни сложности, характеризующие рабочую силу пролетария, служащего и специалиста. Поэтому такой признак, как образование или квалификация человека, при анализе требует учета "вторичных" признаков класса, но ни в коем случае он не может рассматриваться как определяющий или классообразующий.

Злободневно звучат слова В. И. Ленина в адрес буржуазных социологов: "Различия между профессиями смешать с различиями между классами; различия бытовые смешать с различным положением классов во всем строе общественного производства.— как это наглядно иллюстрирует полную научную беспринципность модной "критики" и ее практическую тенденцию стереть самое понятие "класса", устранить самую идею классовой борьбы"⁵.

Буржуазные идеологи используют всевозможные средства для обоснования идеи "депролетаризации" современного капиталистического общества. Многие "технологические детерминисты", например, рост сферы услуг в капиталистических странах выдают за доказательство "депролетаризации" общес. а. В статье "Что случилось с пролетариатом? Историческая миссия не выполнена" С. М. Липсет весьма откровенно заявляет о том, что в нынешних условиях "теория социалистической революции Маркса не работает, так как в постиндустриальных обществах, таких, как в США, "перестала действовать тенденция все большего вовлечения рабочей силы в производство..."⁶.

Схема буржуазной концепции "депролетаризации" весьма проста — доля пролетариата в численности занятого населения уменьшается, растет якобы некий "средний класс". Для него и характерны такие признаки, как образованность, квалификация, получаемый доход, социальный престиж и т. п.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 191 — 192.

⁶ Lipset S. M. Whatever Happened to the Proletariat? Un Historic Mission Unfulfilled — Encounter, 1981, June, p. 22.

В современных развитых капиталистических странах материальное производство вышло за пределы промышленно-производственных отраслей в собственном смысле слова и получило широкое развитие как продолжение процесса производства в других отраслях: на транспорте, в связи, торговле, коммунальных услугах, в различных сферах бытового и технического обслуживания. Процесс индустриализации, преобразовав материальное производство, распространился и на сферу услуг. Новые виды деятельности все больше включаются в систему наемного капиталистического труда, изменяя структуру основного производительного класса — пролетариата. Однако это не означает, что он утратил свое место в системе материального капиталистического производства. Пролетариат стал образованнее, квалифицированнее, культурнее, а в системе капиталистической эксплуатации он непосредственно связан и с другими социальными группами.

Концепции "депролетаризации" и "нового среднего класса", выдвигаемые "технологическими детерминистами", в некоторых отношениях не устраивают многих буржуазных идеологов. Например, американский социолог В. Бёррис в статье "Накопление капитала и подъем "нового среднего класса"" пишет: "Обычно появление нового среднего класса объясняется расширением состава менеджеров и специалистов, являющимся одним из следствий технологических изменений, связанных с процессом индустриализации... Эти техногенные перспективы имеют две основные ошибки. Первая ошибка — это тенденция к фетишизации технологии как экстрасоциальной квазиестественной эволюционной силы. Вторая ошибка заключается в неспособности соответствующим образом провести различия между занятием (профессией) и классом, то есть между техническим разделением труда и социальным разделением труда"⁷.

Беррис, казалось бы, дает правильную оценку концепциям классов и социально-классовой структуры, разрабатываемым "технологическими детерминистами". Однако, в конечном итоге он приходит к их же позиции. Он относит к "среднему классу" интеллигенцию, а также ряд социальных групп, входящих в состав как пролетариата, так и буржуазии. Конечно, Беррис (в отличие от Д. Белла) признает существование буржуазии и пролетариата, а "новый средний класс" помещает между ними. При этом он полагает, будто этот класс в силу "промежуточного положения" становится "центральным классом", имеющим определяющее значение в решении всех коренных задач, а буржуазия и пролетариат обретают силу лишь в союзе с этим "средним классом"⁸.

⁷ *Burris V. Capital Accumulation and the Rise of the New Middle Class.— The Review of Radical Political Economics, 1980, vol. 12, N 1, p. 19.*

⁸ См. там же, с. 20, 31 — 32.

Одной из техногенных концепций классов является концепция элитаризма. В социальной структуре "постиндустриального", "программируемого", "технотронного" общества рабочему классу уже не остается места. Появляется "класс знания", или "класс профессионалов", элита которого (ученые) в силу присущих ей моральных и интеллектуальных качеств (обусловленных "харизматическими" свойствами самой науки) призвана якобы занять ключевое положение в политической системе "технотронного" общества. Белл считает, что вся социально-классовая структура "постиндустриального общества" прежде всего определяется меняющимся характером товара и его стоимости: в индустриальном обществе "товары являются промышленными и детерминируются трудовой стоимостью, а в постиндустриальном обществе товаром становятся знания и информация, экономическая оценка которых существенно отличается от экономической оценки товаров". Отсюда Белл делает вывод, что "общественные отношения, создаваемые новой информационной сетью, не укладываются в старые общественные модели (или рабочие отношения) индустриального общества. В случае развития такого типа общества возникают основы социальной структуры, сильно отличающейся от той, которая была раньше"⁹. В результате Белл в своем анализе отрицает возможность "объяснения сложной структуры современных обществ с помощью таких монолитных концепций, как капитализм или социализм"¹⁰.

В концепции "программируемого общества" О.Тоффлера парадигма "технологического детерминизма" приняла форму "коммуникативного детерминизма". Именно развитие компьютерной техники, средств массовых коммуникаций, считает он, преобразит всю социально-политическую структуру будущего "программируемого общества". С одной стороны, "работодатели", с другой — "индивидуализированная рабочая сила" — такова мечта буржуазного идеолога. Согласно О.Тоффлеру, социально-классовая структура "программируемого общества" настолько меняется по сравнению со структурой "индустриального", что ее можно понять лишь через анализ процесса "распределения" рабочей силы, которым охвачены все сферы жизни общества. Распределение рабочей силы становится возможным благодаря внедрению телевидения, что, по мнению Тоффлера, ведет к стиранию различий между потребителем и производителем. Распространяется мелкосерийное производство, работа на дому обретает повсеместность, производство становится "децентрализованным" и "деурбанизированным"¹¹.

⁹ *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. — Dialogue, 1978, vol. 11, N 2, p. 5 — 6.

¹⁰ Там же, с. 10.

¹¹ *Toffler A.* The Third Ware. New York, 1980.

Технократические утопии Тоффлера популярны не только среди буржуазных социологов, к ним проявляют интерес также и представители акционерных обществ. Так, один из них, Т. Секимото, отмечает: "Технология не только изменит цивилизацию, но также создаст новую, характерными чертами которой будут дестандартизация, гибкость, коллективизм, децентрализация, оптимизация и диверсификация власти... Эта идея популярна у О. Тоффлера в книге "Третья волна"... Мы,— подчеркивает Секимото,— как фирма, тоже наблюдаем развитие этой тенденции, но только называем ее волной "К и К"— компьютеров и коммуникаций"¹². Будучи крупным менеджером, связанным с монополистическим капиталом, Секимото воспекает капиталистическую предприимчивость, способность капиталистических фирм на основе новейшей технологии менять общественную жизнь. Вслед за Тоффлером Секимото оставляет в стороне эксплуатацию, которая у них "гуманизируется", "технологизируется", "компьютеризируется" и т. д. Вопрос же об отношении между трудом и капиталом по линии собственности на средства производства вообще не рассматривается.

В "программируемом обществе" считается само собой разумеющимся, что все коренные вопросы— не только экономические, но и политические, сугубо личные, нравственно-этические и т. д.— решаются капиталистическими фирмами. Как видим, по-прежнему именно капитал диктует свои условия, именно он оказывает определяющее влияние на всю жизнь общества. Как справедливо подчеркивают ученые-марксисты, "практика классовой борьбы доказывает, что "трансформация" государственной системы вторична, производна от сдвигов в соотношении массовых сил. Коренная "трансформация" требует коренных сдвигов, то есть выхода широких масс на арену политической деятельности, социальной революции"¹³.

О. Тоффлер же озабочен задачей "рассредоточить" совокупную рабочую силу, ослабить ее социально-классовые позиции, выдвинув на передний план единственную, по его мнению, движущую силу общественного развития— компьютерную технику.

Идея разобщенности между классами, партиями все больше и больше утверждается в современной буржуазной идеологии, в том числе и усилиями социологов "технологического детерминизма". Так, например, американский социолог Р. Синаи отмечает, что развитие "индустриального общества" ведет к кризисам, которые срывают миллионы людей с привычных мест, дезориентируя их, сокращая их представления о политических институтах, и тогда начинает разрушаться взаимосвязь между классами, партиями и даже государствами. "Вместо

¹² Fortune, 1982, August, p. 57.

¹³ Красин Ю. А. О революционных преобразованиях переходного типа.— Вопросы философии, 1981, № 4, с. 108.

твердой коалиции партий, отражающих принадлежность к тому или иному классу, мы видим,— пишет Синаи,— возникновение и распространение отдельных групп и временных организаций, созданных на добровольных началах и преследующих свои собственные интересы, игнорируя в то же время более серьезные цели развития общества в целом. И буржуазия, и пролетариат перестают быть организованными классовыми формациями”¹⁴.

Синаи пытался проанализировать возникновение целого ряда движений, имеющих место в капиталистических странах, но действительных их причин вскрыть до конца так и не смог. Вывод его о том, что и рабочий класс, и класс капиталистов потеряли свои бывшие организационные формы, не только не соответствует действительности, но и реакционен.

Для правильного анализа рассматриваемых проблем большое значение имеет марксистско-ленинская теория классов и классовой борьбы. С позиций именно этой теории можно и должно рассматривать сущность структурных изменений в производственных отношениях развитых капиталистических стран. НТР действительно вызвала к жизни такие процессы, которые преобразуют организационно-технологические формы производственных отношений и личностный (наряду с материально-вещественным) элемент производительных сил. Однако это не изменяет самой сущности капиталистических производственных отношений, а новая инфраструктура общества не оказывает влияния на качественное, революционное изменение социально-классовой структуры буржуазного общества.

Изменения социально-классовой структуры общества связаны с проблемой власти рабочего класса и проблемой коренного изменения отношений собственности на средства производства.

”Технологические детерминисты” не в состоянии понять характер классовой борьбы в современном капиталистическом обществе. У Дж. К. Гэлбрейта классовая борьба между трудом и капиталом ушла в прошлое, уступив-де место борьбе тех, кто получил образование, с теми, кто его не имеет.

О. Тоффлер заменил современную классовую борьбу борьбой между сторонниками ”второй волны” и ”третьей волны”. Согласно Тоффлеру, эту борьбу надо понимать как борьбу между сторонниками традиционной демократии и сторонниками ”полупрямой” (”компьютерной”) демократии. Предстоит борьба за осуществление ”компьютерной” демократии во всех классах и группах буржуазного общества. В ”программируемом” обществе классовая борьба им полностью исключается.

Д. Белл ограничивает содержание классовой борьбы: сводит ее к выступлениям негров и обездоленных, к волне насилий, к отчуждению молодежи, к росту недовольства среди интелли-

¹⁴ *Sinai R. What Ails Us and Why. On Roots of Disaster and Decey.— Encounter, 1979, vol. VII, April, p. 10.*

генции¹⁵. Однако Белл не просто ограничивает содержание классовой борьбы, он извращает ее. Центр тяжести классовой борьбы, уверяет он, в развитых, "постиндустриальных" и даже "индустриальных" странах переместился на борьбу между управляющими и управляемыми, между специалистами и "простонародом"¹⁶. Вместе с тем в условиях инфляции, кризиса на первый план выдвигается новая классовая борьба "между средним классом и рабочим классом в области государственного бюджета"¹⁷.

Признание существования классовой борьбы связывается у Белла с конструируемыми им самим конфликтами и отказом видеть реальные социально-экономические и политические противоречия современного капитализма. Выход из всех сложностей общественного процесса Белл видит на путях "мудрого государственного регулирования", в основу которого должна быть положена "новая философия".

"Новая философия" Белла опирается на идеи всеислия двух "китов"— на социальную технологию и на буржуазное государство. Первая ищет "рецепты спасения" капитализма, второе их "реализует". Идеалистическая философия Белла прямо ставится им на службу не просто теоретической апологии монополистического капитала, а его практической реформистской обороны от классовой борьбы и социальной революции.

Критический марксистский анализ концепций социально-классовой структуры свидетельствует, что все они лицемерно обеляют монополистический капитализм, скрывают его эксплуататорскую природу, отражают явный авантюризм во внутренней и внешней политике, выступают против всемирно-исторической роли рабочего класса и трудящихся масс в революционном преобразовании капиталистического общества.

С технологическими концепциями социально-классовой структуры общества тесно связаны концепции политической организации общества. "Технологические детерминисты", обосновывая идеи "депролетаризации", образования "нового среднего класса", тем самым стремятся приспособить эти идеи для "доказательства", с одной стороны, "надклассовой" сущности буржуазного государства, а с другой стороны, его технократического характера.

Для Белла нет сомнений, что не современное развитие монополистического капитала, а НТР принесла "упадок демократии" и спасти ее могут лишь творцы "интеллектуальной технологии"— талантливые ученые и инженеры, которым подвластна

¹⁵ Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. New York, 1976, p. 179.

¹⁶ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society.— Dialogue, 1978, vol. 11, N 2, p. 129.

¹⁷ Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism, p. 240.

эта "технология", и лишь они в состоянии "измерить", "соразмерить", "соотнести", а в итоге и сформировать все параметры общественного развития.

Рост профессионализма и специализации в управленческой деятельности служит для Д. Белла и других буржуазных социологов основанием для заявления о том, что "проблема социальной дифференциации вновь встает с возникновением новых элит — научной и технической и стремлением этих элит консолидировать свои завоеванные позиции"¹⁸.

Буржуазные идеологи не могут и представить себе общество без элитарных классов и групп.

Подлинная причина отстранения масс от участия в социальном управлении не в технических трудностях этого участия, а в противоположности интересов народных масс и монополистической буржуазии, в руках которой концентрируются действительные рычаги государственной власти.

Это наглядно видно на фоне процессов, происходящих в развитии социалистическом обществе, в условиях которого осуществляется сознательное соединение достижений НТР с преимуществами социализма. НТР в этих условиях не выступает альтернативой демократии, а, напротив, создает условия для ее дальнейшего развития. Управление в социалистическом обществе представляет диалектическое единство деятельности людей, профессионально занимающихся управленческим трудом, и деятельности широких масс в управлении производством и различными делами общества.

Вряд ли следует сомневаться в том, что в обозримом будущем технологические функции управления будут выполняться лишь специалистами. Но управление как социальная функция (а именно в ее рамках задаются общие цели, установки для общественного развития) осуществляется при участии широких масс трудящихся. "Вопросы руководства экономикой не просто хозяйственные, а политические, партийные. Давно известно: партийные лозунги, программы живут в деятельности масс"¹⁹.

Под воздействием широкого распространения кабельного телевидения и компьютеров появились концепции так называемого компьютерного демократизма, в которых новейшей технике и технологии приписывается способность изменять политические учреждения буржуазного общества. Таким образом, согласно утопиям буржуазных теоретиков, получается следующее: стоит, мол, только трудящимся массам приобщиться через новейшие средства массовых коммуникаций к политической жизни, как они сразу получают все, что пожелают. Коль скоро это так, мечтают буржуазные социологи, то отпадает всякая необхо-

¹⁸ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. — Dialogue, 1978, vol. 11, N 2, p. 110.

¹⁹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 51.

димось в классовой борьбе и социалистической революции.

Существуют и "технологическо-детерминистские" концепции политической организации общества далеко не такие оптимистические, как, например, у Тоффлера. Так, Р. Синаи с большой озабоченностью рисует картины упадка политической жизни современного капиталистического общества. Его не радует ни буржуазный демократизм, ни политические руководители. Основная причина упадка эффективности политических действий, самой политической организации общества – в "засилье техники и техницизма". Именно они делают демократию "невосприимчивой" к ее прошлым традициям, "унифицируют" личности политических деятелей, делают их такими же "серыми, как и масса"²⁰. Техническая цивилизация не способствует, по мнению Синаи, появлению совершенной политической организации общества.

Как видим, в социологии "технологического детерминизма" техника так или иначе, но детерминирует развитие демократии и политической организации общества: в ряде концепций она ослабляет их, в других же, напротив, содействует расцвету. Однако в 80-х годах преобладают концепции второго рода.

Новейшей технике, микроэлектронике, "социальной технологии", опирающейся на компьютерную технику, "технологические детерминисты" вопреки реальному ходу истории стремятся придать значение движущей силы, способной де коренным образом перестроить все существующие нерациональные порядки в обществе. Техника, по их замыслу, должна обеспечить демократизацию общества, подняв ее на новую ступень развития. Все эти рассуждения направлены против марксистско-ленинской теории классов и классовой борьбы, классовой сущности политической организации общества, против политической практики реального социализма и международного коммунистического и рабочего движения.

Отрицая классовую борьбу как движущую силу общественного развития в условиях антагонистических обществ, буржуазные социологи обращают свои взоры к таким средствам "преобразования" капиталистической действительности, которые не затрагивают ее социально-экономических основ. Одним из таких средств они считают социальную технологию, с помощью которой полагают возможным преобразовать капиталистическую действительность в определенных границах, решив прежде всего наиболее острые социально-экономические ее противоречия.

²⁰ *Sinai R. What Ails Us and Why. On Roots of Disaster and Delay. – Encounter, 1979, vol. VII, april, p. 8 - 14.*

Буржуазные концепции "социальной технологии"

Проблемам "социальной технологии" в "технологическом детерминизме" принадлежит особое место. Именно с "социальной технологией" связана ориентация буржуазной идеологии на парадигму "технологического детерминизма" как модели решения практических задач. Дело в том, что в "социальной технологии" абсолютизация функций науки, технического знания оказалась той детерминационной основой, из которой вырастают идеалистические концепции общественных отношений.

Среди значительной части буржуазных обществоведов, политиков, идеологов бытует широко распространенное мнение, будто наука и техника влияют на исторический процесс прежде всего через формирование на их основе общественных явлений и отношений, исключая тем самым социальное творчество народных масс. Одновременно делается и такой вывод: наука-де способна дать и обеспечить любую ориентацию в общественном развитии.

"Технологические детерминисты", уповая на "социальную технологию" как на важнейшее средство преобразования капиталистической действительности, не учитывают того, что любое вмешательство человека в социальные процессы (да и природные тоже) детерминировано определенными условиями. Само по себе научное и техническое знание существовать не может. Оно обязательно интегрировано в систему определенных конкретно-исторических общественных отношений.

Развитие научно-технической революции создает благоприятные условия для широкого использования новейших технических средств в социальном познании и управлении социальными процессами. Однако в условиях господства частной собственности на средства производства существуют социально-экономические и политические причины, ограничивающие возможности, а зачастую и препятствующие реализации социально-технологических программ. Кроме того, буржуазные социологи не в состоянии осуществить научного познания общественных процессов, и это в свою очередь усугубляет их просчеты или делает нереальными разного рода социально-технологические программы.

Буржуазные концепции "социальной технологии" весьма разнообразны: от концепций глобалистики, формирования "технологического человека" до организации каждого вида человеческой деятельности. Среди них заслуживает внимания критическое рассмотрение концепций Дж. Гэлбрейта, Д. Белла, М. Доналда, Дж. Росни и др.

Дж. Гэлбрейт определяет социальную технологию как "систематическое применение научного и организационного знания для практических целей". В своих работах "Новое индустриальное общество" и "Общественные интересы и цели общества" он разрабатывает конкретные предложения социально-технологиче-

ского характера. В них содержатся подробнейшие рекомендации по реализации наиболее эффективного сочетания интересов "государства — капиталистической корпорации — работника"¹. Конечно, разрабатываемые Гэлбрейтом мотивационная система и меры по ее внедрению отражают прежде всего буржуазный реформизм самого теоретика. Их анализ показывает, что Дж. Гэлбрейт все свои надежды на эффективную реализацию предлагаемых мероприятий по оздоровлению капиталистической реальности связывает не только с новейшими техническими средствами, но и с буржуазным государством.

Д. Белл рассматривает социальную технологию как интеллектуализацию любой формы человеческой деятельности. Социальная технология, по его мнению, в "индустриальном" и "постиндустриальном обществе" зависит от следующих условий. Прежде всего от совершенства "интеллектуальной технологии", технических средств, которые могут быть сведены в определенные эффективные системы, определяющие направленность действия. От "технологов", т. е. тех, кто выбирает любое теоретическое знание, которое он полагает важным для данной проблемы, и трансформирует это знание в систему руководящих принципов и целесообразных правил для выполнения или производства чего-то. От ученых, способных осуществить разработку "интеллектуальной технологии", а также политическую власть, реализующую "интеллектуальную технологию" в интересах всего общества. Как видим, схема формирования любого общественного явления слишком проста: нужны знания, техника, таланты и мудрое государственное правление.

Важность "социальной технологии" постоянно подчеркивают "технологические детерминисты", для которых вопрос человеческого знания имеет основное значение в решении всех социальных проблем. Многие из них эффективность использования и применения "социальной технологии" ставят в прямую зависимость от политической деятельности государства. Именно на него они возлагают фактически все надежды по регулированию острейших антагонизмов, а также разрешение проблем, вызываемых развитием НТР. В условиях всевозрастающей роли политики в последующие десятилетия, по мнению "технологических детерминистов", необходимы профессионалы — политические деятели, способные на рациональных принципах руководить обществом.

Анализ процессов, происходящих в современных капиталистических странах, свидетельствует о возросшем интересе буржуазного государства к науке, теоретическому знанию. Такой интерес не безоснователен, он диктуется интересом монополий. Все более явственно намечающийся переворот в технологиче-

¹ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969.

ском способе производства объективно требует повышения как профессионального уровня работника производства, так и его заинтересованности в том, чтобы трудиться. Поэтому буржуазное государство и крупные монополистические корпорации возлагают надежды на всякого рода социально-технологические рекомендации, содержащие решения самых различных проблем в интересах монополистического капитала. Именно в них монополистический капитал усматривает альтернативу социальной революции, полагая с их помощью избавиться от всех бед и в экономической, и в социальной, и в политической, и в духовной сферах жизни общества.

Социальные процессы и процессы в технике в современном мире "нарастают", решающими в обществе все же, как считают "технологические детерминисты", остаются политические события. В конечном счете власть находится не в руках технократов, а в руках политиков. И хотя две эти роли различны, они выступают в сложном взаимодействии, где опосредствующим звеном выступает опять-таки "интеллектуальная технология". Именно технологически обоснованные политические и прочие решения необходимы "постиндустриальному обществу". Ведущими институтами, считают "технологические детерминисты", будут "интеллектуальные" институты, исследовательские корпорации, индустриальные лаборатории, экспериментальные станции и университеты, вырабатывающие на основе "интеллектуальной технологии" "социальную технологию"².

Французский социолог Ж. де Росни в предисловии к своей книге "Макроскоп. К глобальному видению" пишет, что ни одно из изобретенных человеком орудий исследования не позволяет получить "глобального видения мира", которое тем не менее необходимо, чтобы "понять системы, которые нас окружают, еще до того, как они успеют нас уничтожить"³. Он предлагает средство такого исследования — "макроскоп", который представляет "совокупность методов и методологий, заимствованных из различных дисциплин". Именно "макроскоп" позволяет ему "увидеть", как применение "био- и экоинженерии" породит новую стадию развития человечества, которую он называет "экообществом". Этому обществу, по периодизации автора, предшествовали "примитивное общество", которое основывалось на "экономике выживания", и "индустриальное общество", базирующееся на "экономике роста". Новая ступень определяется "экономикой равновесия"⁴. Таким образом, буржуазные идеологи находят социальной технологии самое различное применение, вплоть до футурологических прогнозов.

² Bell D. Notes on the Post-Industrial Society.— The Technological Threat. New Jersey, 1971.

³ Rosny J. Le Macroscopie vers une vision globale. Paris, 1975, p. 16.

⁴ См. там же, с. 175.

Своеобразным вариантом "социальной технологии" являлась теория "деидеологизации" в той своей части, где обосновывается неизбежность замены идеологии социальным знанием. В ней налицо соединение решения двух задач: обоснования процесса деидеологизации и навязывания практической его реализации. Авторами данной теории делалась ставка на то, что "технологический" подход, якобы отбрасывающий всякие идеологические принципы, является научным, объективным, беспристрастным. Поэтому-де в век НТР (нового знания и технических возможностей) можно уже видеть, как идеология заменяется социальным знанием, "интеллектуальной технологией".

Вместе с тем практическое осуществление задач того или иного класса, практическое решение возникающих перед ним проблем представляют, в сущности, не что иное, как осуществление потребностей и интересов класса, в данном случае монополистической буржуазии. Говоря о сущности буржуазных концепций "социальной технологии", важно подчеркнуть ее теоретическую несостоятельность, апологетическую идеологическую направленность и буржуазно-практическое назначение.

Буржуазные концепции "социальной технологии" фетишизируют роль науки и техники в решении коренных социальных задач. Анализу объективных закономерностей классовой борьбы, всей системы капиталистических общественных отношений и их революционных преобразований эти концепции противопоставляют поиск средств, призванных обеспечить "стабильность", "бесконфликтность", "устойчивость", "социальное партнерство", "равноправие", "реализацию творческих возможностей личности" и т. д. и т. п. "Технологические детерминисты", правильно подмечая возросшую роль науки в современном обществе, процесс слияния университетов и научно-исследовательских институтов с крупными капиталистическими корпорациями, потребность в высококвалифицированных кадрах, возможности частичного регулирования некоторых социальных явлений в рамках капиталистического строя, неправомерно превращают науку в решающий фактор социального действия.

Действительно, в настоящее время решение проблемы управления комплексными научными исследованиями для монополий и буржуазного государства становится необходимым. Объясняется это тем, что организация управления и методы руководства в значительной мере определяются уровнем научных исследований и возможностью практического использования их результатов. От этого зависит коммерческий успех новой продукции, а в отдельных случаях и само существование фирмы. Для капиталистических корпораций очень важной становится прибыльность самих научных исследований. Тем самым большое значение приобретают взаимоотношения с научно-исследовательскими учреждениями — университетами, научно-исследовательскими институтами, колледжами.

Известно, что внедрение новой техники и научных открытий в условиях капитализма не безгранично, оно детерминировано социально-экономическим фактором. К. Маркс в "Капитале" так определил границы применения новой техники при капитализме: "Если рассматривать машины исключительно как средство удешевления продукта, то граница их применения определяется тем, что труд, которого стоит их производство, должен быть меньше того труда, который замещается их применением. Однако для капитала эта граница очерчивается более узко. Так как он оплачивает не применяемый труд, а стоимость применяемой рабочей силы, то для него применение машины целесообразно лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы"⁵.

Марксизм-ленинизм учит, что развитие общественных явлений в первую очередь обусловлено способом материального производства. Вместе с тем марксистский социальный детерминизм учитывает сложный характер взаимодействия и таких явлений, как различные формы общественного сознания. Сложный характер детерминационных связей и взаимозависимостей явлений в социальных системах, взаимодействие качественно различных факторов осуществляются на основе экономической необходимости, которая складывается и выражается через сознательную деятельность людей.

"Технологические детерминисты", размышляя о возможных кризисах в капиталистическом обществе, высказывают опасения относительно возникновения некой "подпольной" науки. Так, Г. Кан и Б. Брюс-Бриггс считают, что может возникнуть вопрос о создании "индекса запрещенных знаний, установленного какой-нибудь национальной или международной институционализированной властью... самими учеными, исходящими из определенных этических норм, или каким-нибудь религиозным или квазирелигиозным движением"⁶.

Характер использования знаний в современном капиталистическом мире становится важной проблемой. Однако рассматривается она с типично конвенционалистских позиций. Буржуазные социологи игнорируют классовую сущность проблемы, решение которой возможно лишь с уничтожением частной собственности на средства производства и капиталистической эксплуатации. Их концепции свидетельствуют об узости и ограниченности "технологического детерминизма". Абсолютизация, фетишизация науки и техники ведут к субъективизму. Наука фактически отрывается от своей реальной основы, извращается ее творческая природа, логика исторического развития подменяется логикой развития науки и техники.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 404.

⁶ Kahn H., Bruce-Briggs B. Things to Come. Thinking about the Seventies and eighties. New York, 1976, p. 219.

Социально-технологические концепции находят свое применение в так называемой социальной инженерии. "Социальная инженерия" по сравнению с социальной технологией носит локальный характер. Это совокупность конкретных средств, связанных воедино последовательностью осуществляемых операций. Направлены они на "решение" социальных конфликтов и "проблем" в рамках одного предприятия.

В настоящее время, например, для решения целого ряда задач, связанных с повышением производительности труда на предприятиях США, поставлена задача реализации программ "формирования новых производственных отношений" и "реиндустриализации". В этих программах содержатся конкретные рекомендации по "созданию климата доверия между рабочим и управляющим", создаются "механизмы" для вовлечения рабочих в процесс управления: "самоуправляемые" рабочие бригады, подготовительные комитеты, призванные сочетать социальные и технические идеи при реконструкции и переоборудовании предприятий⁷.

По замыслу буржуазных социологов подобные социально-технологические мероприятия призваны не только повысить производительность труда, но и способствовать "развитию неантагонистических отношений на предприятии..."⁸. Все эти мероприятия в качестве теоретико-методологического основания содержат парадигму "технологического детерминизма", которая конкретизируется применительно к "социальной инженерии" посредством буржуазных концепций социальной технологии.

В связи с успехами в области биологической и медицинской науки появились особые разновидности "социальной инженерии", такие, как "биоинженерия", "генная инженерия" и др. Буржуазные социологи заговорили об использовании различных средств, даваемых наукой, для воздействия на природу человека в самых различных социальных целях⁹.

Многие социологи возлагают определенные надежды на новые фармакологические средства, с помощью которых они надеются получать "послушных рабочих". В чем-то эти прожекты похожи на те, о которых писал Ю. Хаксли в своем фантастическом романе "Отверженный новый мир". Более того, ученые-медики авторитетно заявляют (многие из них с величайшим беспокойством), что "новые лекарства могут дать ученым в области медицины власть, подобную власти бога"¹⁰. Короче говоря, ученые смогут осуществлять контроль над человеческим разумом.

⁷ Reindustrialization of America.— Business Week, 1980, Special Issue; The new Industrial Relations.— Business Week, 1981, May 11.

⁸ The New Industrial Relations.— Business Week, 1981, May 11.

⁹ См. об этом: Давидюк Г. П. Прикладная социология. Минск, 1979.

¹⁰ Kranzberg M., Pursell G. The Importance of Technology in Human Affairs.— Advancing Technology: Its Impact on Society. Company Publisher, 1976, p. 466.

Все это вызывает серьезную озабоченность. Монополистический капитал в погоне за прибылью не может остановиться перед варварским использованием достижений современной биологической и медицинской науки в качестве средства социально-технологического влияния на развитие общества. Рассматривая его как некий механический агрегат индивидов, изменение которых под воздействием "генной инженерии" и других средств автоматически изменит и всю общественную систему, "технологические детерминисты", таким образом, игнорируют закономерность общественного процесса, оставляя за "технологистами" и политическими деятелями право "формировать" те или иные социальные явления.

Давно известно, что самые нужные для гуманных целей развития общества и человека результаты научных открытий могут быть использованы реакционными классами и социальными группами в антигуманных целях. Такое открытие, как расщепление ядра атома, яркое тому свидетельство. Точно так же и достижения "генной инженерии" могут помочь многим людям избавиться от тяжких недугов, но могут быть использованы и во зло человеку.

Критический анализ буржуазных концепций "социальной технологии" показывает, что в них она рассматривается как основное средство формирования общественных явлений и преобразования капиталистической действительности. При этом они берут науку, социально-технологические знания, т. е. знания по формированию того или иного общественного явления, вне системы функционирования общественных отношений. Абсолютизация науки означает игнорирование законов общественного развития. Вследствие этого, как бы ни был отработан рабочий инструментарий социальной технологии, сама по себе она не способна осуществить коренных революционных преобразований капиталистического общества. В руках монополистической буржуазии "социальная технология" имеет, несмотря на все свои претензии на научность и классовую беспристрастность, ярко выраженную и идеологическую, и практическую апологетическую направленность.

Ныне широко бытует среди буржуазных и ревизионистских теоретиков представление о том, будто капиталистическое государство способно с помощью "социальной технологии" изменить природу социальных явлений и процессов или по крайней мере регулировать их функциональную основу. Так, в практике США "осуществляется свыше тысячи программ"¹¹. Среди них программы борьбы с загрязнением окружающей среды, реконструкции городов, образования, борьбы с алкоголизмом, с преступностью и др.

¹¹ См. об этом: *Шилин И.* Хозяйственный механизм: стратегия совершенствования. — *Коммунист*, 1980, № 14, с. 34.

Однако вне плановой системы всего общественного производства указанные программы малорезультативны. Например, практика США показала, что в результате разработки и попыток реализации большого числа всевозможных программ происходит обострение противоречий, возникновение новых диспропорций. В связи с этим пришлось создать специальную государственную комиссию по ликвидации неэффективных программ¹².

Буржуазное государство и монополии, оказывая воздействие на общественные отношения, не вторгаются в сферу капиталистической формы собственности на средства производства. В условиях капитализма деятельность, развернутая на основе "социальной технологии", не может отменить законы классовой борьбы и социалистической революции.

Лишь в условиях социализма, когда происходит изменение самого характера деятельности человека, появляется реальная возможность сознательно и активно творить свою историю, эффективно формировать общественные явления и тем самым ускорять ход развития социалистического общества. Общество реального социализма открывает широкие возможности для органического соединения достижений НТР с преимуществами социализма, научного управления всеми общественными процессами. Выработанный КПСС курс на ускорение социально-экономического развития страны опирается на широкое использование новейших достижений науки и техники, совершенствование всего хозяйственного механизма.

"Технологические" концепции человека и культуры

Для "технологических детерминистов" концепции человека и культуры являются сравнительно новыми. Некоторые из этих концепций они рассматривают в плане возможностей социальной технологии по "преобразованию человеческой природы", более того, всего общества, которое трактуется ими метафизически, как некий агрегат индивидуумов. Анализ "технологических" концепций человека и культуры позволяет глубже понять рассмотренные выше концепции общественного прогресса, футурологии и глобалистики, их новейшие модификации.

В последние годы проблемы человека, его сущности и существования, основных перспектив развития, ценностных ориентаций в условиях научно-технической революции привлекают внимание многих социологов "технологического детерминизма". Ныне мы наблюдаем значительное обогащение теорий "технологического детерминизма" антропологической и культурологической проблематикой.

Общество и человек вне процесса труда существовать не могут. Другое дело, что труд — явление развивающееся, детермини-

¹² См. там же.

рованное социально-экономическими, технологическими, политическими, идеологическими и другими факторами. "Технологические детерминисты" же рассматривают процесс труда, как правило, вне "человеческого фактора". А сам человек понимается ими абстрактно, безотносительно к существующим производственно-экономическим отношениям людей.

По мнению теоретиков "технологического детерминизма", в "постиндустриальном обществе" станут нормой обучающие машины. Со временем под воздействием компьютеров, биологических и фармакологических средств произойдут те изменения и в самом человеке, в результате которых он превратится в некоего "технологического человека".

Приход "нового" человека буржуазные социологи связывают прежде всего с появлением новой технологии и развитием биологических наук. На существенные изменения человека окажут свое влияние космические путешествия, эксплуатация океана, новые источники энергии и новые ресурсы, замена физического труда коммуникациями, увеличение технических средств социального контроля, и прежде всего способность человека влиять на психику, а также природу своих потомков. Контроль над генетическими процессами при формировании человека позволит в недалеком будущем предопределять не только пол, но и другие характеристики. "Общество, — пишет американский социолог В. Феркисс, — сможет заранее программировать определенные типы людей, точно так же, как сегодня оно может выращивать определенные породы собак для определенных ролей и функций..."¹

"Технологические детерминисты" расширяют толкование технологической революции до некоей экзистенциальной "революции"².

Известный английский ученый и поэт Дж. Байрем в книге "Технозис: смерть мира" (под технозисом он подразумевает всеобщий процесс человечества, обусловленный чрезмерным развитием техники) говорит о появлении у людей "технологического сознания", душевного расстройства. "Технозис", согласно Байрему, ведет к отчуждению личности, ее умственной деградации и агрессивности: для спасения человечества необходим "антитехнозис". Байрем предлагает свой план "спасения мира": упрощение человеческой жизни с точки зрения человеческих потребностей; сокращение населения земного шара и, конечно, отказ от техники и преимущественно сельскохозяйственная ориентация национальных экономик³.

Понятия "век биологии", "биологический этап НТР", связанные с перспективами практического овладения биосферой, био-

¹ *Ferkiss V. Technological Man. The Myth and Reality. New York, 1970, p. 105 — 106.*

² См. там же, с. 111.

³ *Biram J. Technosis: Death of the World. London, 1978.*

ценозами, в последние годы глубоко анализируются в марксистской литературе⁴.

Экзистенциальная "революция" и "технологическая революция", считает Феркисс, находятся в неразрывном единстве, и вне их невозможно понять так называемого технологического человека. По мнению либерально настроенных "технологических детерминистов", всяким техническим изменениям, угрожающим человеческой цивилизации и личности человека, обязательно сопутствует некая экзистенциальная "революция", которая "уже в пути и может разрушить тождество человеческой расы, сделать общество неуправляемым, а планету — буквально превратить в необитаемую. Буржуазный человек не способен справиться с этой революцией. Единственное спасение расы — создание технологического человека"⁵.

Концепция "технологического человека" декларативно, а с точки зрения методологии — внеисторически, провозглашает, что "технологический человек" — это человек "нового культурного типа", подчиняющий себе науку и технику, а потому противостоящий "экзистенциальной революции". В своей деятельности он будет руководствоваться "новой философией" как некой "философией будущего". Роль же человека заключается не в создании нового вида, отличного от *Homo sapiens*, а в совершенствовании "все еще неукротимого чуда тела, костей и набора хромосом, которые люди еще едва знают"⁶.

В подходе к миру "технологический человек" помимо натурализма руководствуется принципами буржуазного гуманизма. Появление новой культуры связывается с идеалистическим мировосприятием, выведением принципов этики из природных начал человека, внеисторическими представлениями о социальных явлениях, которые обусловлены в первую очередь развивающейся научно-технической революцией.

Известный французский социолог Ж. Фурастье в книге "Открытое письмо четырем миллиардам людей" выражает уверенность в том, что "постиндустриальное общество" возвратит человека от преходящих условий и потребностей к вечным потребностям и условиям человеческого существования. Он отмечает, что эти вечные потребности не исключают роли машинной техники и расширения "технической среды". По его мнению, "существующая сейчас регламентация труда соответственно будет все более возрастать, углубляя анонимность социальных и производственных процессов, нивелировку личности"⁷. Буржуазный теоретик улавливает процесс нивелировки личности

⁴ См.: Фролов И. Т. Перспективы человека. Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения.

⁵ *Ferkiss V. Technological Man. The Myth and Reality*, p. 245.

⁶ Там же, с. 247.

⁷ *Fourastie J. Lettre ouverte a quatre milliards d'hommes*. Paris, 1970, p. 25.

в условиях капиталистического общества, но абсолютизирует его, распространяет и на социализм, в то время как социализм использует НТР, ее достижения для всестороннего развития каждой личности.

Американский философ Р. Синаи в своих работах пытается также искать корни бедствий и упадка человеческой личности и современного мира, видя истинные корни бедствий в конфликте индустриализма и антропологизма⁸.

Конечно, подход к личности как к изменяющемуся, развивающемуся феномену не вызывает возражений. Однако само это развитие Феркисс, Синаи и другие "технологические детерминисты" объясняют без учета процессов социально-экономической детерминации. При этом, как правило, берутся лишь две-три детерминанты: развитие науки и техники, нравственно-философская позиция личности, роль государства и правящей элиты. Личность же понята буржуазными социологами как некая целостность, включающая в себя совокупность абстрактных свойств, не отражающих ее сущностную основу. Вместе с тем все структурные элементы личности, как известно, находятся в определенных взаимосвязях, которые реализуются в сфере конкретно-исторических субъектно-объектных отношений.

Одной из важнейших задач марксистской социологии является раскрытие социальной сущности личности в ее историческом развитии. По мнению К. Маркса, необходимо "знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху"⁹. Вопрос о перспективах развития сущности человека невозможно решить без анализа конкретно-исторических форм его существования.

Открытие К. Марксом социальной сущности личности позволяет, таким образом, видеть в ней то существенное, которое формируется в конкретной системе общественных отношений определенного класса, социальной группы, к которой она принадлежит. Именно лишь на основе этого методологического приема социологического исследования личности возможно предвидение основных тенденций ее развития. Технологические же изменения, понимаемые как абстрактно-всеобщая детерминанта, не позволяют всесторонне и глубоко понять общественно необходимые связи и отношения, в которых формируется личность. Индивидуальным "субъектом социальной деятельности.— отмечает Л. П. Буева,— выступает всегда не абстрактный "психологический" индивид... а член класса, социальной группы, принадлежащий к исторически-конкретному обществу с определенной социально-экономической и политической структурой. Личность в этом аспекте рассматривается как социальный тип, как представитель тех или иных социальных групп, разделяющий

⁸ *Sinai R.* The Decadence of the Modern World. Cambridge, 1978.

⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 623 (примечание).

их способ жизнедеятельности и образ мыслей”¹⁰.

Для советских людей неотъемлемым является расширение сферы самодеятельного научно-технического творчества, рост их общественно-политической активности и культуры. В материалах съездов КПСС и других партийных документах последовательно развита идея всестороннего развития личности социалистического типа, особенно сосредоточено внимание на разработке конкретных путей решения этой проблемы. При этом предполагается решение широкого круга задач, связанных с развитием экономики, социальных отношений, науки, культуры, идеологии, социалистического образа жизни.

Буржуазные идеологи, разрабатывая концепции “технологического человека”, стремятся отыскать общие черты в формах жизнедеятельности людей в условиях НТР как при капитализме, так и при социализме. По их мнению, это темпы и ритм, информационная и коммуникативная насыщенность, технизация, усложнение деятельности, возрастание числа и разнообразия “предельных” ситуаций и т. д. В этих поисках общего они, однако, игнорируют самое главное — общественные отношения, детерминирующие формирование личности в этих формах.

Научный анализ такого феномена, как человек в условиях НТР, предполагает многоуровневое рассмотрение: на уровне общества в целом, на уровне различных классов и других социальных общностей и групп, на уровне конкретной индивидуальной микросреды. Концепции же человека в социологии “технологического детерминизма” далеки от научного, комплексного, конкретно-исторического подхода в исследовании данного явления, которое невозможно понять вне рассмотрения всех условий и сфер жизнедеятельности людей.

Конкретизируя понятие “условия жизнедеятельности человека”, некоторые советские философы предлагают условия жизнедеятельности групп и индивидов разделить на объективные (“внешние” по отношению к субъектам) и субъективные (“внутренние”)¹¹.

К объективным условиям жизнедеятельности человека на уровне общества в целом относятся социально-экономические условия. Они предполагают определенную материально-техническую базу, определенный уровень развития форм собственности на средства производства и соответствующие формы распределения материальных благ, социально-классовый состав общества. Кроме того, это также и общественно-политические, идеологические и социально-культурные условия, включая действу-

¹⁰ Буева Л. П. Проблема деятельности личности в марксистской и буржуазной социологии. — Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. М., 1972, с. 52.

¹¹ См.: Левыкин И. Т., Дридзе Т. М., Орлова Э. А., Рейзема Я. В. Теоретико-методологические основы комплексного исследования социалистического образа жизни. — Вопросы философии, 1981, № 11, с. 56 — 57.

ющие в обществе правовые, морально-этические, эстетические и другие нормы, ценности и идеалы, присущие конкретно-историческому образу жизни. Все объективные условия трансформируются в личностные характеристики, преломляясь в микросреде. Подлинно научный анализ многосторонней, разноуровневой детерминации формирования человека возможен лишь с позиций марксистской философской науки, исключающей абсолютизацию, фетишизацию воздействия НТР на человека.

В 70–80-х годах "технологические детерминисты" начинают активно обращаться к такому феномену, как культура. В 50–60-х годах они обходили проблемы духовных ценностей, культурного отставания, противоречий культуры и т. п.

В постановке проблем, связанных с анализом "противоречий культуры", в их решении "технологические детерминисты" исходят из буржуазно-культуроведческой традиции, идущей от Огбёрна, Майера, Уивера и др. По определению одного из них, Майера, "культура – это то, что сохраняется из прошлого людей и воздействует на их настоящее для оформления будущего"¹². Такое абстрактное, аморфное, неопределенное понимание характерно для многих "технологических детерминистов".

Культура не может быть понята из самой себя. Это явление, развивающееся по своим, свойственным ему законам, но вместе с тем детерминированное законами развития данной общественно-экономической формации. Культура воплощает творческие силы общества и индивида на каждой конкретной ступени исторического развития, включая опыт предыдущих поколений. В марксистской литературе справедливо отмечается, что "именно понятие общественно-экономической формации дает возможность рассмотреть культуру конкретно-исторически и выделить определенные типы культуры"¹³.

Из определения понятия культуры, данного Д. Майером, исходят многие "технологические детерминисты", в том числе Д. Белл. Причем он отстаивает "старое понимание культуры", "основанное на преемственности", и выступает против его "нового понимания как разрыва с прошлым"¹⁴.

Рассмотрим концепцию "противоречий культуры капитализма", выдвинутую Д. Беллом. По его мнению, общество представляет сложный сплав трех основных структур: социальной (понимаемой им в технико-экономическом плане), государства и культуры. Если социальная структура требует "эффективности", государственная – равенства, то культура, по Беллу, развивается на основе "самовыражения". Отсюда развитие всех этих трех общественных структур неравнозначно. Так, социальная

¹² *Myres J. O.* The Political Ideas of Greeks, Cineinaty. New York, 1927, p. 16.

¹³ *Боголюбова Е. В.* Культура и общество (Вопросы истории и теории). М., 1978, с. 204.

¹⁴ *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism, p. 100.

структура развивается "линейно" и сопровождается дифференциацией и специализацией. Культура же изменяется через "накопление" и "слияние отдельных течений". При этом возникает противоречие между государством с его формальной верой в равноправие и процессом специализации ролей в социальной структуре с тенденцией культуры в полноте самовыражения личности¹⁵. Эти противоречия культуры капитализма проявляются, считает Д. Белл, по-разному. Во-первых, в функциональной рациональности технократических решений и антирациональных формах поведения, обусловливаемых модернистской культурой. Во-вторых, в характере вознаграждений и апокалипсических умонастроениях. В-третьих, в отрицании буржуазных ценностей. В-четвертых, в утрате религиозной убежденности¹⁶.

Для того чтобы решить эти противоречия, Д. Белл исследует их истоки. И главную причину противоречий культуры он усматривает в "перестройке внутреннего содержания личности с целью достижения самореализации и самоудовлетворения"¹⁷. В этом смысле своеобразной реакцией личности на происшедшие технологические изменения выступает модернистская культура.

Возникшая "новая", модернистская культура, по характеристике Белла,— антипод действительно подлинной культуре, в основе которой лежат исконные буржуазные ценности. Эта современная массовая, модернистская культура оставила капитализм без целостной системы духовных ценностей, приведя "к разрыву внутренней связи, которая поддерживает культуру всего общества"¹⁸.

Таким образом, Д. Белл усматривает причины противоречий культуры капитализма не в самом капиталистическом базисе, а в сфере личностного сознания. Причем многие негативные черты буржуазной модернистской культуры им раскрываются интересно, а критические в отдельных аспектах оценки справедливы.

В итоге, однако, Д. Белл остается верным своему исходному теоретико-методологическому основанию — парадигме "технологического детерминизма", ибо развитие культуры и искусства капиталистического общества он ставит в непосредственную зависимость от развития техники, средств массовых коммуникаций.

Буржуазному социологу совершенно чуждо понимание того, что господствующий в обществе класс использует культуру и искусство в целях укрепления своего экономического и политического господства. Он забывает, что модернистская культура возникла не из психологических и технологических предпосылок, а из потребностей монополистического капитала еще более

¹⁵ См. там же, с. 14.

¹⁶ См. там же, с. 84, 42, 47.

¹⁷ Там же, с. 13.

¹⁸ См. там же, с. 104.

укрепить свои политические, социально-экономические и технологические завоевания, увести народные массы от действительных ценностей культуры. Усвоение же подлинных ценностей способствует выработке демократической и социалистической культуры, носителем которой в капиталистическом обществе является пролетариат.

Анализ культуры, который осуществляет Белл, безотносительен к ее классовому содержанию и идеологической направленности. По его мнению, "постиндустриалистская" рациональность и модернистская культура несовместимы. А ведь модернизм как раз и является продуктом буржуазного общества. Белл сам невольно признает, что "лежащий в основе модернистской культуры принцип неограниченного самовыражения был продуктом буржуазного общества с его прославлением безудержного индивидуализма"¹⁹.

Как и другие "технологические детерминисты", Белл не хочет признать, что причина кризиса культуры капитализма — в его антигуманной природе, глубоком общем кризисе его системы. Выход же из этого кризиса возможен лишь на путях коренного революционного преобразования общества.

Очень явственно звучит тревога по поводу "кризиса культуры" в интерпретации "технологических детерминистов" пессимистического направления. Эта озабоченность возросла с дальнейшим углублением и развитием общего кризиса капитализма. Так, французские социологи-журналисты М. Альбер и Ж. Ферньо в книге "Тощие коровы" ставят задачу осмыслить вопрос о том, какое будущее ожидает человечество, на какие ценности культуры следует ориентироваться. Дело в том, что уж очень заметна, по их мнению, разница между "тучными" 60-ми годами и "тощими" 70-ми годами. Время "тучных коров" — это время технологического преобразования общества, научной его организации, оптимизма, надежд и т. п. Это был "день". Но в 70-х годах наступила "ночь". "Сегодня, — пишут они, — само понятие экономического прогресса превращается в синоним разрушения. И это означает не только глупость, напрасный труд, заблуждение, а, скорее, преступление, аморальную деятельность, преступное отношение к живым существам и вещам". И далее. "Мы, — утверждают буржуазные социологи, — входим в полосу беспокойства и неуверенности. Мы больше не знаем, ни что мы представляем собой, ни куда мы идем, ни чему служит то, что мы делаем"²⁰.

С точки зрения Альбера и Ферньо, настало время для переоценки ценностей, ибо многие культурные ценности мешают "саморегулированию личной жизни" и даже "новому распределению" денег и труда. Конфликты в ценностях и идеях, считают они, приводят к тому, что человек, охваченный страхом, нахо-

¹⁹ Там же, с. 144.

²⁰ *Albert M., Fernion J. Les vaches maigres. Paris, Gallimard, 1975, p. 80.*

дится в состоянии напряжения, испытывает разочарования, неуверенность, тревогу. По их словам, старые культурные ценности, не соответствующие новым порядкам, вызывают противоречия и негативные явления не только в поведении человека, но и в институциональных структурах. Многие из культурных ценностей разрушаются сами²¹.

Американский социолог Э. Месфин в книге "Изменения в технике: их влияние на человека и общество" рассмотрел довольно подробно проблему влияния техники на изменение ценностей, в том числе таких, как "деятельность и работа", "моральная ориентация", "гуманизм", "наука", "светская рациональность", "религия", "высшая ортодоксальность", "индивидуальность личности" и др. Примечательно, что, цитируя книгу американского социолога Р. Уильямса "Индивидуальные и групповые ценности", он в числе основных ценностей вслед за ним называет национализм и расизм. При этом Месфин не высказывает своего отношения к шкале ценностей, данной Р. Уильямсом, и тем самым как бы соглашается с ним. Он продолжает развивать концепцию "противоречия между социальными и индивидуальными ценностями и техникой". Это противоречие он рассматривает как противоречие между необходимыми социальными действиями, основанными на знании, и традиционными ценностями²². Э. Месфин, как и другие "технологические детерминисты", находясь в плену технологического фетишизма, не в состоянии понять сложную диалектику взаимодействия установок личности, индивидуальных и общественных ценностей и общественного бытия.

Одним из социальных последствий НТР в условиях капиталистического общества является возникновение нового типа работника, главной функцией которого является управление и контроль над процессом производства. Эта функция реализуется не столько в индивидуальном порядке, сколько в определенной организационно-управленческой системе, в которой действия людей жестко регламентированы и деперсонализированы. Культура же буржуазного общества нацелена на формирование индивидуализма. Буржуазные социологи не беспочвенно заявили о кризисе культуры капитализма. Но выход ими не найден. Одни предлагают вернуться от модернистской, "новой" культуры к традиционным буржуазным ценностям, к религии. Другие видят выход в "технологизации", рационализации старых ценностей.

Особое место среди концепций культуры "технологического детерминизма" занимает концепция "коммуникативной культуры", одним из основоположников которой считается канад-

²¹ См. там же.

²² *Mesthene E. Technological Change. Its Impact on Man and Society.* Cambridge, Massachusetts, 1970.

ский социолог М. Маклюэн. К концу 60-х годов его популярность у широкой публики ряда капиталистических стран достигла того уровня, когда ссылка на его работы превратилась чуть ли не в обязательный эталон научной актуальности.

Работы Маклюэна написаны в свободной публицистической манере. Здесь рассуждения о геометрии Евклида и апориях Зенона, о падении Римской империи и о пуантилистской живописи, о грегорианских хорах и о стриптизах, о движении хиппи, о проблемах войны и мира, о моде на мебель, одежду, о причинах возникновения шизофрении и т. д. Несмотря на столь разнообразный информативный материал, работы Маклюэна тем не менее представляют разработку одной из важнейших концепций "технологического детерминизма", причем в его сугубо специфической форме — "коммуникативного детерминизма". Согласно этой концепции, средства массовых коммуникаций помогают человеку не только открывать реальность, но и создавать ее. Маклюэн обуславливает это тем, что реальность вовсе не то, что есть объективно, а то, как она "репрезентирована" человеку средствами коммуникации.

Неоднократно утверждая, что новые технологические средства модифицируют человеческую психику, а все социально-исторические изменения представляют следствие в изменениях технологических структурных средств, Маклюэн противопоставляет "коммуникативный детерминизм" концепции марксизма. "Маркс,— пишет он,— и его последователи... констатировали динамику новых средств коммуникации, не понимая ее сущности. Маркс в высшей степени несвоевременно базировал свой анализ на машине, как раз тогда, когда телеграф и другие новые формы общения начали властно преобразовывать механическую динамику"²³.

Маклюэну чуждо понимание "технологической детерминации" в системе сложнейших общественных детерминационных процессов. В его понимании критерием общественного прогресса, уровня развития культуры выступает "средство общения". Так, согласно Маклюэну, устной речи соответствует общинный строй, письменной — корпоративный строй средневековья, печатной — индивидуалистическое общество Нового времени с его отчужденным "типографским человеком". "Новое общество характеризуется электронными средствами общения"²⁴.

Марксистско-ленинская наука убедительно показала, что все общественные изменения, в том числе в средствах массовых коммуникаций, всегда включены в систему всесторонних связей. От природы этих общественных отношений и связей в ко-

²³ McLuhan M. *Understanding Meaid*. London, 1967, p. 48.

²⁴ McLuhan M. *The Gutenberg Galaxy. The Making of Typographic Man*. Toronto, 1962, p. 22.

нечном счете зависят социальные последствия использования средств массовых коммуникаций. Кроме того, сами по себе изменения в коммуникативных средствах не ведут к изменению положения человека в системе капиталистических производственных отношений. Культура же, детерминированная в какой-то мере развитием средств массовых коммуникаций, не теряет своего буржуазного характера.

В 80-х годах идеи Маклюэна получили развитие в теории "третьей волны" О. Тоффлера. Будущее культуры в "программируемом обществе" он непосредственно связывает с компьютерной техникой, которая повлияет-де на упадок массового тиражирования газет и журналов, всемогущество централизованного телевидения. Кабельное телевидение, по его мнению, — вот основной источник образования и культурного развития людей, живущих в "программируемом обществе". Развитие же телевизионной техники приведет к тому, что телезрители будут делиться на все более мелкие группы, каждая из которых не только обогатит культурную жизнь в целом, но и ограничит власть крупных телевизионных компаний. Тоффлер ругает за обучение на дому, за получение всей информации через кабельное телевидение, за прекращение фактически всех непосредственных контактов между людьми. Его "компьютерный детерминизм" ведет к явному оскудению всей общественной жизни, а главное, лишает человека непосредственного общения, личных контактов, "взрывает" важнейший пласт жизни — общественную психологию. Все разговоры о "коммуникативной", "информационной" культуре осуществляются в социально обезличенной, деперсонализированной форме.

Такого рода рассуждения всего лишь констатация факта буржуазной действительности. Они не могут ни обнаружить, ни тем более указать действительные пути выхода общества из состояния кризиса. Они призывают к либеральному планированию, к быстрой "переоценке ценностей" и осуществлению их "нового распределения". Все это свидетельствует о том, что проходящая ныне через всю буржуазную идеологию идея о "кризисе культуры", "переоценке ценностей" и т. д. в конечном счете означает попытку буржуазной идеологии приспособиться к новым реальностям в условиях обострения кризиса всей капиталистической системы при неизменности ее конечных классовых целей.

Культурный прогресс общества измеряется прежде всего развитием самостоятельности народа, его способности к самостоятельному историческому творчеству. Именно в данном пункте отчетливо просматривается противоположность марксистского и буржуазного понимания культуры. Для марксистского понимания культуры прежде всего важны не технология сама по себе, не разного рода новые и новейшие коммуникативные средства с их колоссальными возможностями развития челове-

ской культуры, а свободное и полное развитие каждого человека, всех трудящихся.

И в этом смысле развитие культуры предполагает освоение и использование массами всего того ценного и прогрессивного, что было достигнуто предшествующим материальным и духовным развитием человечества. Лишь в условиях социализма, на основе научного и технического прогресса осуществляется развитие самих людей.

НТР — важнейший фактор культурного развития общества. Ее воздействие на культуру идет в двух направлениях: во-первых, она формирует новый тип работника; во-вторых, создает технические возможности для развития самой культуры. Однако в разных социально-экономических системах этот процесс имеет неодинаковые последствия: капитализм использует эти процессы с точки зрения своей выгоды, социализм же превращает их в культурное благо, в условие дальнейшего роста материального производства и совершенствования всех членов общества. Именно социально-экономическая и политическая система социализма представляет собой ту основу, на которой происходит реализация связей между технологией и культурой, индустриализацией и гуманизацией.

Диалектико-материалистическое понимание культуры, связанное с ней универсальное и всестороннее развитие человека в процессе его общественно-исторической деятельности находят в социалистической культуре свое прямое подтверждение и обоснование²⁵. Эффективность культурного прогресса определяется тем, насколько социальная активность масс, их практическая деятельность по своим целям и средствам становятся творческой деятельностью.

На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС отмечалось, что задачи, решаемые реальным социалистическим обществом в области культуры, не могут быть осуществлены без качественно новой материально-технической базы, автоматизированного технологического способа производства, без совершенствования всех общественных отношений, предоставляющих индивиду свободное время, необходимое для развития всех его творческих возможностей²⁶.

²⁵ См., например: Социалистическое общество. Социально-философские проблемы современного советского общества. М., 1975, с. 192—208; Духовный мир развитого социалистического общества. М., 1977.

²⁶ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 года. М., 1983, с. 10—13.

НАУЧНАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ "ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ" ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Исследование проблем общественного прогресса, футурологии, глобалистики, социальной технологии, классов, политической организации общества, человека, культуры осуществляется социологией "технологического детерминизма" в их противопоставлении историческому материализму.

Среди буржуазных идеологов бытует мнение, будто исторический материализм — это разновидность "технологического детерминизма", одна из многих его концепций. Можно выделить три основные линии, по которым осуществляются "технологические" интерпретации исторического материализма. Во-первых, это фальсификация теории К. Маркса, рассмотрение ее как продолжения идей О. Конта о разграничении социально-философского и общесоциологического знания. Во-вторых, отождествление современных марксистских концепций НТР с "постиндустриалистскими" концепциями. В-третьих, выдвижение буржуазными социологами задачи создания "единой интеграционной" социологической теории, которая, по их мнению, должна быть более высокого общесоциологического уровня, чем исторический материализм.

Попытки рассмотрения исторического материализма как одной из разновидностей "технологического детерминизма" не новы. Известно, что Ф. Энгельс в 90-х годах XIX в. осуществил глубокую критику "экономического материализма", под которым многие мелкобуржуазные теоретики подразумевали исторический материализм. Было показано, что исторический материализм ничего не имеет общего с "экономическим материализмом", который вульгаризирует реальные отношения и связи, отрицает сложный характер социальной детерминации.

Атаки на исторический материализм под флагом "экономического материализма" и "технологического детерминизма" все еще продолжают. Так, Г. Коэн ставит своей целью доказать, что исторический материализм — это "технологический детерминизм". Он истолковывает материальные детерминанты общественного развития лишь как технологические

и технические средства¹. Коэн оказывается не в состоянии научно проанализировать "материальную сферу" в обществе.

Профессор Йоркского университета в Торонто (Канада) М. Вуд справедливо отмечает, что сам Коэн является "технологическим детерминистом" и свою упрощенную схему общественного развития приписывает историческому материализму. У него "естественные импульсы,— пишет Вуд,— приводят в движение материальную сферу, т. е. развитие технологии, а последняя превалирует и определяет тип социального развития на данном историческом этапе"². У Коэна совершенствование техники и технологии исходит из особенностей природы человеческого разума и в свою очередь определяет становление всех других социальных отношений. По словам Вуда, "Коэн предлагает нам теорию "базиса и надстройки", в которой производственные отношения становятся надстроечными по отношению к реальному базису — технологическим силам производства"³.

Как типичный "технологический детерминист" Коэн полностью разъединяет материальную и социальную сферы, противопоставляет одну другой. Известно, что заслуга марксизма состоит в том, что он на принципиально новой, диалектико-материалистической основе решил вопрос о соотношении материального, социального и сознательного в истории.

Выступая с критикой теории "тождества общественного бытия и общественного сознания" А. Богданова, В. И. Ленин ставит и решает очень важный для понимания общественной жизни вопрос о соотношении материальности, социальности и сознательности. Из того, что люди живут и хозяйничают, рожают детей и производят продукты, обменивают их, "складывается объективно необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от... общественного сознания, не охватываемая им полностью никогда"⁴. Производя необходимые для жизни средства, люди воспроизводят и общественные отношения, существующие независимо от сознания. Открытие этой закономерности помогает понять переход индивидуального в социальное, связь сознания с объективными условиями деятельности и существования людей.

Пытаясь представить исторический материализм в качестве одного из вариантов "технологического детерминизма", буржуазные социологи дают самые различные интерпретации якобы марксистского понимания общественных явлений.

В последние годы появились концепции так называемого политического марксизма. Фактически это очередной вариант "технологического детерминизма". Как отмечает Э. М. Вуд, в концепциях "политического марксизма" техника и технология,

¹ Cohen G. A. Karl Marx Theory of History: a Defense. Oxford, 1980.

² Wood E. M. The Separation of the Economic and the political in Capitalism. New Left Review, 1981, N 127, p. 70.

³ Там же, с. 79.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 345.

”сфера” производства, понимаемая технологически, доминирует в том смысле, что политические формы как раз и представляют собой формы производства, атрибуты производительной технологической системы⁵.

В данном случае ”технологический детерминизм”, стремясь преодолеть свою ограниченность, оказывается прикрытым политической терминологией. В условиях интенсивного развития промышленного производства, потребностей в активизации культурного потенциала и оптимизации политических решений наиболее ощутимой становится ограниченность ”технологического детерминизма” в его классическом варианте, а именно фетишизации науки и техники.

Отсюда появилось стремление расширить проблематику ”технологических” интерпретаций, ввести в нее исследование политики, морали, человека, роли человеческого сознания. При этом все политические и идеологические явления и процессы трактуются по-прежнему с позиций парадигмы ”технологического детерминизма”. Такое понимание ничего не имеет общего с историческим материализмом.

В. И. Ленин отмечал, что основная идея материалистического понимания истории ”состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования”⁶. Исторический материализм исключает одностороннее развитие, развитие лишь технологическое. Ученые-марксисты рассматривают общество как целостную систему детерминационных связей и отношений.

Другой попыткой представить исторический материализм в качестве одного из вариантов ”технологического детерминизма” является истолкование его как некой ”постиндустриалистской” концепции. Так, американский социолог Э. Харви в книге ”Индустриальное общество: структуры, роли и отношения”, цитируя положения из предисловия ”К критике политической экономии” К. Маркса, делает вывод, что ”детерминантой или независимой переменной, по Марксу, является технология, способ производства”⁷. Харви не понимает существа учения К. Маркса о способе производства материальных благ, когда полагает, что способ производства и технология — однопорядковые явления.

Другой американский социолог, В. Феркисс, в книге ”Технологический человек: миф и реальность” утверждает, что ”марк-

⁵ Wood E. M. The Separation of the Economic and the political in Capitalism. — New Left Review, 1981, N 127, p. 79.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 149.

⁷ Harvey E. Industrial Society: structures, roles and relations. Dorsey Press, 1975, p. 39.

систский экономический материализм на деле является технологическим детерминизмом”⁸. С. Липсет полагает, что большинство теорий ”постиндустриального общества” можно рассматривать как ”конгруэнтные марксистскому направлению исторического материализма”, где, согласно интерпретации Липсета, ”определяющим фактором социального развития является изменение в технологической структуре, где культурная и политическая надстройка изменяются в соответствии с уровнем развития технологии”⁹. В. Феркисс утверждает, что теоретики из социалистических стран, занимающиеся изучением НТР, фактически дают те же самые теории ”постиндустриального общества”, что Д. Белл, Дж. Гэлбрейт, А. Турен. Они, по его мнению, в равной мере подчеркивают ”значение теоретических, научных знаний как источника социальных и экономических перемен, влияющих на изменение социальной структуры, ценностей, нравов”¹⁰.

Итак, концепция НТР, разрабатываемая философами-марксистами, выдается буржуазными идеологами за ”постиндустриальную”. Действительный смысл такого рода фальсификации заключается в следующем. Верно, что теоретики ”постиндустриального общества” обратились к проблемам НТР, роли знания и технологии в историческом развитии. Верно и то, что исторический материализм также рассматривает эти проблемы. Однако аргументация и теоретико-методологические подходы теории ”постиндустриального общества” и исторического материализма ничего не имеют общего. ”Технологический детерминизм” абсолютизирует технологический уровень общественной детерминации.

Исследование многообразных детерминационных взаимодействий имеет большое значение для понимания и оценки глубины социальных преобразований. Н. В. Пилипенко отмечает, что в наше время ”большой интерес представляет исследование многообразных форм детерминации в обществе, диалектического взаимосцепления детерминирующих и детерминируемых явлений с учетом того, что принцип детерминизма применительно не только к природе, но и к обществу включает в себя самые различные связи (функциональные, структурные, корреляционные, случайные, необходимые, возможные, действительные) и закономерности (частные, общие, универсальные, динамические, статические)”¹¹.

Рассмотрение лишь одного уровня общественной детермина-

⁸ *Ferkiss V. Technological Man: The Myth and Reality. New York, 1970, p. 30.*

⁹ *Lipset S. M. What even Happened to the Proletariat? An Historic Mission unfulfilled. – Encounter, 1981, June.*

¹⁰ *Ferkiss V. Daniel Bell's concept of Post-Industrial Society, Myth and Ideology. – Political Science Reviewer, 1979, N 9, p. 97 – 99.*

¹¹ *Пилипенко Н. В. К проблеме социального детерминизма. – Коммунист, 1981, № 14, с. 51.*

ции — технологического — показывает, что и он далеко не однозначен, а имеет различные формы, многообразные взаимодействия. Развитие производительных сил, организационно-технологических и организационно-управленческих отношений представляет важнейшие формы технологического уровня общественной детерминации, которые характерны как для определенных этапов исторического развития, так и для процесса в целом.

Начало производственной деятельности человека связано с историей его формирования как субъекта общественного производства, с ролью технологического и социально-экономического аспектов этой деятельности. Физиологические способности человека ограничены, и поэтому производительность труда зависит от того, каковы орудия производства, насколько они совершенны. В свою очередь совершенствование орудий производства детерминируется прежде всего общественными потребностями. Вместе с тем важная роль отводится технологической потребности изменения в орудиях производства.

Развитие орудий производства детерминируется, таким образом, социально-экономическими и технологическими причинами. "Технологические детерминисты" отношение "человек — труд" исследуют, опираясь на парадигму "технологического детерминизма". Они обращаются к рассмотрению лишь организационно-технологических связей, в лучшем случае вводят такие дополнительные детерминанты, как "производственная этика" и "правительственные решения".

Включенность человека в производственный процесс ученые-марксисты понимают принципиально иначе, чем "технологические детерминисты". Марксизм никогда не отрицал значение технологического аспекта общественной детерминации, но рассматривал его в диалектическом взаимодействии с другими явлениями. Разделение труда — непосредственное следствие развития производительных сил общества, где важна роль всех элементов производительных сил. Например, на основе анализа значения рабочей силы в этом процессе можно проследить возникновение кооперации. Объединение индивидуальных способностей трудиться в кооперации есть лишь возможность, превращение которой в действительность обусловлено производственно-экономическими отношениями людей. Материальным условием кооперации является концентрация значительных масс средств производства в руках отдельных капиталистов и появление особого рода товара — рабочей силы человека.

Именно благодаря появлению прибавочной стоимости в процессе эксплуатации рабочей силы и происходит превращение мелкого хозяйчика в капиталиста. Кооперация являет собой не только технологическо-производственные отношения, но и капиталистические производственно-экономические отношения, определяемые в первую очередь формой собственности на средства производства. Технологическое обновление капитала

в развитых капиталистических странах оказалось возможным благодаря достигнутому в них уровню развития производительных сил, а также высоким прибылям, позволяющим финансовой олигархии маневрировать.

Одной из форм технологической детерминации является производственно-технологическая и технологическо-управленческая стороны человеческой деятельности. Известно, что основоположники марксизма-ленинизма проанализировали сущность управления производством и как особую функцию, вытекающую из самой природы процесса труда, и как функцию эксплуатации труда капиталом.

Первоначально функция капиталистического управления выступает как формальное следствие того, что рабочие трудятся не на себя, а на-своего хозяина. С развитием кооперации управление выступает как необходимый элемент, обеспечивающий эффективность данной системы. Усложнение труда, его непосредственно-общественный характер вызывают с необходимостью к жизни функции контроля, осуществления руководства, обеспечивающего согласованность действий, подчиненных со стороны управления задаче возрастания прибавочной стоимости.

Исследование и учет в практической деятельности технологической и социально-экономической сторон управления производством, всей человеческой деятельностью показывают необходимость научной организации, совершенствования хозяйственного механизма. Философский аспект этой проблемы связан с разработкой вопросов общественной детерминации, в том числе ее технологического уровня.

Анализ перспектив развития социалистических производственных отношений предполагает их рассмотрение в двух аспектах: во-первых, экономические отношения, основанные на форме собственности на средства производства; во-вторых, как отношения по способу хозяйствования, т. е. согласно организационно-технологической их стороне. Именно эти отношения в условиях господства социалистической формы собственности на средства производства приобретают важное значение¹².

Значение технологических особенностей в развитии и формировании различных общественных явлений при наличии определенного уровня способа производства материальных благ, экономического базиса и политической надстройки действительно велико.

Так, XXVI съезд КПСС и последующие Пленумы ЦК КПСС уделили особое внимание необходимости осуществления качественного переворота в технологическом процессе производства

¹² См.: *Абалкин Л. И.* Теоретические вопросы хозяйственного механизма. — *Коммунист*, 1983, № 14, с. 28 — 38.

(автоматизация, роботизация, развитие микроэлектронной технологии, биотехнологии и т. д.). Известно значение этого переворота для решения социальных, идеологических, политических задач, стирания существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, для совершенствования социалистического образа жизни, формирования личности социалистического типа.

Без развития социалистической формы собственности на средства производства, без использования новейших достижений науки и техники невозможно эффективно решать поставленные коммунистической партией задачи по совершенствованию реального социалистического общества. Как справедливо отметил Р. И. Косолапов, развитие социалистической собственности в настоящий момент определяется уровнем материально-технической базы общества, технической оснащенностью, энерговооруженностью труда и в городе, и в деревне¹³.

Развитие общественного процесса показывает, что невозможно понять, а тем более управлять таким явлением, как НТР, без учета технологического аспекта социальной детерминации. В условиях капитализма это управление ограничено. Именно социализм создает безграничные возможности для наиболее полной реализации возможностей НТР. Но реализация этих возможностей обусловлена уровнем познания и овладения законами общественного развития, ориентацией в сложной системе общественной детерминации.

В условиях реального социализма встают вопросы, связанные с решением ряда практических задач: внедрения современных средств механизации и автоматизации технологических процессов, интеграции науки и производства, соединения преимуществ социализма с достижениями НТР. Вся общественно-политическая жизнь Советской страны развивается под глубоким воздействием решений апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, сформулировавшего концепцию ускорения социально-экономического развития страны на базе научно-технического прогресса. Значительным, этапным событием в практической реализации экономической стратегии партии стало совещание в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса.

Развитие материально-технической базы социалистического общества — основа таких важнейших социально-экономических задач, как дальнейшее обобществление производства, развитие социалистического образа жизни, решение которых зависит от научно-технического прогресса, связи науки с производством.

¹³ По вопросу углубления марксистско-ленинского понимания процессов производства, общественной жизни реального социализма см.: Коммунист, 1982, № 5, с. 54 — 67.

Необходимость исследования проблем технологической детерминации общественного процесса связана прежде всего с практикой общественного развития общества, с НТР и требованиями управления всеми социальными явлениями.

Согласно теории марксизма, исходными посылками материалистического понимания истории являются две стороны материальных условий — материальные условия, которые индивиды застают в готовом виде, и материальные условия, которые создаются этими индивидами в процессе их деятельности. Первые — продукт предшествующей деятельности людей; вторые — результат их деятельности по созданию материальных и духовных благ.

Раскрытие противоречия между прошлой и настоящей деятельностью индивидов, между уже готовыми материальными условиями жизни общества и материальными условиями, которые создаются деятельностью нового поколения, помогает определить уровень развития производительных сил, тип производственных отношений, конкретно-исторические формы надстройки и общественного сознания, уровень культуры и т. д. Новое поколение людей включается в уже "готовую" систему общественных связей и отношений.

Существует неразрывная диалектическая взаимосвязь всех общественных отношений, интегрируемая прежде всего способом производства материальных благ. Классики марксизма-ленинизма дали глубочайший анализ общественного развития на основе всесторонне разработанного принципа социального детерминизма. Именно в единстве материалистического решения основного вопроса философии применительно к обществу и принципа социального детерминизма становятся понятными явления и процессы исторического развития, общественные тенденции и законы.

Анализ технологического уровня общественной детерминации позволяет выявить следующие основные методологические предпосылки: признание многоуровневого характера общественной детерминации, относительность самостоятельности любого детерминационного уровня общественного развития, в том числе технологического.

Общественные детерминационные процессы настолько сложны, что ориентация лишь на технологический уровень не объясняет их существенных сторон, свойств, закономерностей. Человек "соединяется" со средствами производства не только технологически, но и экономически, через форму собственности на них. Форма собственности является важнейшей детерминантой всей структуры производственно-экономических отношений людей.

Исторический материализм и "технологический детерминизм" принципиально противостоят друг другу. Исторический материализм рассматривает общественный процесс, опираясь

на глубокое знание законов общественного развития, сложного взаимодействия их детерминационных связей и отношений. Социология "технологического детерминизма" в решении общественных проблем исходит из догм парадигмы "технологического детерминизма".

Буржуазные идеологи фальсифицируют исторический материализм, рассматривая его как одну из разновидностей "технологического детерминизма" и в то же время как несовершенное общесоциологическое знание. Такого рода рассуждения становятся особенно парадоксальными, когда "технологические детерминисты" заводят речь о необходимости создания некой "единой интеграционной" социологической теории.

Определение места исторического материализма в системе социологических знаний получает в последние годы в буржуазной социологии новую форму: признания его важности при анализе общественных явлений и необходимости использования при прогнозировании и управлении социальными процессами. Эти выводы связаны с основными установками буржуазной социологии. С точки зрения "технологических детерминистов", исторический материализм — одна из многих социологических теорий, один из вариантов "технологического детерминизма"; уровень концептуальности исторического материализма якобы недостаточен для того, чтобы выступить "единой интеграционной" теорией общественного развития.

Бывший президент Международной социологической ассоциации шведский профессор У. Химмельстрэнд, рассматривая состояние развития современной социологической теории и в капиталистических, и в социалистических странах, пришел к выводу о необходимости создания "единой интеграционной" социологической теории, так как все существующие не отвечают, по его мнению, этому статусу. "...Для понимания сложных процессов современного капиталистического общества, — пишет У. Химмельстрэнд, — необходимо сочетание исторического материализма Маркса, теории систем и математического стиля исследования. Что касается социалистических стран, то тут было бы необходимо сочетание структурного функционализма, теории конфликтов и некоторых аспектов марксистской теории"¹⁴.

Шведского социолога, по его собственным словам, в историческом материализме привлекает "способность предвидения", "классовая перспектива", "понятие о возрастании структурных противоречий в обществе", основанное на "чрезвычайно интересной и плодотворной предпосылке: если в период своего возникновения и на первом этапе развития определенный способ произ-

¹⁴ *Himmelstrand U.* Ideology, science and policy impact: thoughts on the tasks and challenges of the Social Science. — *International Social Science Journal*, 1982, N 3, p. 511.

водства имеет тенденцию адекватно ограждать это развитие, то постепенно этот способ производства трансформируется в "оковы" для развития производительных сил..."¹⁵.

Обратив внимание на детерминирующую роль данного противоречия, а в целом способа производства материальных благ, Химмельстрэнд игнорирует его социально-экономическую сущность. Производительные силы и производственные отношения, да и сам способ производства он воспринимает лишь как явления технологические. Само же противоречие, возникающее между производительными силами и производственными отношениями, не становится у него социально-экономической основой социальных революций, как это доказывает марксизм и общественно-историческая практика человечества. Это противоречие, считает он, лишь "способ расширения пределов принятия решений", "разновидность диагноза структурных противоречий современного капитализма". Все это должно детализироваться и учитываться "менеджерами и администрацией, пытающимися понять, как работает система..."¹⁶.

У. Химмельстрэнд ратует за такую социологию, которая бы имела практическое назначение. Однако это должна быть социология теоретическая, а не эмпирическая, т. е. такая, которая дает научно обоснованные практические рекомендации. Химмельстрэнд дает весьма реалистичную оценку классовой пристрастности теоретиков социологии "технологического детерминизма", которые "не занимаются исследованием противоречий и антагонизмов своего общества, но зато слишком много пишут об антагонистических отношениях в условиях социализма, подчеркивая при этом общность индустриальных и постиндустриальных, капиталистических и социалистических обществ"¹⁷.

Поиски буржуазной социологией "единой интеграционной" социологической теории означают стремление не только выработать альтернативу историческому материализму, но и тем самым лишить исторический материализм его теоретико-методологической интеграционной функции по отношению к общественным наукам и общественно-исторической практике.

Буржуазные идеологи говорят о важности такой теоретической социологии, которая "имела бы значительный практический интерес", давала бы как ученым, так и практикам реалистическую структуру для исследования, наблюдения и практики. Так, У. Химмельстрэнд, говоря о "единой интеграционной" социологической теории, пишет, что "такая структура не может быть создана какой-либо одной общественной дисциплиной и, уж конечно, не экономистами. Необходимо междисциплинар-

¹⁵ Там же, с. 512.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

ное сотрудничество социологов, экономистов, политологов и историков... Только социология, включая структурный функционализм, символический интеракционизм и исторический материализм, обладает достаточным масштабом и пределами, чтобы дать необходимую интегрирующую концепцию"¹⁸.

Химмельстрэнд совершенно справедливо отмечает современную потребность практики в интеграционном знании. Однако в прогнозах относительно путей его создания он останавливается на социологическом знании, предлагая эклектическое соединение чуждых друг другу социологических теорий и концепций.

О создании интеграционной социологической теории мечтает и Д. Белл. По его мнению, такую теорию необходимо создать во имя гуманистических целей¹⁹. Американский социолог тешит себя надеждой на создание буржуазным обществознанием некой системной теории, на основе которой возможно предсказание решения экономических, социальных и других общественных проблем. Им рассматривается ряд подходов, ведущих к решению этой задачи: создание всеобъемлющей теории на основе кодификации теории игр и теории решений (Дж. фон Нойман, О. Моргенштерн. "Теория игр и экономическое поведение" (1944), Д. Льюс, Г. Райф. "Игры и решения" (1958)), расширение этих теорий до сфер микроэкономики и административного поведения, международной стратегии и т.д. Д. Белл в своих теориях "деидеологизации" и "постиндустриального общества" постоянно подчеркивает необходимость этой и других логико-математических и кибернетических теорий для решения самых различных социальных задач.

С точки зрения Д. Белла, "единая интеграционная" социологическая теория с необходимостью ведет к использованию семиотики как некоего общего знаменателя. Однако он в то же время отмечает, что семиотика не может стать самостоятельной интеграционной наукой, ибо ей не хватает "единого фокуса, свойственного структурализму". Белл характеризует "обширность области политической науки", которая также могла бы претендовать, по его мнению, на интеграционную основу социологической теории, но "ей не хватает синтетической широты при анализе". На интеграционную основу социологической теории претендует, по его словам, и марксизм, но он не годится в качестве "всеобъемлющей теории", ибо, пишет Белл, здесь есть "элементы не только научного знания, но и схоластики"²⁰.

Американский социолог не видит, что исторический материа-

¹⁸ Там же, с. 515.

¹⁹ *Bell D.* The Social Science since the Second World War. London, 1982, p. 7.

²⁰ Там же, с. 78.

лизм, марксизм-ленинизм в целом — теория, которая дает возможность осуществить научный анализ общественного процесса. Он бесосновательно рассматривает исторический материализм в одном ряду со структурно-функциональной социологией, семиотикой и т. п.

Белл полон уверенности в том, что интеграционная, "всеобъемлющая", единая социологическая теория появится. Этот оптимизм необходим буржуазной идеологии, находящейся в глубоком кризисе. Он отражает очередную попытку буржуазной идеологии найти выход из состояния кризиса на "новой" основе.

"Выход" из кризиса буржуазные социологи связывают с выдвиганием теории, альтернативной не только историческому материализму, но и всему марксистскому учению в целом. Но марксизму-ленинизму нет альтернативы. Открытый всему лучшему, передовому, что есть в современной науке и культуре, марксизм-ленинизм находится сегодня в центре духовной жизни мира, владеет умами миллионов и миллионов людей. Это идейное кредо восходящего класса, освобождающего все человечество, это философия социального оптимизма, философия настоящего и будущего.

В 80-х годах стремление ведущих буржуазных социологов пересмотреть устоявшуюся в буржуазной идеологии точку зрения связана с появлением иллюзий создания теории, способной объяснять и преобразовывать мир. Буржуазные социологи ведут речь о необходимости создания такой "единой интеграционной теории", которая бы соединяла в себе социально-философский, общесоциологический и философско-исторический аспекты. Эта задача встала перед буржуазной социологией не случайно. Наука об обществе как целостной системе с необходимостью призвана дать ее философский анализ, ведущий к исследованию общесоциологических законов и движущих сил общественного развития, позволяющий одновременно осуществить и философско-историческое понимание общественного развития.

Именно марксизм рассматривает историю диалектически, как объективный закономерный процесс развития и смены общественно-экономических формаций. Для современной буржуазной социологии, как и для всей предшествующей марксизму социологии, характерно метафизическое противопоставление объективной закономерности общественного процесса и деятельности людей. Исторический материализм диалектически увязал признание объективных законов исторического процесса с пониманием истории как результата деятельности масс.

Исторический материализм изучает исторический процесс, общество как единое целое, во взаимосвязи различных сторон общественной жизни, как общие, так и специфические законы. Лишь с его позиций можно воспринимать ценности общества и классов, теории и идеи, направленность практики и эффективность ее форм.

Познание законов общества возможно, когда четко различаются духовные, идеологические движущие силы и материальные, социально-экономические, из которых последние являются в конечном счете причинами первых. Не случайно классики марксизма-ленинизма требовали при исследовании движущих сил общественного развития строго различать идейные побудительные силы и их причины. Знание подлинных движущих сил общественного развития, истории человечества позволяет понять и предвидеть пути развития общества и отдельных явлений.

В противоположность социологии "технологического детерминизма", предлагающей умозрительные построения, навязывающей реальному процессу абстрактные схемы и тем самым препятствующей познанию реальных исторических закономерностей, исторический материализм на основе учения об общественно-экономических формациях дает возможность объяснять не только общую направленность исторического процесса, но и его многообразие, диалектику общего и особенного.

Буржуазные социологи, используя парадигму "технологического детерминизма", противопоставляют свои философско-исторические концепции историческому материализму, который впервые позволил понять сущность и содержание исторического процесса от появления человека и человеческого общества ранних классовых государств до современной эпохи, являющейся эпохой перехода человечества от капитализма к социализму и коммунизму во всемирном масштабе. Социология "технологического детерминизма" обратилась к философии истории в целях апологии капитала и частной собственности на средства производства, монополистического государства, а также в целях противопоставления своих футурологических концепций теории научного коммунизма и исторического материализма.

"Технологические детерминисты" наряду с "признанием" развития общества, изменения его технологической основы выдвигают и такой аргумент, как необходимость философско-исторического осмысления исторического процесса. На основе этого аргумента строится "доказательство" развития структуры общества из спонтанного развития науки и техники, а также псевдонаучная обусловленность снижения роли современного пролетариата (более того, его будто бы постепенного исчезновения) и, наконец, интерпретации современной эпохи в духе постепенного превращения стран "индустриальных" в "постиндустриальные", "программируемые", "технотронные" и т.п. Этот "аргумент" используется и для "доказательства" необходимости возвращения человечества к более низкому уровню развития (прекращение экономического роста): с "постиндустриального" уровня до "индустриального" уровня.

Вместе с тем реальный исторический процесс подтверждает вывод исторического материализма о том, что ни одна общественно-экономическая формация, несмотря на определенные

исторические зигзаги, не может быть сменена формацией, которая была бы ниже по уровню развития производительных сил, степени совершенства производственных отношений и свободы личности, универсальности ее развития. Каждый способ производства является в конечном счете предпосылкой развития для более высокого способа производства.

Уловив многогранность сущностного теоретико-методологического содержания исторического материализма как социальной философии, общесоциологической теории и философии истории, буржуазная социология выдвинула неразрешимую для себя задачу создания общетеоретической социологии, обращенной к проблемам философии истории и социальной философии, предлагая для этого самые различные варианты.

В социологии "технологического детерминизма" предпринята попытка "соединения" философии истории, социальной философии на основе парадигмы "технологического детерминизма". При этом "технологические детерминисты" понимают и отмечают теоретическую слабость ряда своих позиций (период кризиса 70-х годов). Учитывая популярность в мире исторического материализма, буржуазные идеологи осуществляют "технологизацию" основных его категорий и предлагают в таком виде использовать его для создания "единой интеграционной" социологической теории.

Анализ детерминирующих общественное развитие факторов, таких, как наука, техника, технология, организация производства, невозможен вне их связей с производственно-экономическими отношениями, политической и идеологической надстройкой. "Технологизация" основных понятий исторического материализма небезобидна, ибо нацеливает на теоретическое разоружение пролетариата.

Рассмотрение "технологического" видения буржуазными социологами исторического материализма обнаруживает их очередную попытку "доказать", что исторический материализм якобы "несовершенен" для объяснения и познания общественных явлений. Ими выхолащивается научное содержание исторического материализма, его революционно-преобразующая роль.

Идейные противники марксизма постоянно ведут против марксистско-ленинской философии атаки: противопоставляют диалектический материализм историческому материализму, предлагают "дополнить" исторический материализм буржуазными теориями, искажают его всякого рода буржуазными интерпретациями. Исторический материализм вопреки фальсификациям буржуазных идеологов выступает важнейшим теоретико-методологическим инструментом анализа всех актуальнейших проблем современной эпохи, ее революционного характера, социальных типов общества и перспектив их развития.

Оглавление

Предисловие. ЛОЖНЫЕ ПОСТУЛАТЫ "ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА"	3
ОТ АВТОРА	16
Глава I. ФОРМИРОВАНИЕ "ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА"	18
Социальные и гносеологические корни "технологического детерминизма"	20
Идейно-теоретические источники "технологического детерминизма"	28
Взаимодействие "технологического детерминизма" с другими направлениями современной буржуазной социологии	40
Глава II. ПАРАДИГМА "ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА" И ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ	48
Идеалистическая сущность парадигмы "технологического детерминизма"	51
Социальная метафизика парадигмы "технологического детерминизма"	59
Антимарксистская направленность и практическая несостоятельность парадигмы "технологического детерминизма"	67
Плюрализм и интеграционные процессы "технологического детерминизма"	75
Глава III. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ "ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА" И ИХ НОВЕЙШИЕ МОДИФИКАЦИИ	85
"Технологические" концепции общественного прогресса	
Футурологические концепции и проблемы глобалистики	91
"Технологические" концепции классов и социально-политической организации общества	100
Буржуазные концепции "социальной технологии"	110
"Технологические" концепции человека и культуры	117
Заключение. НАУЧНАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ "ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ" ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА	129

Галина Ивановна Иконникова

**“ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ”
ФАЛЬСИФИКАЦИИ
ОБЩЕСТВЕННОГО
ПРОЦЕССА**

Заведующий редакцией Ю. И. Аверьянов

Редактор Л. Я. Куркина

Младший редактор Е. В. Иванова

Оформление художника И. А. Загурного

Художественный редактор А. В. Кузнецов

Технический редактор Л. П. Гришина

Корректор Б. Г. Прилипко

Оператор наборно-печатающего автомата М. Ю. Арефьева

ИБ № 2977

Сдано в набор 13.06.85. А 04087. Подписано в печать 23.10.85. Формат 84 x 108 1/32. Бумага тип. № 2. Печать офсетная. Гарнитура Пресс-Роман. Усл. печатных листов 7,56. Усл. кр.-отт. 7,77. Учет.-издательских листов 9,49. Тираж 6000 экз. Заказ № 2063. . Цена 1 р. 20 к.

Издательство “Мысль”. 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли.
Москва, Хохловский пер., 7.

1 р. 20 к.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА